

В. Я. БАСИН

РОССИЯ
И
казахские
ханыства
В XVI - XVIII вв.

АЛМА-АТА • 1971

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ИМ. Ч. Ч. БАЛИХАНОВА АН КАЗССР

В. Я. БАСИН

РОССИЯ
и
казахские
ханыства
В XVI – XVIII вв.

(КАЗАХСТАН В СИСТЕМЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» КАЗАХСКОЙ ССР
АЛМА-АТА-1971

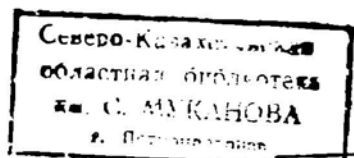
В книге охарактеризована роль, которую придавало царское правительство Казахстану в системе своей внешней политики в Азии, рассмотрена политика России в Казахстане в XVI—XVIII вв. В ней также исследованы внутренняя и внешняя политика казахских ханств и взаимоотношений между их правителями, сущность противоречий различных правящих группировок в казахской степи, причины и цели, побудившие Россию и казахские ханства к упрочению связей; выявлена роль России в поддержании борьбы казахского народа против нашествий Джунгарии и других восточных государств; прослеживаются методы, применявшиеся российской дипломатией для упрочения влияния России в казахских ханствах.

В работе по-новому трактуется вопрос о включении казахских ханств в состав Российской империи, показано, что в процессе присоединения Казахстана к России основные формы их взаимоотношений претерпевали известные изменения.

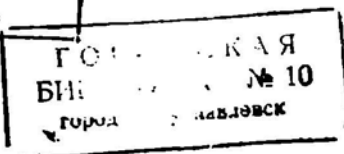
Книга рассчитана на историков, студентов исторических факультетов вузов, партийных и советских работников, а также на широкий круг читателей.

Ответственный редактор
доктор исторических наук
Б. СУЛЕЙМЕНОВ

559478

1—6—4
68—70 м

ПРЕДИСЛОВИЕ

Наиболее значительные и фундаментальные труды в области казахстанской медиевистики были написаны выдающимися востоковедами своего времени В. В. Вельяминовым-Зерновым, В. В. Григорьевым, Е. В. Бартольдом и другими, которые привлекли для исследования почти весь доступный исторический материал. Эти работы не утратили своего значения и сейчас. Большой охват фактического материала, широта раскрываемых вопросов, обоснованность многих решений побуждают современного исследователя обращаться к ним как к разновидности первоисточников. В них нашли отражение многие проблемы истории Казахстана так называемого послемонгольского периода. Процессы инфильтрации монголов в тюркоязычную среду и их ассимиляция, эпизоды из политической жизни государственных объединений XV—XVIII вв., казахско-джунгарские связи, биографические этюды и т. д. — круг этих вопросов широк, но столь же очевидна и его неудовлетворительность. Методологические установки буржуазных историков привели к поверхностному отражению явлений исторической действительности. Несомненный для буржуазного историка постулат — «не история народа, а история правителя» — не может, естественно, выглядеть совершенным в наши дни и не удовлетворяет требований современной исторической науки.

Уже в первых опытах научного воссоздания истории казахского народа в свете марксизма-ленинизма

(С. Д. Асфендиаров, М. П. Вяткин и др.) была предпринята попытка критически осмыслить имеющееся наследие. Надо, однако, сказать, что их хрестоматийная направленность, колоссальность хронологических рамок (с древнейших времен до конца XIX в.) и, наконец, недостаточная ясность в методологических позициях не позволили их авторам полностью реконструировать наиболее глубокие и существенные исторические процессы.

Создание «Истории Казахской ССР» (ч. I. Алма-Ата, 1957) внесло значительный вклад в советскую историографию дореволюционного Казахстана, но специфика самого учебного издания и неразработанность археографической базы обусловили, если можно так сказать, некоторую экстенсивность освещения материала в ней. Сразу же после ее выхода стала очевидной острая необходимость детальной разработки конкретных вопросов средневековой истории Казахстана и создания на ее основе обобщающего исследования.

В советской исторической литературе неоднократно предпринимались попытки освоить и научно исследовать процесс русско-казахских отношений на отрезке XVI—XVIII вв. Опыт, накопленный исследователями Н. Г. Аполловой, Е. Бекмахановым, П. Г. Галузо, Г. Ф. Дахшлейгером, А. Ереновым, С. Зимановым, И. Я. Златкиным, А. Х. Маргуланом, А. Нусупбековым, В. Сулейменовым, С. Е. Толыбековым, А. Б. Турсунбаевым, В. Ф. Шахматовым и другими, значителен и перспективен. Это, впрочем, не означает, что данный процесс исследован во всех его проявлениях и не нуждается в дальнейшем изучении. Заметим, кстати, что именно это положение констатировалось в постановлении расширенного заседания Секции общественных наук Президиума Академии наук СССР в январе 1964 г.¹

Этот опыт может оказаться полезным и при исследовании вопроса о роли Казахстана в политике Российского государства. Попыток в этом направлении не предпринималось вообще и, значит, никакой исследовательской традиции пока не существует, что, очевидно, в какой-то степени сказалось и на нашей работе.

В предлагаемом исследовании сделана попытка

---

¹ См.: «История и социология». М., 1964.

осветить вопросы, касающиеся роли Казахстана в политике России XVI—XVIII вв., раскрыть сущность и особенности русско-казахских отношений этого периода, причины повышенного интереса России к казахским ханствам, вызванного бурным ростом ее экономики, развитием торговли со странами Востока — среднеазиатскими ханствами, Персией, Турцией, Индией, Афганистаном, Китаем.

Казахстан в политике России как проблема интересует нас не только в связи с тем, что она недостаточно изучена, но и потому, что в результате развития русско-казахских отношений определилась ориентация казахских ханств на Россию, логически завершившаяся присоединением их к последней.

Рассматриваемая нами проблема предполагает решение большого круга вопросов, часть которых представляет самостоятельную тему монографического исследования. Поэтому в данной работе автор почти не затрагивает такие вопросы, как русско-китайские и казахско-китайские отношения в XVI—XVIII вв. Что же касается ханства Аблая и событий, происходивших в Старшем жузе, то они затрагиваются лишь в связи с необходимостью решения вопросов русско-казахских дипломатических отношений. Активная работа в этом направлении ведется сейчас в Институте истории, археологии и этнографии АН КазССР и других научных учреждениях страны.

В книге опущены и такие важные события, как посольство Вельямина Степанова, экспедиции И. Бухгольца и А. Бековича-Черкасского, посольство А. Тевкелева, русско-казахские переговоры в Оренбурге в 1742 г., конфликт И. Неплюева с Абулхаир-ханом и некоторые другие, ввиду того, что они исследованы нами в ранее вышедших работах².

Чтобы лучше понять и осмыслить сущность событий, связанных с той ролью, которую Россия придавала Казахстану в своей политике, и установить преемствен-

---

² См., например: В. Я. Басин. Казахстан в системе внешней политики России в первой половине XVIII в. В кн.: «Казахстан в XV—XVIII вв. (Вопросы социально-политической истории)». Алма-Ата, 1969; Его же. Русское посольство Вельямина Степанова в Казахстан в 1595 г. «Простор», 1965, № 8.

ность происшедших событий и явлений, в работе дан исторический очерк внешней политики России на Юго-Востоке с XV в. (со времен Ивана III).

События, происходившие во всех трех казахских жузах, рассматриваются нами в комплексе, а не раздельно. Это связано с тем, что история всех жузов (и в особенности Младшего и Среднего) тесно переплетается. Как правило, события, происходившие, скажем, в Младшем жузе, трудно, а порой и невозможно понять вне их связи с событиями в Среднем жузе, и наоборот. Об этом же писал и Е. Бекмаханов: «В литературе было распространено неверное утверждение, что в Младшем, Среднем и Старшем жузах существовали особые, не похожие друг на друга экономические типы хозяйств. В действительности господствующим типом хозяйств всего Казахстана (выделено нами.— В. Б.) было экстенсивное скотоводческое хозяйство»³. Ч. Ч. Валиханов, критикуя И. Георги и К. Риттера за их ошибочное смешивание казахов Старшего жуза с бурутами (киргизами) и тем самым делая различия между Средним и Младшим жузами, с одной стороны, и Старшим жузом — с другой, писал: «Большая, Средняя и Малая киргиз-кайсацкие орды составляют один народ..., отличный от киргизов, называемых китайцами — бурутами, русскими — дикокаменными или черными»⁴. Наконец, мы сошлемся на «Возражения против замечаний члена Государственного совета... Левшина по проекту «Положения об управлении в степных областях Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторств» (вторая половина XIX в.), в котором говорится: «...киргизцы на всем громадном протяжении степей от Урала до Зайсана... живут одинаковою жизнью: язык у них один, быт кочевой, пользование землею одинаковое, хозяйство однообразно... даже... адаевцы имеют много общего в образе жизни и понятиях своих»⁵. К этому нам остается добавить, что в Младшем, Среднем

---

³ Е. Б. Бекмаханов. Присоединение Казахстана к России. М., 1957, стр. 26.

⁴ Ч. Ч. Валиханов. Собр. соч., т. I. Алма-Ата, 1961, стр. 401—402. См. также: В. В. Востров, М. С. Муканов. Родоплеменной состав и расселение казахов. Алма-Ата, 1968, стр. 11.

⁵ ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 228, д. 7, л. 3.

и Старшем жузах господствовала, хотя и совершенно слабая, но однотипная казахская государственность. Во всех трех жузах проживал единый народ, объединяемый этнической, духовной, языковой и территориальной общностью. К тому же невозможно воспроизвести историю казахского народа в ограниченных рамках отдельных жузов. Лишь совокупность сведений о всех казахских жузах в целом может явиться материалом для создания его истории. Да и само слово «жуз» означает «часть», «сторона» единого целого казахского племенного союза.

При освещении событий мы стремились по возможности сохранить языковой колорит использованных первоисточников, чтобы преподнести читателю дух эпохи.

«... Господство России играет цивилизаторскую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии...»

Ф. Энгельс.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПРОБЛЕМА, ИСТОЧНИКИ, ЛИТЕРАТУРА

Историческая литература располагает сейчас многими исследованиями об истории присоединения национальных окраин к России и его последствиях. Как правило, в них этот вопрос рассматривается лишь в рамках взаимоотношений России с той или иной национальной окраиной. До сих пор, однако, нет работы, в которой бы данная проблема изучалась с точки зрения их роли в системе внешней политики России. Обилие материала и сумма новых заключений позволяют предположить, что при рассмотрении этой проблемы следует исходить не из существующего трафарета, а из позиций исследования явлений более общего характера.

Вопрос о взаимоотношениях казахских ханств с Россией и их роли во внешней политике последней впервые был поставлен нами в работе «Из истории русско-казахских дипломатических отношений в XVI—XVII вв.»¹. Впоследствии автор неоднократно обращался к этой проблеме, однако ни в одном из исследований не было возможности осветить ее достаточно подробно и глубоко, так как в каждом случае ставились и другие не менее важные задачи, например, изучение

---

¹ «Известия АН КазССР. Серия общественных наук». Вып. 1, 1965.

политики России в Младшем и Среднем жузах, исследование взаимоотношений царской администрации с казахскими владельцами и др.

К тому же фактический материал в то время был еще недостаточно выявлен и поэтому автор продолжал работу по обнаружению и анализу документальных данных для выяснения истории, характера и сущности русско-казахских взаимоотношений в XVI—XVIII вв., — самом значительном периоде в их развитии. За эти годы была предпринята попытка изучить и обобщить имеющийся материал, а также разыскать документы, ранее нигде не публиковавшиеся.

Актуальность исследования данной темы диктовалась следующими обстоятельствами.

Когда в 1595 г. Вельямин Степанов прибыл в ставку казахского хана Тевеккея, он привез с собой грамоту, в которой содержался ответ русского двора на просьбу казахских владетелей о «российской протекции». В то время Московское государство было озабочено событиями в Сибири. Сибирское ханство, возглавляемое Кучумом, явилось одним из наиболее опасных соседей Московского государства. Не заинтересованный в альтруистической помощи своему юго-восточному соседу двор, однако, обещал Тевеккею помощь и содействие «огненным боем» при том условии, что сосед поможет в осуществлении русской политики в Сибири.

«Протекция» не состоялась, потому что Тевеккель, несмотря на неоднократные обещания, оказался не в силах помочь русскому казачеству в Сибири, поскольку он сам был весьма притеснен узбекским ханом Абдуллой.

Следующими актами, на которые следовало бы обратить внимание, были взаимные посольства между Россией и Казахстаном. Если за 50—60 лет до этого просьбы о протекции объяснялись главным образом желанием казахской феодальной верхушки заполучить могущественного торгового партнера и сюзерена, то теперь, когда над казахскими жузами нависла реальная угроза оказаться предметом экспансии со стороны военно-феодальной Джунгарии, а через некоторое время и Персии, наметились дипломатические, политические и торговые связи России с Казахстаном, завершившиеся объединением их под эгидой Российского трона.

Восемнадцатое столетие ознаменовалось новыми и более значительными актами, определившими процесс дальнейшего развития русско-казахских отношений. Обилие русско-казахских посольств в первой четверти века не было случайностью. Если главной целью русских посольств в казахские степи было уяснение возможностей потенциального союзника в борьбе с джунгарами или, в случае изменения политической ориентации, противника, то казахские феодалы добивались установления военного альянса против последних.

Впоследствии, когда по краю прокатилось «Великое бедствие» («Актабан шубрынды»), казахские владельцы, убедившись, что собственными возможностями они не в силах противостоять врагу, постоянно убеждают царский двор в своем желании иметь «над собой руку русского царя».

В конечном счете их усилия увенчались успехом. В 1731 г. состоялось присоединение Младшего жуза к Российской империи. В 1740 г. в состав России юридически влился и Средний жуз. Таким образом, этими годами датируется вхождение казахских земель (кроме Старшего жуза) в состав Российской империи.

Было бы, однако, неверным смотреть на эти явления только как на мирные и абсолютно безболезненные отношения. В действительности дело было намного сложнее, чем может показаться на первый взгляд. Русско-казахские связи представляют собой длительный и очень сложный процесс, находившийся в зависимости от сочетания разнообразных факторов, изобиловавший как взлетами, так и падениями. Не менее, а иногда, возможно, и более, Россия по многим мотивам была заинтересована в установлении не только дипломатических, но также торговых и военных отношений с Казахстаном. При всех обстоятельствах царская Россия рассматривала Казахстан как возможное средство для осуществления своей внешней политики из-за его важного стратегического и политико-экономического положения. Зная огромную историческую значимость всех сопутствовавших процессу присоединения событий, мы, тем не менее, с большим трудом можем сейчас восстановить их конкретный ход.

Исследователями давно принято, что в течение почти всего своего существования царская Россия заботи-

лась об обеспечении безопасности своих западных, южных и юго-восточных границ. Это обусловлено самим географическим положением страны. Но в исторической литературе эти пределы нередко локально ограничиваются только ее южными и юго-западными границами. В предлагаемой работе этот вопрос рассматривается в том аспекте, что политические и другие акции России в Центральной Азии также были весомой частью ее внешней политики, в которой значительную роль играли взаимоотношения с главными азиатскими государствами. Конечно, эти отношения не были неизменными: менялась обстановка — менялись задачи, а следовательно, и политика государств друг к другу. В зависимости от этих главных линий русской внешней политики в Азии строились и отношения России к Джунгарии и Казахстану.

Наша задача состоит в том, чтобы, критически используя доступные источники и материалы, показать роль, которую отводило царское правительство Казахстану в плане своих интересов.

Ввиду того, что отношения между двумя государствами — Россией и Казахстаном — находились в зависимости от сложившейся международной обстановки, проблема представляет интерес не только для истории казахского народа, но и истории внешней политики России в целом. Нельзя понять сущности политики России в казахской степи в XVI—XVIII вв. без изучения отношений между ними в тот период.

В этой связи предпринимается попытка рассмотреть некоторые вопросы международных отношений и то место, которое занимал в них Казахстан; внутреннюю и внешнюю политику казахских ханств, взаимоотношения между казахскими владетелями; сущность противоречий различных правящих группировок в казахской степи; причины и цели, побудившие Россию и казахские ханства к упрочению связей; выявление роли России в поддержании борьбы казахского народа с нашествием Джунгарии и других восточных государств; особенности и методы, применявшиеся российской дипломатией для упрочения положения в казахских ханствах.

В работе учитывалось, что исследователи, как правило, пользуются терминологией, содержащейся в тек-

стах документов того времени, чрезмерно не вдаваясь в ее смысл, не пытаясь критически отнестись к ней. Между тем выяснение сущности терминологии имеет вполне определенный научный и политический, а не литературный и любительский интерес, поскольку за каждым словом скрывается точное понятие, представление о самом явлении. В исследовании сделана попытка по-новому отнестись к общепринятой в научной литературе лексике, использующейся при определении категорий взаимоотношений между Россией и казахскими ханствами, ибо это дает возможность обратить внимание на сущность и форму русско-казахских отношений и их историю.

Данная работа, однако, была бы неполной, если бы в ней хотя бы в общих чертах не был затронут вопрос о динамике русско-китайских отношений, без учета которых попросту невозможно решать вопрос о роли Казахстана в системе внешней политики России на Востоке.

История русско-китайских отношений всегда привлекала самое пристальное внимание ученых. Особое значение эта тематика приобрела в наши дни.

Обилие исследовательской и популярной литературы по многим аспектам истории ранних русско-китайских отношений, опубликованной в разных странах мира в последние годы, обязано своим появлением целому ряду причин. Не последнее место среди них занимает попытка политического осмысления продолжительного и сложного процесса становления взаимоотношений России с Китаем в так называемый «преддоговорный» период (до заключения Нерчинского договора 1689 г.) и после него. Для обоих государств это было время повторного знакомства с далеким соседом (первые контакты, безусловно, имели место в XIII—XIV вв.), когда старые связи были уже забыты и утрачены, а новые находились лишь в стадии зарождения.

Столь важная тема требует максимальной обеспеченности письменными свидетельствами. Надежность источниковедческой базы и добросовестный подход к ней — основа любого объективного исследования. Однако разработанность документального материала по такой проблеме, как история русско-китайских отношений, по сей день оставляет желать много лучшего. При

обращении к ней многие авторы, главным образом зарубежные, оперируют, как правило, кругом известий из китайских сочинений, которые не могут быть признаны аутентичными и обладать правами документальных свидетельств. Сравнительно полный и детальный анализ этих сочинений дан в известной книге Дж. Бэдли «Россия, Монголия, Китай»². В этой связи важно отметить другое. Еще со времени А. Ремюза и Ю. Клапрота в науке сложилось представление, согласно которому почти все, что когда-либо писалось восточными языками (в данном случае китайскими) авторами или комментировалось ими, возводилось в разряд восточного источника независимо от времени его составления. При этом мнение писателя по поводу события, имевшего место несколько столетий, а иногда и тысячелетий тому назад, негласно считалось как показание очевидца. Это, кстати, можно сказать и об упомянутой работе Дж. Бэдли, а также о трудах проф. Н. В. Кюнера³. Не случайно поэтому значительное хождение при изучении русско-китайской тематики обрели компилятивные труды китайского автора XIX в. Хэ Цю-тао (в частности, «Полная летопись Шофан Северного района» и «Собрание документов о событиях на северной границе»)⁴ — заурядные провинциальные сочинения, отражающие регресс китайской науки XVII—XIX вв., наступивший еще в раннем средневековье.

Недостоверность такого рода сочинений, лишь в минимальной мере основанных на документальных данных, очевидна. Но существенно и то обстоятельство, что они во всех случаях отражают позицию только одной стороны, китайской, официальные идеологические установки которой достаточно хорошо известны. Если учесть при этом, что собственно китайских архивных материалов по русско-китайским связям в первой половине XVII в. пока вообще не обнаружено, станет ясным, что любая попытка воссоздания действительной картины этого процесса только на основании китайской ли-

---

² D. B a d d l e y. Russia, Monqolia and China. London, 1919, vol. I—II.

³ Н. В. К ю н е р. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. Л., 1961.

⁴ Хэ Цю-тао. Шофан бэйчен, б. м., 1881, тт. I—VIII; Е го ж е. Байцзяо хуйбянь, б. м., 1865 (По данным Ю. А. Зуева).

тературы обречена на неудачу. Вряд ли надо говорить, что при отсутствии китайской документации пользование русским архивным материалом является более предпочтительным, а иногда и единственным средством, при помощи которого появляется реальная возможность исследования этих вопросов.

Имеющиеся публикации документов по истории русско-китайских отношений (за исключением давно устаревшего сборника материалов Н. Н. Бантыш-Каменского)⁵ посвящены отдельным локальным темам. К тому же многие из них выполнены при неполном воспроизведении текста и без ссылок на место хранения и надежность документов. Издание всех доступных источников — настоятельная необходимость сегодняшнего дня. Именно поэтому большое и несомненное значение имеет выход в свет сборника документов о русско-китайских отношениях⁶, в котором сосредоточены материалы по всем каналам, произведена их хронологическая классификация и тщательный источниковедческий анализ.

Характеризуя его археографическую базу, составители, вероятно, предполагая возможные упреки в свой адрес, отмечают, что она сужена публикацией лишь документов делопроизводственного характера. На наш взгляд, такое опасение излишне. По причинам, которые были изложены выше, наибольшей доказательностью могут обладать именно делопроизводственные документы. Нельзя забывать, что все донесения, служебные отписки, росписи, чертежи и т. д. предворяли последующие дипломатические, торговые и иные шаги русской администрации. Они были ориентиром при осуществлении каждодневной политики, которая не могла быть основана на ложной информации. Уместно напомнить, что всегда, когда это было возможно, каждое важное донесение подвергалось проверке в разных инстанциях, в чем нетрудно убедиться, обратившись хотя бы к текстам, публикуемым в сборнике. Следовательно, оцени-

---

⁵ Н. Н. Бантыш-Каменский. Дипломатическое собрание дел между Россией и Китайским государством с 1619 по 1792 год. Казань, 1882.

⁶ «Русско-китайские отношения в XVII в., т. I, 1608—1683. Материалы и документы». М., 1969.

бая материалы этого круга, мы должны признать за ними явное преимущество в констатации фактов.

Тематика, представленная в материалах сборника, обширна, равно как необычайно велик и весь комплекс вопросов, из которого складывается самое понятие «русско-китайские отношения».

* * *

Прежде чем перейти к дальнейшему изложению, рассмотрим круг архивных источников, которые использованы для изучения данной темы. Но заметим, что любое мнение автора может быть оспорено хотя бы потому, что всех архивных источников исчерпать он не мог. Получается странное положение: материалов много, а фактов мало. Это отмечали все исследователи нашей проблемы, даже те, кто читал документы так называемых «Списков Тобольской Архивы», представляющие собой извлечения из коллекции Г. Ф. Миллера и являющиеся копиями, снятыми со столбцов «Тобольской воеводской избы», подлинники которых в настоящее время утеряны. На это справедливо указывал в свое время А. П. Чулошников⁷. К этому следует добавить, что последний известный нам документ XVI в., относящийся к истории казахско-русских отношений, датирован 1595 г. С этого времени, вплоть до 1694 г., архивных документов по интересующему нас вопросу не найдено. Разумеется, это не означает, что на протяжении целого столетия не было связей между казахскими ханствами и Россией. Они были, о чем свидетельствуют бурные события, происходившие в это время, и мы на основании доступных нам источников пытались это показать.

Весьма скудными являются источники, касающиеся первой четверти XVIII в. Как подтверждает Н. Г. Аполлова, в период с 1716 по 1730 г., несмотря на значительность событий этого времени, в фонде «Кир-

---

⁷ См.: А. П. Чулошников. Казахский союз и Московское государство в конце XVII в. «Известия АН СССР. Серия общественных наук», 1936, № 3, стр. 525.

гиз-кайсацкие дела» отложилось всего лишь 5 дел⁸.

Время основательно попортило многие дела, часть наиболее ранних из них поражена грибком, некоторые тексты утрачены при реставрации, что усложняет их расшифровку. Однако и в таком виде документы сообщают детали, на первый взгляд незначительные, но почти всегда помогающие уточнить наши представления о событиях. Так, например, в Архиве АН СССР (г. Ленинград) выявлен и использован в предлагаемой работе ряд источников по истории русско-казахских отношений на рубеже XVII—XVIII вв. Это, в частности, касается казахских посольств в Россию во главе с Туманчи и Кабием, Сары и Кильдеем и др. Некоторые из выявленных документов позволяют уточнить время направления тех или иных посольств, что дает нам основание совсем по-новому отнестись к ним.

Институтом истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова АН КазССР со всех документов, представляющих ценность для истории Казахстана и русско-казахских отношений, сняты фото- и машинописные копии в архивах Москвы, Ленинграда, Казани, Оренбурга, Омска, Ташкента, Алма-Аты. Все они сосредоточены в рукописном фонде Института. Это создало благоприятные условия для появления двух томов сборника документов и материалов по вопросу о русско-казахских отношениях, в составлении которого принял участие и автор этих строк⁹. Разумеется, в упомянутый сборник вошла лишь незначительная часть документов и материалов, но в совокупности с доступными для нас источниками они способствовали освещению ряда общих и частных вопросов по исследуемой теме. Значение этих материалов неопределимо: в них содержится огромное количество фактических данных, дающих сведения не только о внутренней жизни и

---

⁸ См.: Н. Г. Аполлова. Присоединение Казахстана к России. Алма-Ата, 1948, стр. 21.

⁹ «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв. Сборник документов и материалов». Алма-Ата, 1961; «Казахско-русские отношения в XVIII—XIX вв. Сборник документов и материалов». Алма-Ата, 1964. Некоторые документы, имеющие отношение к нашей теме, публиковались также М. П. Вяткиным («Материалы по истории Казахской ССР», т. II, ч. 2 (1741—1751). Алма-Ата, 1948; т. IV. М. — Л., 1940).

внешнеполитической истории казахских ханств, но и о внешней политике России на Юге, Юго-Востоке и Востоке.

Для изучения истории русско-казахских отношений русские источники имеют главное значение. Но имеющиеся в них документы в полном объеме еще не использованы.

В этих источниках нами изучены в первую очередь грамоты русских царей, указы Правительствующего сената и Коллегии иностранных дел, переписка русского правительства с губернаторами и ханами, султанами, батырами, биями, тарханами, старшинами, а также переписка губернаторов с последними; донесения, экстракты, представления, обзоры, рапорты губернаторов русскому правительству; записи бесед начальника оренбургской комиссии, оренбургского и западносибирского генерал-губернаторов с казахскими ханами и другими владельцами степи; дневники, доклады, рапорты, донесения («статейные списки») российских дипломатических представителей, гражданских и военных чиновников, направлявшихся в Казахстан для переговоров с казахскими владельцами, сообщения русских и западноевропейских путешественников, сведения сибирских татар, сопровождавших среднеазиатские и русские торговые караваны или стоявших во главе их, и др.¹⁰

¹⁰ Все эти документы сосредоточены в фондах архивохранилищ страны и в большинстве своем в виде копий имеются в рукописном фонде Института истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова АН КазССР.

При работе над исследованием учитывалось, что все основные известные сочинения восточных авторов (в особенности турецких и арабских) давно уже переведены на русский язык дореволюционными исследователями Н. Бичуриным, В. Тизенгаузенем, И. Березиным, В. В. Вельяминовым-Зерновым, В. В. Григорьевым, Е. В. Бартольд, Н. В. Кюнером и др. Имеются широко известные переводы на западноевропейские языки. Что же касается письменных свидетельств этого периода на казахском языке, то они почти полностью отсутствуют, за исключением «Джами' ат-таварих», автором которого является казах Кадыргали Хошум Жалаир. Этот труд впервые был опубликован И. Н. Березиным в 1854 г. во втором томе сборника «Библиотека восточных историков» под названием «Сборник летописей». Краткое содержание «Джами' ат-таварих» Жалаира см.: Ч. В а л и х а н о в. Собр. соч., т. I. Алма-Ата, 1961; Э. А. М а с а н о в. Очерки истории этнографического изучения казахского народа в СССР, стр. 21—26.

Несмотря на кажущееся обилие материалов, следует констатировать, что сведений по нашей проблематике в них содержится мало.

Вниманию читателя предлагается краткий обзор литературы по теме¹¹. Условно она распределяется на ряд основных групп.

Первая из них — литература XVI—XVII вв. — времени начального знакомства Европы и России с Казахстаном и первых сообщений о его населении. По своему характеру она, естественно, примыкает к ряду первоисточников, но вместе с тем содержит немало элементов научных изысканий.

Первые сведения о казахах, их обычаях, нравах и верованиях появились в русских литературных источниках еще в XV—XVI вв. Достаточно указать на сохранившиеся описи царского архива 1575—1584 гг., в которых указывается, что в 38-м ящике хранились «книги и списки казакские при Касым-царе...»¹². Есть основание полагать, что в этом ящике находились протоколы опроса русских купцов и путешественников, а также донесения специальных агентов, послов и служивых людей, ездивших в Казахстан.

Значительный интерес представляют донесения «служилого человека» Даниила Губина, австрийского дипломата Сигизмунда Герберштейна, итальянского литератора Павла Иогия Новокамского, русских послов Семена Мальцева, Третьяка Чебукова, Бориса Доможирова, Вельямина Степанова, ногайского князя Юсуфа, англичанина Антонина Дженкинсона и других, в той или иной степени имевших касательство к казахской

¹¹ Более подробно об этом см.: Н. Г. Аполлова. Присоединение Казахстана к России. Алма-Ата, 1948; Е. же. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII — начале XIX вв. М., 1960; Е. Бекмаханов. Присоединение Казахстана к России. М., 1957; Б. Сулейменов. Аграрный вопрос в Казахстане в последней трети XIX — начале XX вв. Алма-Ата, 1963.

¹² «Акты, собранные археологической экспедицией», т. I. СПб., 1836, № 289, стр. 339. См. также: З. Массанов. Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. Алма-Ата, 1966, стр. 18.

степи¹³. Их сведения послужили основанием для составления (приблизительно в 1599 г.) одной из первых карт Средней Азии и Казахстана.

Вторая группа материалов относится к XVIII в. — началу присоединения Казахстана к России.

Первым исследователем Казахстана этого периода можно считать служащего Оренбургской губернской канцелярии П. И. Рычкова¹⁴, который не только в силу своих официальных обязанностей, но и с присущим ему размахом ученого исследователя и путешественника сумел заметить и отразить в своих трудах быт и историю казахского народа. Ниже мы не раз воспользуемся его книгами, однако сейчас хотелось бы особенно отметить необычайную научную добросовестность этого выдающегося исследователя, сообщения и выводы которого многократно подтверждаются архивными и другими материалами. Вместе с тем нельзя забывать, что П. И. Рычков был представителем царской администрации в казахской степи, и что на всех его заключениях лежит отпечаток официальной политики двора.

В том же веке по инициативе Российской академии наук были предприняты экспедиции в малоисследованные районы, руководителями которых являлись Паллас, Фальк, Георги, Н. П. Рычков (сын П. И. Рычкова) и др.¹⁵ Они оставили много интересных свидетельств

¹³ «Продолжение древней Российской вивлиофики», ч. VII. СПб., 1891, стр. 244, 276, 283—284; С. Герберштейн. Записка о московских делах. (Введение, перевод и примечания А. И. Малеина). СПб., 1908; Павел Новик Новокосский. Книга о Московском посольстве. (Перевод и примечания А. И. Малеина). СПб., 1908; Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. IX. СПб., 1842, стр. 50, прим. 245; стр. 151—152, прим. 661; «Продолжение древней Российской вивлиофики», ч. XI. СПб., 1801, стр. 196; «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.», стр. 5—14; «Продолжение древней Российской вивлиофики», ч. VI. СПб., 1793, стр. 29—30; «Английские путешественники в Московском государстве в XVI в.». Л., 1937.

¹⁴ П. И. Рычков. История Оренбургской губернии. «Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие». СПб., 1759; Его же. Топография оренбургская, ч. 1 и 2. СПб., 1762.

¹⁵ П. С. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российской империи, ч. I—III. СПб., 1773—1783; И. Фальк. Полное собрание ученых путешествий по России. Записки акад. Фалька. СПб., 1894; И. Г. Георги. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, Тт. I—IV. СПб., 1779; Н. П. Рычков. Дневные записки капитана Николая Рычкова в Киргис-кай-сакские степи. СПб., 1772.

о положении казахских ханств XVIII в., их наблюдения не утратили научной значимости и сегодня.

Нельзя заниматься историей русско-казахских отношений XVIII в. без привлечения большого и ценного материала, оставленного А. Тевкелевым, возглавлявшим русское посольство в Казахстан и сыгравшим заметную роль в присоединении Младшего и частично Среднего жузов к России¹⁶.

Наконец, среди исследователей истории Казахстана, живших и работавших в XVIII в., назовем Д. Гладышева, И. Муравина, Бланкенагеля, К. Миллера и других, характеристику трудов которых читатель найдет в последующих главах.

Третья группа исследований, отнесенных нами к XIX — началу XX в., включает в себя множество работ. Не все они равноценны. Среди оказавшихся полезными для нас назовем прежде всего фундаментальный труд А. Левшина «Описание киргиз-кайсацких или киргиз-казацких орд и степей» (чч. I—III. СПб., 1832), в котором автор, хорошо знакомый с казахским бытом, сумел обобщить научные достижения по казахстанике XVIII в. и привести массу интереснейших известий по истории русско-казахских связей.

Некоторым подспорьем для нас послужили исследования Г. Спасского¹⁷. Его заключения не всегда верны, в чем у нас будет возможность убедиться ниже, однако они проливают свет на тенденциозность многих документов того периода.

Мы воспользовались также трудами Г. Шахматова, Г. Броневского, И. Ф. Бларамберга, Герна и Васильева¹⁸.

¹⁶ В сокращенном виде «журналы» Тезислова публиковались неоднократно. В наиболее полном виде один из них издан в сб. «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.».

¹⁷ Г. Спасский. Киргиз-кайсаки Большой, Средней и Малой Орды. «Сибирский вестник», ч. IX—X, 1820.

¹⁸ Г. Шахматов. Замечание о хлебопашестве киргиз-кайсаков Средней орды. «Земледельческий журнал», 1832, № 8; Г. Броневский. Записки о киргиз-кайсаках Средней Орды. «Отечественные записки», 1830, т. 41—43; И. Ф. Бларамберг. Топографическое и статистическое описание восточного берега Каспийского моря. «Записки ИРГО». СПб., 1850, кн. IV; Герн и Васильев. Военно-статистический обзор Оренбургской губернии. «Военно-статистическое обозрение Российской империи», т. XIV, ч. 2. СПб., 1848.

Несомненная заслуга в изучении политики России в Казахстане принадлежит Л. Мейеру, М. Красовскому, И. Словцову¹⁹. Они писали в середине XIX в., когда присоединение Казахстана к России было уже свершившимся фактом и представилась реальная возможность взглянуть на него с определенной хронологической дистанции и более или менее объективно оценить происшедшие события.

Рассматривая эту группу работ, следует заметить, что наряду с исследованиями, имеющими непреходящую научную ценность, появляются и публикации, в особенности в конце XIX — начале XX в., дезориентирующие общественное мнение относительно состояния дел в Казахстане. Их появление — не случайность. В это время Россия переживала сложный и бурный процесс становления капиталистических отношений. Для российской буржуазии Казахстан, как и другие национальные окраины, был неисчерпаемым источником дешевого сырья и выгодным рынком сбыта. Рассматривая казахскую степь с этой точки зрения, правящие круги России делали все для того, чтобы не допустить представителей казахского населения к освоению природных богатств Казахстана. Продуктом этих веяний явились псевдонаучные труды Тронева, Снесарева и других, которые аккумулировали в своих высказываниях сущность политики русской буржуазии в Казахстане.

В. Д. Тронев в своих глубоко субъективных и оскорбительных шовинистических суждениях о казахском народе «выставлял казахов чуть ли не дикарями, которые в «борьбе за существование должны уступить место своим соседям, более культурным»²⁰. «Коренные жители Азии, — писал А. Е. Снесарев, — народы финского, монгольского и тюркского племен... совсем не го-

---

¹⁹ Л. Мейер. Киргизская степь Оренбургского ведомства. «Материалы географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба», т. X. СПб., 1865; М. Красовский. Область Сибирских киргизов. «Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба», тт. 1—3. СПб., 1868; И. Словцов. Путевые заметки, веденные во время поездки в Кокчетавский уезд Акмолинской области в 1878 г. «Записки Сибирского отделения ИРГО», 1881, кн. 3.

²⁰ В. Д. Тронев. Материалы по антропологии и этнологии киргиз. СПб., 1891, стр. 8.

дились для роли долговечного исторического народа...»²¹.

Незнание казахской степи, казахского общества, особенностей его быта, обычаев, традиций вело отдельных исследователей, посещавших этот край, к неправильным обобщениям. Увлекаясь описанием второстепенных деталей, внешней стороны явлений лишь на основании первых бросавшихся в глаза моментов быта казахов и событий, происходивших в степи, они делали скоропалительные и, как правило, совершенно ошибочные выводы.

Кстати сказать, прогрессивные русские ученые уже тогда раскритиковали упомянутую книгу В. Д. Тронева. Так, например, А. А. Ивановский писал, что Тронов совершенно недостаточно изучил казахов, их материальный и духовный быт, его экономическую сторону и «на основании единичных и неверно понятых фактов сообщает сведения и делает обобщения, диаметрально противоположные истине...»²². Профессор Э. Ю. Петри, побывавший в казахской степи в 1889 г., писал о казахах как нравственно свежей народности, которая «при некоторых усилиях... вполне может быть... поднята на высший уровень культуры»²³.

Рассматривая историографию русско-казахских отношений в XIX — начале XX в., следует иметь в виду, что буржуазные историки зачастую преследовали оправдание колониальной политики царизма, утверждение в казахской степи российского владычества, а Казахстан рассматривали лишь как инструмент для решения задач, встававших перед Российской империей. Это, разумеется, не способствовало дальнейшему развитию дворянско-буржуазной историографии по вопросам русско-казахских отношений. Исходя из идеалистического понимания исторического процесса, представители дворянской и буржуазной историографии не видели, что ключ к пониманию исторического процесса лежит в изучении его материальной жизни, развития

---

²¹ А. Е. Снесарев. Индия как главный фактор в среднеазиатском вопросе. СПб., 1906, стр. 15.

²² «Этнографическое обозрение», вып. 2—3. М., 1892, стр. 23—26.

²³ Э. Ю. Петри. В Киргизской степи. Этнографические заметки. «Мир божий», 1892, № 5.

производительных сил и производственных отношений.

Однако буржуазная историография сделала значительный шаг по сравнению с западноевропейской и дворянской. С. М. Соловьев, Н. И. Кареев, И. В. Лучицкий, П. Г. Виноградов, М. М. Ковалевский стояли значительно выше буржуазных зарубежных историков.

Наиболее ярко это выражено в работах крупного буржуазного историка С. М. Соловьева (1820—1879), взгляды которого получили большое распространение в русской историографии. Этот талантливый исследователь в своей «Истории России» и других трудах поставил проблему закономерности развития исторического процесса в его идеалистическом понимании и попытался применить ее при изучении русской истории. В различных архивах страны он собрал большой конкретно-исторический материал²⁴.

Оформление исторических взглядов Соловьева падает на 50-е годы XIX в. и находится в непосредственной связи с революционной ситуацией в России и буржуазными реформами, что и определило сущность его общественной идеологии как представителя либеральной буржуазии, «которая не может мириться с крепостничеством, но которая боится революции, боится движения масс, способного свергнуть монархию и уничтожить власть помещиков», которая хочет «освободить» Россию «сверху», не разрушая ни монархии царя, ни землевладения и власти помещиков»²⁵. Отсюда следовала и ограниченность его исторических взглядов. Так, например, оценивая деятельность Петра I в Персидском походе, С. М. Соловьев приписывал ему стремление обогатить «бедный русский народ, если [Россия] станет посредником в торговом отношении между Европой и Азией»²⁶, упуская из виду, что царь действовал в интересах крепостников-помещиков и зарождавшейся буржуазии.

Вообще же дворянская и буржуазная историография России, господствовавшая в официальной науке вплоть до Великой Октябрьской социалистической ре-

---

²⁴ С. М. Соловьев История России с древнейших времен. В 15 кн., 29 томах. М., 1959—1966.

²⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 175.

²⁶ «Вестник Европы», кн. 3, 1868, март, стр. 163.

волюции, ввиду неправильных методологических позиций, как правило, лишь констатировала те или иные исторические факты, события и объясняла их преобразовательной деятельностью выдающихся личностей. Буржуазные исследователи отражали интересы своего класса. И не удивительно, что действия отдельных царей, полководцев и политических деятелей квалифицировались ими как действия в интересах всего народа. В их работах отсутствует основное — общественное производство и общественный строй. Это и определило порочность их взглядов.

Поэтому не случайно В. И. Ленин акцентировал внимание на недопустимости подмены внешней политики страны «интригами правителей и дипломатов»²⁷. Одну из серьезных ошибок дворянско-буржуазной историографии В. И. Ленин усматривал в том, что она «в лучшем случае рассматривала лишь идейные мотивы исторической деятельности людей, не исследуя того, чем вызываются эти мотивы, не улавливая объективной закономерности в развитии системы общественных отношений, не усматривая корней этих отношений в степени развития материального производства»²⁸.

К четвертой группе исследований нами отнесены работы представителей русской демократической культуры, которые всегда интересовались жизнью и творчеством казахского народа и проявляли к нему большое и искреннее сочувствие. Правдивый показ культуры и быта казахского народа, распространение о нем достоверных сведений, призыв к просвещению казахов и улучшению их жизненных условий — вот что характеризовало передовую русскую мысль того времени.

К ним, в первую очередь, следует отнести А. С. Пушкина с его «Историей Пугачева», в которой с научной достоверностью прослеживается ход крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева²⁹.

---

²⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 195.

²⁸ Там же, т. 26, стр. 57.

²⁹ См.: А. С. Пушкин. Собр. соч., т. VII. М., 1962, стр. 7—183. Осенью 1833 г. А. С. Пушкин в сопровождении чиновника особых поручений при оренбургском генерал-губернаторе В. А. Перовском В. И. Даля совершал поездку по пугачевским местам Оренбуржья. Судя по данным Э. А. Масанова, есть все основания полагать, что поэт побывал и в казахских аулах, так как его

Весьма ценным источником, в котором имеются косвенные данные по истории русско-казахских отношений, являются письма В. И. Даля из Хивинского похода 1839—1840 гг.³⁰

Немалую роль в изучении истории казахского народа и характера русско-казахских отношений сыграли ученые экспедиции. В середине XIX в. крупнейшие экспедиции по Казахстану возглавляли Е. П. Ковалевский, Н. А. Северцев, В. П. Васильев, братья Ханыковы, Гернгросс, П. П. Семенов-Тяньшанский, Г. И. Данилевский, Базинер, А. И. Макшеев, А. И. Бутаков, М. Пospelов, В. И. Даль, П. И. Небольсин и др. Они изучали природу Казахстана, культуру и быт народа, занимались геодезическими съемками и картографией. Так, А. И. Бутаковым была сделана съемка, а также собран ценнейший материал об Аральском море, бассейнах рек Амударьи и Сырдарьи, истории местного населения и его связей с Россией.

Большое значение в изучении Казахстана сыграло Русское географическое общество, образованное в 1845 г. По существу оно явилось первой базой научно-исследовательской работы в Казахстане, положившей начало его разностороннему изучению и систематическим публикациям о нем, которые привлекли внимание передовой общественности России.

Вопреки реакционным действиям царизма русские ученые стремились тщательно и объективно исследовать жизнь казахского народа. Накопив интересные научные материалы, в конце XVIII в. они перешли от простого собирательства к созданию обобщающих трудов.

К пятой группе мы относим труды революционеров-демократов В. Г. Белинского (1811—1848 гг.), А. И. Герцена (1812—1870 гг.), Н. А. Добролюбова (1836—

интересовало участие казахов в пугачевском движении, а также этнография и поэзия казахского народа. Чтобы иметь возможность непосредственно общаться с казахами, он, по имеющимся данным, заучивал некоторые общеупотребительные казахские выражения (См.: Л. А. Шейман. Пушкин за чтением литературы о народах востока. «Русский язык в киргизской школе», 1964, № 4—5, а также: Э. А. Масанов. Указ. раб., стр. 96—97).

³⁰ В. И. Даль. Письма к друзьям из похода в Хиву. «Русский архив». М., 1867, год пятый.

1861 гг.), Н. Г. Чернышевского (1828—1889 гг.) и других, выступавших против искажения отечественной истории дворянскими и буржуазными учеными. Развивая взгляды Радищева и декабристов, они выдвигали в качестве основной движущей силы исторического развития народные массы.

В этой связи отметим, что значительным подспорьем для нас являлись труды передовых просветителей русского народа. Среди них особенно видное место занимают декабристы, в деятельности которых В. И. Ленин видел истоки русского освободительного движения. Значение этого выступления очень велико не только для России, но и для ее национальных окраин. В важнейших документах — «Русской правде» и «Конституции» — разработанных П. Пестелем и Н. Муравьевым, уделялось внимание «кочующим племенам», в том числе и казахам. Пестель и Муравьев хотели видеть кочевников в будущем равноправными со всеми народами России. Учитывая особенности кочевого быта целого ряда народностей, страны, они считали необходимым уничтожение колониального гнета, свержение самодержавия. В «Русской правде» Пестеля имеются интересные разделы о казахам. Ее автор располагал значительным материалом о Казахстане; ему были известны обстоятельства, связанные с присоединением отдельных районов Казахстана к России, сведения о культуре и быте казахов. В то же время его глубоко возмущали нищета и несправедливость, в которых по воле самодержавия и местных феодалов находился казахский народ. Пестель считал, что казахи, располагая обширнейшими и плодороднейшими землями, пастбищами, должны наряду со скотоводством заниматься земледелием, переходить к оседлому образу жизни. Именно в этом декабристы видели возможный выход казахского народа из состояния темноты и несправедливости.

Декабристы были разгромлены, но их дело нашло отклики в сердцах современников. Эхо событий, развернувшихся в Петербурге, докатилось и до далеких колониальных окраин России, какими были Сибирь и Казахстан.

Казахстан для большинства декабристов явился как бы перевалочным пунктом на пути следования в ссылку, в Сибирь. Несколько лет провели в казахских сте-

нях декабристы Муравьев-Апостол, С. Палицын, С. Семенов. В Оренбургской губернии после ссылки осели на поселение декабристы Р. С. Горожанский, Н. О. Красницкий, А. Жемчужников, Н. Г. Смирнов. Несмотря на кратковременность пребывания в Казахстане, они оказали огромное влияние на прогрессивную часть местного населения, на распространение здесь свободлюбивых идей.

Восстание декабристов было толчком к дальнейшему приобщению общественности Казахстана к всероссийскому освободительному движению.

Большую исследовательскую деятельность проводили в Казахстане участники польского восстания ссыльные Залесский, Янушкевич, Виткевич, Венер. Результатом их длительных путешествий по казахской степи и изучения жизни казахского народа явились научные труды о Казахстане. Очень ценные дневники о поездке по Казахстану, о встречах с его населением оставил польский революционер-демократ Адольф Янушкевич³¹. О глубоком уважении к казахскому народу, вере в его светлое будущее говорит следующая запись в его дневнике: «И это люди (имеются в виду казахи. — Б. Б.), которым вовеки предназначалось быть только пастухами, лишенными всякого будущего? О, нет! Ни в коем случае! Народ, который одарен творцом такими способностями, не может остаться чуждым цивилизации: дух его проникнет когда-нибудь в киргизские пустыни, раздует здесь искорки света и придет время, когда нынешний кочевник займет место среди народов, которые нынче смотрят на него сверху вниз».

Пребывание в Оренбургском крае в качестве ссыльных активных членов кружка Петрашевского — А. Н. Плещеева, С. Ф. Дурова и других — способствовало пробуждению этой далекой национальной окраины царской России, вовлечению казахов в русло общероссийского освободительного движения.

Много ценного по истории развития русско-казахских отношений имеется в произведениях Т. Г. Шевченко, который сыграл значительную роль в приобщении

---

³¹ А. Янушкевич. Дневники и письма. Из путешествия по казахским степям. Перевод с польского и предисловие Ф. Стекловой. Под общей редакцией И. Дюйсенбаева. Алма-Ата, 1966.

казахского народа к передовой русской культуре.

Особое место в формировании демократических идей в казахском обществе принадлежит А. И. Герцену. В своем «Колоколе» он откликнулся на злободневные события в Казахстане, о которых писали ему местные корреспонденты И. В. Ханыков, М. И. Венюков, Н. Авдеев. Со всей страстностью Герцен разоблачал и клеймил позором царских палачей, угнетавших казахский народ. С возмущением писал «Колокол» о зверствах над казахами царских отрядов Кузьминского и Дерышева во время разгрома восстания Исета Кутибарова: «Аугсбургская газета» рассказывает о страхе, наведенном на крестьян Оренбургской губернии распространявшимся слухом о киргизском восстании и набеге. И через несколько дней та же газета говорит об амнистии Исету Кутибарову. Жаль, что она не сообщила страшной истории — почему Исет Кутибаров откопчал к хивинской границе. Со времени ветхозаветных войн или монгольских набегов ничего не было гнуснее в свирепости, как набег полковника Кузьмина (Кузьминского. — В. Б.) и майора Дерышева»³².

Герцен осуждал также попытки правительства свети до минимума возможности казахской молодежи получать образование, введение ограничений в деле просветительства нерусских народов³³. Статьи в «Колоколе» освещали различные стороны жизни казахской степи, отмечали злоупотребления колониальных властей, взяточничество, грабеж местного населения при сборе кибиточной подати, усиление его эксплуатации и жестокое подавление выступлений народа против колониального и национального порабощения.

Важным условием защиты интересов отдельных народов Герцен считал дальнейшее развитие национальной культуры и просвещение масс на родном языке.

Основной вывод Герцена по национальному вопросу состоял в том, что как в вопросе самоопределения, так и в вопросе объединения в свободный союз народы сами должны решать свою судьбу. Первым шагом к будущему союзу свободных народов Герцен считал их самоопределение и независимость.

---

³² «Колокол», вып. 1, 1858, 15 ноября, стр. 231.

³³ См., например, «Колокол», вып. 1, 1858, 1 июня, стр. 132.

Вместе с тем, высказывая по национальному вопросу ряд верных положений, Герцен допускал ошибки. В частности, он почти упускал из виду вопросы об экономике того или иного государства и экономических интересах народов при объединении или самоопределении.

Идеи Герцена и других русских революционеров-демократов не только раскрывали перед всеми угнетенными народами благородные идеалы русского народа, но и помогали передовой части общества найти правильный путь борьбы за светлое будущее. Неослабевающий интерес Герцена к Казахстану, сотрудничество в его «Колоколе» местных корреспондентов, злободневность вопросов, вокруг которых разгоралась борьба между защитниками крепостничества и самодержавия и новым поколением революционеров, способствовали подъему общественного настроения в крае, дальнейшему распространению передовых революционно-демократических идей.

На этих идеях были воспитаны и первые казахские просветители Ч. Валиханов, И. Алтынсарин, А. Кунанбаев. Под непосредственным влиянием русской материалистической философии казахские просветители впервые утвердили материалистическую традицию в казахской общественной мысли, которая имела цель приобщить казахов к русской демократической культуре, преодолеть их вековую отсталость.

В условиях начавшегося разложения феодально-патриархальных отношений, царской колонизации и национальной раздробленности казахские просветители вслед за Герценом и другими революционерами-демократами решительно осудили строй насилия, эксплуатации, родовые междоусобицы, звали свой народ к просвещению, укреплению связей с передовыми кругами России, к всестороннему развитию русско-казахского сотрудничества.

Крупнейшим представителем общественной мысли Казахстана второй половины XIX в. был ученый и просветитель Ч. Ч. Валиханов (1835—1865 гг.)³⁴, труды

---

³⁴ О Чокане Валиханове см.: А. Х. Маргулан. Очерк жизни и деятельности Ч. Ч. Валиханова. В кн.: «Ч. Ч. Валиханов. Собрание сочинений в пяти томах», т. I. Алма-Ата, 1961, стр. 9—103.

которого занимают особое место среди исследований того времени. В его произведениях мы находим и точные заключения, и непосредственные наблюдения, и сохранившиеся в народной памяти сведения о событиях прошлого. Знание народных традиций и преданий, а также многочисленных документальных материалов дало ему возможность масштабно и глубоко осветить наиболее трагические моменты истории Казахстана XVIII в., в особенности это касается джунгарского нашествия и его последствий для казахского народа. В последующих главах мы не раз воспользуемся материалами Ч. Ч. Валиханова.

Одним из самых ярких выразителей прогрессивной казахской общественной мысли во второй половине XIX в. являлся Ибрай Алтынсарин (1841—1889 гг.), мировоззрение которого характеризуется народностью, демократичностью и гуманизмом. Вся его деятельность была посвящена просвещению казахского народа и приобщению его к прогрессивной русской культуре. Классик казахской педагогики, крупнейший политический и общественный деятель края, неутомимый поборник укрепления дружбы казахского и русского народов, Алтынсарин еще при жизни пользовался большой популярностью и любовью народа⁵⁵. Его труды в какой-то степени также являются определенным подспорьем при изучении нашей темы.

Крепкие узы дружбы связывали с Россией и великого казахского поэта Абая Кунанбаева (1845—1904 гг.), общественно-просветительские взгляды которого формировались под влиянием устного народного творчества, прогрессивных традиций классической восточной литературы, передовой русской культуры, демократической интеллигенции 60-х годов. Абай четко различал две России — Россию крепостников и Россию свобододолюбивого народа⁵⁶.

Наследие Валиханова, Алтынсарина, Абая приспало передовых представителей казахского народа к

---

⁵⁵ Об И. Алтынсарине см.: Б. С. Сулейменов. Жизнь и творчество Ибрая Алтынсарина (1841—1889 гг.). В кн.: «И. Алтынсарин. Избранные произведения». Алма-Ата, 1957.

⁵⁶ Об Абае см.: Мухтар Ауэзов. Абай (Ибрагим) Кунанбаев (1845—1904). Жизнь и творчество. В кн.: «Абай Кунанбаев. Лирика и поэмы». М., 1940.

мировой и русской культуре. Они подняли знамя борьбы за русско-казахское содружество, борьбы против старых, отживающих устоев в жизни кочевого населения, против реакционной феодально-байской идеологии. Они были выдающимися деятелями, страстными защитниками интересов родного народа. Самый факт появления замечательной плеяды казахских просветителей свидетельствовал, что единение Казахстана с Россией уже тогда начало давать прекрасные плоды.

Наконец, шестая группа работ, появление которых стало возможным лишь в результате Великой Октябрьской революции, создавшей принципиально новые условия для развития подлинной исторической науки. Главным методологическим инструментом этих трудов стал марксизм-ленинизм.

Разумеется, воссоздание реальной истории народов не могло прийти сразу. Если и сегодня мы порой говорим о несовершенстве той или иной работы об историческом прошлом, то можно представить, с какими трудностями столкнулись первые историки-марксисты при решении стоявших перед ними проблем. Не только нехватка кадров, но и давление прежних традиций, названных Марксом «великой консервативной силой», сказалось на качестве первых публикаций.

В аспекте нашей темы отметим, что это способствовало появлению работ буржуазно-националистического толка, с одной стороны, и исследований шовинистически-колонизаторского направления, с другой³⁷. В частности, в 20-х годах присоединение Казахстана к России рассматривалось только как «абсолютное зло», а в 30-х в этом акте стали усматривать «наименьшее зло». И все-таки в вышедших работах все еще замалчивалось величайшее значение присоединения Казахстана к России, в результате чего произошли прогрессивные сдвиги в экономике и культуре края, сближение русского, казахского и других народов в революционной борьбе с царизмом, русскими и казахскими эксплуататорскими классами. Лишь в 40-х годах закрепились точка

---

³⁷ Для примера сошлемся хотя бы на проходившую в 20—30 годах дискуссию вокруг проблемы перехода казахского народа от феодализма к социализму, в ходе которой широко пропагандировалась теория «родового строя» у казахов (Н. А. Полочанский, В. Г. Соколовский, М. Н. Сирнус, С. П. Швецов и др.).

зрения о прогрессивности присоединения Казахстана к России. К тому же — и это очень существенно — специальных работ, посвященных именно этой теме, не было, за исключением 20—30 страниц в книге А. П. Чулошникова³⁸, еще меньше в историческом обзоре Центральной Азии Г. Е. Грумм-Гржимайло³⁹, небольших глав в первых опытах составления истории Казахстана С. Д. Асфендиаровым⁴⁰ и М. П. Вяткиным⁴¹ — и только.

И все же названные работы представляют определенный шаг вперед в советской казахистике, являются ценным пособием для современных исследователей.

В 1948 г. вышла книга Н. Г. Аполловой «Присоединение Казахстана к России». Это, пожалуй, первый серьезный труд по данной проблеме, в котором привлечены многочисленные и уникальные документы по истории русско-казахских отношений в XVI—XVIII вв. Ее же перу принадлежит книга «Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII — начале XIX в.» (1960 г.) и ряд других исследований.

Значительный интерес в связи с разработкой нашей темы представляет кандидатская диссертация А. Сабырханова⁴², в которой показаны русско-казахские отношения во второй половине XVIII в. В научный оборот введены заслуживающие внимания научной общественности сведения о посольствах, направлявшихся из России в Казахстан и из Казахстана в Россию.

Большое значение представляют для нас труды И. Я. Златкина⁴³. Так, например, в работе «История

---

³⁸ А. П. Чулошников. Очерки по истории казак-киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских племен. Часть первая. Древние времена и средние века. Оренбург, 1925.

³⁹ Г. Е. Грумм-Гржимайло. Западная Монголия и Урянхауский край, т. II. Л., 1926.

⁴⁰ С. Д. Асфендиаров. История Казахстана (с древнейших времен), т. I. Алма-Ата — Москва, 1935.

⁴¹ М. П. Вяткин. Очерки по истории Казахской ССР. ОГИЗ, 1941.

⁴² А. Сабырханов. Казахско-русские отношения в 50—90-х годах XVIII в. Кандидатская диссертация. Алма-Ата, 1965.

⁴³ И. Я. Златкин. Очерки новой и новейшей истории Монголии. М., 1957; Его же. История Джунгарского ханства. М., 1964.

Джунгарского ханства» он дает сводную историю Джунгарского ханства с момента его зарождения и до разгрома Цинской империей. Выводы автора, построенные на глубоко научном анализе многочисленных архивных и опубликованных источников, дают основание для пересмотра большого числа вопросов, касающихся социально-экономических отношений в Джунгарии, на основании которых строилась ее внешняя политика. Если к этому прибавить, что И. Я. Златкин показал динамику казахско-джунгарских отношений, вскрыл ее сущность, то не будет преувеличением сказать, что его исследование вносит значительный вклад в советскую историографию.

В связи с разработкой нашей темы заслуживает внимания ряд других работ ⁴⁴.

---

⁴⁴ А. Миллер. Международное положение Казахстана во второй половине XVI в. «Исторический журнал», 1942, № 8; Г. Ф. Дахшлейгер. Из истории русско-индийских связей в XVII — первой половине XVIII в. «Вестник АН КазССР», 1956, № 3; Его же. Казахские ханства в XVI—XVII вв. В кн.: «История Казахской ССР», т. I. Алма-Ата, 1957; А. Нусупбеков. Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева и участие в ней трудящихся Казахстана. В кн.: «История Казахской ССР», т. I. Алма-Ата, 1957; С. З. Зиманов. Общественный строй казахов в первой половине XIX в. Алма-Ата, 1958; Его же. Политический строй Казахстана конца XVIII и первой половины XIX в. Алма-Ата, 1960; А. Х. Маргулан. Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. Алма-Ата, 1950; А. Еренов. Очерки по истории феодальных земельных отношений у казахов. Алма-Ата, 1960; С. Е. Толыбеков. Общественно-экономический строй казахов в XVII—XIX вв. Алма-Ата, 1959; Б. Сулейменов. Аграрный вопрос в Казахстане в последней трети XIX — начале XX в. Алма-Ата, 1963; Его же. Проблемы истории дореволюционного Казахстана в советской историографии. «Вестник АН КазССР», 1968, № 1; В. Ф. Шахматов. Казахская пастбищно-кочевая община. Алма-Ата, 1964; П. Г. Галужо. Аграрные отношения на юге Казахстана в 1867—1914 гг. Алма-Ата, 1965; Т. Ж. Шонбаев. Добровольное вхождение казахских земель в состав России и его прогрессивное значение. Автореферат докторской диссертации. Алма-Ата, 1966; Г. И. Семенюк. Политика царизма в Казахстане в начале крестьянской войны 1773—1775 гг. (Царизм и феодальная верхушка казахского общества). В кн.: «Крестьянство и классовая борьба в феодальной России». Л., 1967; Н. Е. Бекмаханова. Легенда о Невидимке (участие казахов в крестьянской войне под предводительством Емельяна Пугачева в 1773—1775 гг. Алма-Ата, 1968.

Помимо трудов по казахстанской тематике значительную пользу принесли нам исследования, в которых рассматривается внешняя политика России вообще⁴⁵ и роль Средней Азии, Кавказа, Закавказья и других районов страны в системе внешней политики России на Востоке в частности⁴⁶.

⁴⁵ Е. В. Тарле. Европейские дипломатические отношения при Наполеоне (1799—1814 гг.). В кн.: «История дипломатии», т. I. М., 1941; Его же. Русский флот и внешняя политика Петра I. М., 1949; Его же. Очерки колониальной политики западноевропейских государств (конец XV — начало XIX в.). М. — Л., 1965; П. А. Жилин. Гибель наполеоновской армии в России. М., 1968; В. П. Лысов. Персидский поход Петра I. 1722—1723 гг. М., 1951; Л. А. Никифоров. Внешняя политика России в последние годы Северной войны. М., 1969; Его же. Внешняя политика России в первой половине XVIII в. В кн.: «История СССР. Первая серия», т. III. М., 1967; Его же. Россия и Семилетняя война. В кн.: «История СССР...», т. III; Т. К. Крылова. Внешняя политика России в первую половину Северной войны. Докторская диссертация. М., 1949; Её же. Русско-турецкие отношения во время Северной войны. «Исторические записки», т. 10; Её же. Статейные списки петровских дипломатов. «Проблемы источниковедения», т. IX. М., 1961; Её же. Франко-русские отношения в первую половину Северной войны. «Исторические записки», т. 7; В. В. Мавродин. Петр I. Л., 1948; Его же. Русское мореходство на южных морях. Симферополь, 1955; Б. Б. Кафенгауз. Внешняя политика России при Петре I. М., 1942; Его же. Петр I и его время. М., 1948; С. В. Бахрушин и С. Д. Скачкин. Внешняя политика России в период 1726—1755 гг.; Их же. Дипломатия Российской империи в XVIII в.; Их же. Международное положение русского государства в XVII в.; Их же. Дипломатия русского государства в конце XV—XVI вв. «История дипломатии», т. I. М., 1959; И. И. Смирнов. Восточная политика Василия III. «Исторические записки», т. 27; Н. А. Смирнов. Россия и Турция в XVI—XVII вв. М., 1959; Б. С. Тельпуховский. Северная война 1700—1721 гг. Полководческая деятельность Петра I. М., 1946; М. С. Боднарский. Очерки по истории русского землеведения. Ч. I, 1947; Е. С. Зевакин. Прикаспийские провинции в эпоху русской оккупации в начале XVIII в. Баку, 1927; Е. С. Зевакин, М. А. Полиевктов. К истории прикаспийского вопроса. Тифлис, 1933; А. Л. Попов. Борьба за среднеазиатский плацдарм. «Исторические записки», т. 7; Его же. История завоевания Средней Азии. «Исторические записки», т. 9; С. О. Шмидт. Восточная политика России накануне «Казанского взятия». В кн.: «Международные отношения, политика, дипломатия XVI—XX века». М., 1964.

⁴⁶ А. М. Аминов и А. Х. Бабаходжаев. Экономические и политические последствия присоединения Средней Азии к России. Ташкент, 1966; Н. А. Халфин. Политика России в Средней Азии (1857—1868). М., 1960; М. М. Абрамов. Из поли-

Не разбирая достоинства или недостатки этих исследований, мы, однако, обязаны упомянуть, что казахстанский материал в них не привлечен и, значит, исторические судьбы отдельных регионов, находившихся в сфере царской политики, рассматриваются без учета та-

тической истории Самарканда во второй четверти XVIII в. «Общественные науки в Узбекистане», 1967, № 3; Х. Зияев. Средняя Азия и Сибирь (вторая половина XV—XIX вв.). Автореферат докторской диссертации. Ташкент, 1964; М. Ю. Юлдашев. К истории торговых и посольских связей Средней Азии с Россией в XVI—XVII вв. Ташкент, 1964; Б. Д. Джамгерчинов. Присоединение Киргизии к России. М., 1959; Е. Бунаков. К истории сношений России со среднеазиатскими ханствами в XIX в. «Советское востоковедение», т. II, 1941; М. Т. Айтбаев. Историко-культурные связи киргизского и русского народов. Фрунзе, 1957; С. Раджабов. Роль великого русского народа в исторических судьбах народов Средней Азии. Ташкент, 1955; И. С. Брагинский, С. А. Раджабов, В. А. Рамодин. К вопросу о значении присоединения Средней Азии к России. «Вопросы истории», 1953, № 8; В. Я. Непоминин. Прогрессивное значение присоединения Средней Азии к России. «Известия АН УзССР», 1954, № 1; Х. Г. Гимади. Об историческом значении присоединения Татарии к Русскому государству. «Известия Казанского ФАН СССР», серия гуманитарных наук. Вып. I. Казань, 1955; Е. М. Залкинд. Присоединение Бурятии к России. Улан-Уде, 1958; Б. Цибилов. К вопросу о добровольном присоединении Бурят-Монголии к России. Улан-Уде, 1950; А. Н. Усманов. Присоединение Башкирии к русскому государству. Уфа, 1949; Г. Б. Абдуллаев. Азербайджан в XVII в. и взаимоотношения его с Россией. Баку, 1965; А. Ш. Мильман. Вхождение Азербайджана в состав России и его прогрессивное последствие. «Ученые записки Азербайджанского университета», серия юридических наук, 1965, № 2; Е. Н. Кушева. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI—30-е годы XVII в.). М., 1963; О. П. Маркова. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII в. М., 1966; Л. Алексидзе. Взаимоотношения Грузии с Россией в XIV—XVIII вв. «Труды Тбилисского государственного университета», т. 94, серия юридических наук, 1963; Г. Пайчадзе. К истории русско-грузинских взаимоотношений, первая четверть XVIII в. Тбилиси, 1960; Ш. А. Месхиа, Я. З. Цинцадзе. Из истории русско-грузинских взаимоотношений. Тбилиси, 1958; Гр. Папав. Из истории русско-грузинских взаимоотношений первой половины XVIII в. «Труды Телавского государственного педагогического института», т. II, 1957; М. Нерсисян. Из истории русско-армянских отношений, кн. I. Ереван, 1956; А. Р. Ионнисян. Присоединение Закавказья к России и международные отношения в начале XIX столетия. Ереван, 1958; П. А. Садиков. Поход татар и турок на Астрахань в 1569 г. «Исторические записки», т. 22, 1947; С. К. Камалов. Каракалпаки в XVIII—XIX вв. (К истории взаимоотношений с Россией и среднеазиатскими ханствами). Ташкент, 1968.

кого важного ее компонента, как политика России в Центральной Азии. Например, в монографии В. П. Лысцова, посвященной Персидскому походу Петра I, ставится вопрос о существовании таких направлений азиатско-европейской торговли: «а) океанический путь (вокруг Африки)...; б) каспийско-волжский путь (через Россию)»⁴⁷. Указание на эти направления совершенно верное, но неполное. Автор упустил еще два весьма важных торговых направления — из Оренбурга через Младший жуз в Среднюю Азию и из сибирских торговых центров (Омск, Тобольск, Тара и др.) через Средний жуз в среднеазиатские и другие восточные государства, по которым шел большой поток торговых караванов с товарами русских и западноевропейских, среднеазиатских и других купцов восточных стран, о чем убедительно свидетельствуют многочисленные источники.

При работе над темой принималось во внимание то немаловажное обстоятельство, что в исторической литературе все еще имеет место ошибочное мнение, связывающее прогрессивное значение присоединения отдельных нерусских народностей к России главным образом с судьбами этих народов после Великого Октября, о чем убедительно говорили на заседании секции Отделения общественных наук АН СССР В. Г. Трухановский и М. П. Ким⁴⁸. В ряде трудов в одностороннем порядке акцентируется внимание или на колонизаторской политике царизма, в результате которой «производительные силы края (Казахстана. — В. Б.) разрушались»⁴⁹, или же в какой-то степени, вольно или невольно, эта политика идеализируется⁵⁰. Зачастую смешиваются добровольность присоединения и завоевание тех или иных районов насильственным путем.

Ряд историков, модернизируя прошлое взаимоотношений народов царской России, не всегда учитывает

---

⁴⁷ В. П. Лысцов. Персидский поход Петра I. 1722—1723 гг. М., 1951, стр. 50—51.

⁴⁸ См.: «История и социология». М., 1964, стр. 127—129, 137.

⁴⁹ См.: П. Г. Галузо. Социальные отношения в казахском ауле и переселенческой деревне Казахстана в начале XX века. В кн.: «Казахстан накануне Октября». Алма-Ата, 1968, стр. 146.

⁵⁰ См.: В. Ф. Шахматов. Казахская пастбищно-кочевая община. Алма-Ата, 1964.

сложность межнациональных отношений, жесточайший национальный и социальный гнет со стороны эксплуататорских классов не только господствующей нации, но и местных баев и феодалов, разжигание эксплуататорскими классами национальной розни и вражды. Тем самым умалывается роль и значение Великой Октябрьской социалистической революции, ликвидировавшей, по образному определению В. И. Ленина, царскую «тюрьму народов» и положившей начало подлинно братским отношениям между всеми народами нашего социалистического государства.

К тому же, как отмечалось на Всесоюзном совещании по вопросу об улучшении подготовки научно-педагогических кадров, «в освещении прошлого народов нашей страны еще имеет место отход от классовых позиций, выразившийся в неправильной оценке деятельности различных царей, князей, эмиров и ханов. Забвение классового принципа проявляют те ученые, которые идеализируют средневековые традиции, искажают по существу действительность...»⁵¹.

В ряде работ, вышедших в последнее время, просьба хана Абулхаира о принятии Младшего жуза в состав России рассматривается как его стремление обезопасить казахский народ от внешней опасности и внутренних усобиц. Однако в некоторых из них недостаточно четко показываются, а иногда и просто упускаются из виду весьма важные побудительные мотивы Абулхаира использовать российское подданство в лично-эгоистических целях — укреплении своей власти в крае при помощи русского оружия в интересах господствующих эксплуататорских классов. Между тем именно эти мотивы пронизали всю последующую деятельность казахского хана и стали основной канвой русско-казахских отношений в 40-х годах XVIII в. Не учитывая этих обстоятельств, невозможно правильно оценить события, происходившие в казахской степи в ту эпоху. К тому же стремление поставить знак равенства между казахским народом, с одной стороны, и эксплуататорскими классами, выразителями интересов которых являлись

---

⁵¹ Б. Н. Пономарев. Задачи исторической науки и подготовки научно-педагогических кадров. М., 1962, стр. 25.

ханы и султаны — с другой, затушевывает наличие классовой дифференциации и классовой борьбы в казахском обществе.

В некоторых исследованиях последних лет бытует также мнение о том, что, как только Казахстан был присоединен к России, тут же прекратились междоусобицы и в степи стабилизировалось положение. Так, Г. И. Семенюк пишет, что в результате присоединения Казахстана к России «казахские племена Младшего и частично Среднего жузов уже в начальный период подданства избавились (выделено нами.— В. Б.) от ...губительных для развития ...производительных сил внутренних феодальных войн»⁵². А у В. Н. Палкина мы читаем, что «в результате присоединения Казахстана к России была преодолена феодальная раздробленность Казахстана, прекратились постоянные междоусобицы и войны, ликвидировали изжившие [себя] патриархально-феодальные институты»⁵³.

Непонятно, однако, как царская Россия могла ликвидировать патриархально-феодальные институты, если в ней самой, как указывается в Тезисах ЦК КПСС «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции», господствовали «жесточайшая эксплуатация рабочих, малоземелье и нищета крестьян, политическое бесправие народа, угнетенное положение национальных меньшинств, феодально-крепостнические и патриархальные пережитки, зависимость от международного капитала»⁵⁴. Как свидетельствуют неопровержимые факты истории, присоединение Казахстана к России лишь подорвало, но отнюдь не уничтожило политическое и экономическое господство феодалов и баев. Царизм лишь расширил и углубил гнет и эксплуатацию трудового населения Казахстана. По крайней мере никем еще не оспаривалась общеизвестная марксистско-ленинская истина о том, что Казахстан перешел от феодализма к социализму, минуя мучительную капитали-

---

⁵² Г. И. Семенюк. Указ. работа, стр. 414.

⁵³ В. Н. Палкин. Очерк истории медицины и здравоохранения Западной Сибири и Казахстана в период присоединения к России (1716—1868). Новосибирск, 1967, стр. 5.

⁵⁴ «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции. Тезисы ЦК КПСС». Политиздат, 1967, стр. 6.

стическую стадию развития, лишь благодаря Великой Октябрьской социалистической революции.

Достаточно еще раз внимательно прочесть работы А. П. Чулошникова, Н. Г. Аполловой и других исследователей, а также вернуться к архивным материалам, чтобы убедиться в том, что царская колониальная администрация делала все для того, чтобы столкнуть друг с другом казахских владельцев, ослабить каждого из них в отдельности и на их противоречиях прочно утвердиться в степи. Одной из особенностей казахской степи XVIII в. была борьба между султанскими фамилиями и другими представителями феодальной верхушки за пастбища, скот, торговое преобладание и т. п.

Следовательно, та стабилизация и реальное подчинение России жузов, которую отдельные исследователи хотят видеть в начальный период российского подданства, в действительности наступили гораздо позже. Во всяком случае первые действительно реальные признаки этой «стабилизации» просматриваются лишь в конце XIX в.

В связи с запутанностью, а порой и противоречивостью точек зрения в оценке сложного исторического процесса присоединения Средней Азии и Казахстана к России, мы стремились строить наше исследование на общем фоне критического анализа и оценки всей известной нам исторической литературы по теме, дореволюционной и советской, отдавая основное и решающее место марксистской историографии.

При характеристике Казахстана в системе внешней политики России нами учитывалось прежде всего указание В. И. Ленина о том, что в недрах России, этой «великодержавной нации крайнего Востока Европы и доброй доли Азии» 9/10 ее населения стремилось «свои отношения к соседям» основывать «на человеческом принципе равенства»⁵⁵. Именно в это время явственно стали обозначаться две России, о чем так ярко говорил А. И. Герцен: «Две России в начале XVIII столетия стали враждебны друг против друга. С одной стороны была Россия правительственная, императорская..., с другой — Русь черного народа, бедная, хлебопашенная,

---

⁵⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 106—107.

обиженная, демократическая...»⁵⁶. И далее: «Нельзя безнаказанно смешивать Россию с ее правительством... Зимний дворец — не вся Россия, даже не весь Петербург... Другая Россия вне дворца, вне табеля о рангах растет»⁵⁷.

Прогрессивные и дальновидные деятели угнетенных народов дореволюционной России всегда искали сближения и дружбы с передовыми, революционными представителями русского народа. И наоборот, великие сыны русского народа, русский рабочий класс звали другие народы к братству, к совместной борьбе против царизма и капитализма, за лучшее будущее. Так складывались и развивались общность интересов, дружба народов России, которая особенно величественно раскрылась после Великой Октябрьской социалистической революции. Россия, представляемая русским народом с его лучшими чертами и традициями интернационализма, была общим отечеством и населявших ее народов. Поэтому нельзя изучать историю Казахстана в отрыве от истории народов СССР и, в первую очередь, русского народа.

Не следует забывать также и то, что, несмотря на явно колонизаторские цели царизма, приход русских в Казахстан носил объективно прогрессивный характер. Прогрессивное влияние российской экономики и культуры находилось в непримиримом противоречии с политикой царизма, тормозившей развитие казахского народа. Но вопреки политике царского правительства присоединение Казахстана к России ускорило его экономическое развитие. Казахстан под влиянием России постепенно втягивался в сферу более передового хозяйства, развивались и более зрелые формы феодальных отношений.

К тому же нетрудно представить, что было бы с Казахстаном, если бы он не был присоединен к России. Его бы захватили Цинская империя или Кокандское ханство, его раздробили бы на мелкие части. В конечном счете он мог стать легкой добычей для английских колонизаторов.

---

⁵⁶ А. И. Герцен. Избр. филос. произведения. М., 1949, стр. 61.

⁵⁷ А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем, т. X, стр. 438.

Вот почему Маркс и Энгельс, хотя и клеймили грязь и мерзость царской администрации, вместе с тем ценили «действительно... прогрессивную роль» России «по отношению к Востоку». 23 мая 1851 г. Энгельс в письме к Марксу писал, что «господство России играет цивилизаторскую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии»⁵⁸.

В связи с этим заметим, что до сих пор за рубежом имеет место серьезное искажение внешней политики России на Востоке. Буржуазные историки, вопреки исторической действительности, враждебно и односторонне оценивая политику царской России как только захватническую, в то же время делают попытки оправдать колониальную политику западных держав, и в первую очередь, Великобритании, выдавая ее за «миролюбивую» (Барбара Джелавич, Дж. Болсовер, Р. Лесли и др.)⁵⁹.

Некоторые современные буржуазные исследователи пытаются любыми средствами доказать, что дореволюционная история неславянских народов, то есть народов Средней Азии, Казахстана, Северного Кавказа, Закавказья и других, была связана «намного сильнее с культурой, религией и государствами, лежащими теперь за пределами СССР»⁶⁰, отрицая тем самым естественные торгово-экономические, политико-дипломатические, культурные и иные связи между русским и упомянутыми народами, которые существовали еще с древнейших времен, и поставить под сомнение закономерность и прогрессивность присоединения малых народов к России. Тем самым они хотят «дискредитировать Россию в глазах народов Востока, отождествляя ее народ и общественное мнение с царизмом, и выгородить британскую буржуазию, эксплуатирующую в те-

---

⁵⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 241.

⁵⁹ B. Jelavich. A Century of Russian Foreign Policy, 1814—1914. N. V. 1965; L. Bolsover. Russia and the Eastern Question 1832—1841. «Bulletin of the Institute of Historical Research», Vol XI, № 32, November, 1933; R. Leslie. The Age of Transformation. The History of Europe, 1789—1871, L. 1961.

⁶⁰ B. Spuler. Vorwort zum Buch: E. Sarkisjanz. «Geschichte der orientalischen Völker Rußlands bis 1917. Eine Ergänzung zur ostslawischen Geschichte Rußlands». München, 1961, p. 11.

чение десятилетий многие ближневосточные страны»⁶¹. Более того, в своих книгах буржуазные фальсификаторы истории стремятся провести параллель между колонизаторской, грабительской политикой царизма и политикой Советского государства.

Заметим, что многие положения, связанные с одной-сторонней интерпретацией внешней политики России на Востоке, современные буржуазные историки заимствовали из арсенала литературы, захлестнувшей книжный рынок западноевропейских государств и России во второй половине и особенно в конце XIX в. В частности, это касается широко распространенной в то время фальшивки о некоем «завещании» Петра I, в котором царь якобы рекомендовал потомству «добывать» Индию и Константинополь⁶². Но и в то время ряд исследователей вынужден был признать, что эта версия была ничем иным, как подделкой⁶³. Этот вымысел был опровергнут такими русскими исследователями, как Шубинский и А. И. Макшеев, причем они высказались в том смысле, что меры Петра I, предпринятые к присоединению Казахстана и Средней Азии, были направлены на создание более благоприятных условий для организации торговли с Индией и другими восточными государствами⁶⁴. Более определенно в этом отношении высказался И. Голиков, который писал: Петр I предвидел, «что если и не найдется в реках тех (то есть в результате экспедиций И. Бухгольца и А. Бековича-Черкасского.— В. Б.) золото, то, по крайней мере, найден будет новый способ к получению оного посредством торговли через те страны с Индией (выделено нами.— В. Б.)»⁶⁵.

---

⁶¹ В. А. Георгиев. Англо-американская буржуазная историография восточного вопроса. «Вопросы истории», 1968, № 3, стр. 180.

⁶² См.: «An Indian Officer», Russias march towards India. Vol. I. London, 1894.

⁶³ S c r a i n. The Heart of Asia. London, 1899, p. 409.

⁶⁴ См.: Шубинский. Мнимое завещание Петра Великого. Запад выставляет взятие Константинополя заветным желанием Российского императора. СПб., 1877; А. И. Макшеев. Исторический обзор Туркестана и наступательного движения на него русских. СПб., 1890, стр. 46.

⁶⁵ И. Голиков. История деяний Петра Великого, т. V. М., 1879, издание второе.

Мы же со своей стороны добавим, что в наших архивах отсутствуют материалы, которые свидетельствовали бы о стремлении правительства России или Петра I завладеть Индией. Не содержится никаких данных и о каком-то «завещании Петра I» по этому поводу. История использования так называемого «завещания Петра I» показывает, что эта фальшивка служила для маскировки агрессии иностранных держав против России, что целью ее было насаждение ненависти к русскому народу. Все это, как уже отмечалось, сплошной вымысел фальсификаторов, стремившихся извратить сущность внешней политики России на Востоке и упрочить свое положение в Казахстане и Средней Азии.

Зарубежные клеветники и фальсификаторы выпустили и продолжают выпускать десятки лживых, далеких от научно-уравновешенного и честного объективизма книг и брошюр, многочисленные журнальные статьи и обозрения, в которых распространяются чудовищные по своей неправдоподобности слухи и версии о Советском Союзе, его истории, политике, экономическом и культурном положении. Работа эта усиливалась и распространялась прямо пропорционально успехам и достижениям нашей страны в строительстве нового общества. Особенно рьяно и много они писали и пишут о республиках Советского Востока. И это не случайно, ибо именно отсюда, как признается, например, западногерманский «специалист» по Советской Азии Менде, «идут советские импульсы на народ ислама и всю Азию». Именно для того, чтобы как-то ослабить и помешать прогрессивному возрастанию этих импульсов, западногерманские реваншисты подобрали и выпестовали матерого изменника Родины, перебежчика и клеветника Баймирзу Хаита, ныне ставшего рупором всяческих лживых фальсификаций истории и подтасовок о народах Средней Азии и Казахстана.

Советские ученые, в том числе и представители исторической науки Средней Азии и Казахстана, провели большую работу по разоблачению этих фальсификато-

ров истории народов Советского Востока⁶⁶. В вышедших статьях, брошюрах, книгах ученые Средней Азии и Казахстана основной упор делают на разоблачение лживых версий фальсификаторов об Октябрьской революции, установлении и упрочении Советской власти в Средней Азии и Казахстане.

Остановимся в связи с этим на кратком разборе книги А. Нусупбекова и Х. Бисенова, в которой прослеживается довольно длительный и тяжелый процесс исторического развития казахского народа в дореволюционный период, в период Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны, восстановления народного хозяйства, социалистической индустриализации и коллективизации сельского хозяйства.

Работа эта ограничивается в основном разбором книги Б. Хаптаева «Туркестан в XX столетии», в которой наиболее полно и концентрированно изложены его клеветнические взгляды на прошлое и настоящее советских республик Средней Азии и Казахстана. В ней же авторы по ходу изложения дают ответы и на другие публикации как Хаптаева, так и ему подобных зарубежных фальсификаторов истории.

В книге приводятся интереснейшие факты, проливающие свет на истинную социальную и политическую подоплеку деятельности клеветников и фальсификаторов, являющихся орудием империализма в его психологической войне против Советского Союза и других стран социалистической системы.

Кто же такие эти хаптаевы, чокаевы, каюм-ханы? Это не только изменники, но и люди, потерявшие человеческий облик, превратившиеся в убийц, готовые на любую, самую гнусную подлость и предательство. Вот факты из книги. «Великий Каюм-хан, боясь остаться на вторых ролях, при помощи старых друзей из гестапо

---

⁶⁶ Н. Сагандыков, А. Шматов. Правда сильнее лжи. «Партийная жизнь Казахстана», 1959, № 6; Г. Дахшлейгер, А. Турсунбаев, Ш. Шафиро. Правда об освоении целины и домыслы буржуазных фальсификаторов. «Партийная жизнь Казахстана», 1959, № 12; А. Турсунбаев. Против буржуазной фальсификации истории Советского Казахстана. Алма-Ата, 1963; А. Нусупбеков, Х. Бисенов. Фальсификация истории и историческая правда. Алма-Ата, 1964. Немало работ против буржуазных фальсификаторов издано и в республиках Средней Азии.

стравил своего начальника, такого же яркого врага Советской власти Мустафу Чокаева...»; «В июне 1944 г. в Голландии при прямом участии Хаита гитлеровцами была уничтожена половина личного состава одной из туркестанских рот...». Хаиты и каюм-ханы предавали, убивали не только честных советских людей, но и своих единомышленников, если те им мешали или становились недостаточно сговорчивыми.

Авторы разоблачают и не менее гнусные, жульнические методы и приемы исследования фальсификатора истории Хаита, который в угоду своим хозяевам из кожи лезет вон, чтобы опорочить не только акт присоединения Казахстана к России, но и социалистической строй, великие завоевания народов Советского Востока, представить их чуть ли не жертвами «колониализма русских большевиков». Раскрывая поразительное сходство суждений и оценок Хаита и его коллег, в частности американского полковника Ч. Хостлера, авторы подчеркивают, что американский партнер этого дуэта, не обладая утонченной «восточной» дипломатичностью, выбалтывает то, о чем Хаит умалчивает. «Тот факт, — пишет Ч. Хостлер, — что Турция издавна провозглашает свою заинтересованность в освобождении турецких народов Советского Союза и что в случае возникновения третьей мировой войны пантюркизм будет иметь решающее влияние на политику Турции, повышает ее значение для Запада» (стр. 39).

Большое внимание авторы отводят разоблачению измышлений Хаита и ему подобных, пытающихся доказать, что народы Казахстана и Средней Азии сейчас, как и до революции, находятся в колониальной зависимости у «русского советского империализма». В книге вскрывается нечестный прием Хаита, который, стремясь создать видимость объективности, порой признает значительные успехи, достигнутые народами Средней Азии и Казахстана в развитии экономики и культуры, но тут же спешит оговориться, что это достигнуто ценой потери национальной независимости и утраты традиций национальной культуры. В частности, национально-государственное размежевание Средней Азии Хаит оценивает, как политику против местного населения. «Где, когда и какому правительству в истории, — спрашивают авторы, — удавалось без кровопролития, обид

и вражды, на совершенно добровольных началах осуществить государственное размежевание, установить справедливые границы нескольких государственных образований, населенных, хотя и близкими, но совершенно самостоятельными, отличными друг от друга народами?» (стр. 19). Хаит и ему подобные, клеветая на это мероприятие Советского государства, не хотят видеть того, что до присоединения Средней Азии и Казахстана к России в этом районе шли непрерывные разорительные войны между кокандскими, хивинскими и казахскими феодалами из-за дележа владений. Таким образом, фальсификаторы не видят разницы между политикой русского царизма и Советской власти в отношении народов Средней Азии и Казахстана. Они закрывают глаза на тот факт, что царизм дробил на части исторически сложившиеся территории казахов, узбеков, киргизов, туркмен и таджиков между различными генерал-губернаторствами. Когда же Советская власть исправила эту историческую несправедливость, фальсификаторы начинают кричать о какой-то обиде, нанесенной народам Средней Азии.

А. Нусупбеков и Х. Бисенов вскрыли несостоятельность «теории» Хаита, который путает понятия «нация», «народность», «народ» с понятием «раса», что, как известно, не одно и то же. Авторы, основываясь на большом фактическом материале, подвергли критике утверждение Хаита о существовании какой-то единой «туркестанской нации», которую большевики «искусственно расчленили» на казахов, узбеков, киргизов и туркмен. В данном случае, как правильно указывается в книге, Хаит не оригинален. Эта «теория» не нова, она возникла в Турции еще в конце XIX в., а затем в качестве пантюркизма принята младотурками. «Измышления Хаита о «единой мусульманской нации», — читаем в книге, — понадобились ему для того, чтобы обосновать антинаучные и не новые в литературе идеи пантюркизма и панисламизма, которые в наши дни всячески используют в своих целях новые претенденты на мировое господство» (стр. 31—32).

Такова проблема, круг источников и литературы, которые имеют касательство к интересующей нас теме. Без учета их положений невозможно, на наш взгляд, правильно решать вопрос об истории присоединения

Казахстана к России и показать его роль и место в политике русского государства. Мы определили лишь небольшой круг вопросов, который нуждается в дальнейшем разрешении. Как видно, и в аспекте нашей проблемы перед исторической наукой стоят весьма важные задачи, решение которых требует внимательного отношения, выявления новых материалов и дальнейшей работы.

ПРЕДПОСЫЛКИ
РУССКО-КАЗАХСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

1. Проблема безопасности юго-восточных
границ России

Известно, что без наличия выходов к морям, хорошо налаженной торговли с соседними странами ни одно государство не может стать экономически сильным и процветающим. «...Ни одна великая нация, — писал Маркс, — не существовала и не могла существовать в том удалении от морей, в каком первоначально находилось государство Петра Великого; никогда ни одна нация не мирилась с тем, что ее морские побережья и устья рек были от нее оторваны; Россия не могла оставлять устье Невы, этого естественного выхода для продукции северной России, в руках шведов, так же, как устья Дона, Днепра и Буга и Керченский пролив в руках кочевых татарских разбойников»¹.

В этом высказывании Маркса — ключ к пониманию сущности внешней политики России того времени. Ее целью становилось обеспечение экономических и политических интересов на северо-западных, южных, и юго-восточных границах, прорыв блокады, созданной Швецией на северо-западе, и Турцией — на юге и юго-востоке. Достаточно вспомнить, что в связи с разгромом турками Византийской империи и падением ее столицы Константинополя в 1453 г. возникла серьезная угроза для существования ряда европейских государств и поглощения их более отсталой Османской империей.

---

¹ К. Маркс. Secret diplomatic history of the eighteenth century. L., 1899, p. 87.

По справедливому замечанию Ф. Энгельса, «турецкое, как и всякое другое, восточное владычество несовместимо с капиталистическим строем; извлеченная прибавочная стоимость ничем не обеспечена от хищных рук сатрапов и пашей; нет налицо первого, основного условия буржуазного приобретения — обеспеченности личности купца и его собственности»². Именно в связи с этим правительства ряда европейских государств пытались использовать Россию для борьбы с турками, которые считали себя «законными» наследниками появившихся после распада Золотой орды Астраханского, Казанского и Крымского ханств. Однако, как свидетельствуют события, в конце XV и в первой половине XVI в. Московское государство стремилось к укреплению дружественных отношений с Портой. Оно было заинтересовано в укреплении не только русско-турецкой, но и русско-иранской торговли. Немаловажным было стремление русского правительства создать военный союз с Турцией против Польши и Литвы.

Между тем в 1475 г. Турция захватила Крым и Азов и превратила их в оплот турецкого могущества на юго-востоке Европы. Южные и юго-восточные границы Российского государства стали подвергаться нападениям со стороны соседних народов, и в первую очередь крымских татар — вассалов Османской империи. К тому же с середины XVI в. турки устремляются в направлении Польши, Украины, бассейна Азовского и Каспийского морей. Это, разумеется, столкнуло Турцию с интересами Персии и России. Несмотря на это, в XVI в. русско-турецкие отношения являлись дружественными.

Главная задача Московского государства на юго-востоке в это время состояла в том, чтобы оградить себя от нападений и обеспечить торговые интересы на Черном море. Затем встал вопрос о расширении российской территории до «естественных» границ — Черного и Каспийского морей, куда впадали главные русские реки, являющиеся для русского государства естественным продолжением путей в Азию и Южную Европу. С этой целью наряду с чисто военными мерами в отношении своих противников, в частности Турции, Россия

---

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIV, ч. II, стр. 22.

использовала естественную вражду к туркам поработанных ими греков и славян, а также православное духовенство. В их лице российское правительство имело надежных союзников.

К этому времени основным принципом политики всех государств, в том числе России, становится так называемый «государственный интерес», сводившийся, естественно, к интересам господствующего класса под лозунгом «общего блага», который в случае необходимости осуществлялся «даже путем насилия».

Если в начале XV в. Россия не играла решающей роли в международных делах, то к концу княжения Ивана III она заняла в них видное место, а в конце 80-х годов XV в. уже представляла собой внушительную силу³.

Чтобы судить о могуществе России, которое она приобрела в период княжения Ивана III, достаточно обратиться к Воскресенской и Никоновской летописям, в которых говорится: «Князь велики (т. е. Иван III.— В. Б.)... царя Махметь Аминя из своей руки посадил на царство в Казани»⁴. Это подтверждает и Архангельский летописец: «...Из Казани прибежал к великому князю Ивану Васильевичу царь (казанский хан.— В. Б.) Махмедимин от брата своего от царя Аляхама, царя казанского, и князь великий силу рек ему дати»⁵. О том, что Иван III «ставил по своей воле царей в Казани», свидетельствует С. Герберштейн⁶.

Как указывал Маркс, к концу княжения Ивана III мы видим его «сидящим на вполне независимом троне. Рядом с ним дочь последнего византийского императора, у ног его Казань. Обломки Золотой Орды толпятся у его двора... Литва уменьшилась в своих пределах, и ее государь является орудием в руках Ивана. Ливонские рыцари разбиты»⁷. И далее: «Изумленная Европа,

---

³ «История дипломатии», т. I. М., 1941, стр. 172, 200, 261.

⁴ «Полное собрание русских летописей», т. VIII, стр. 217; т. XII, стр. 219.

⁵ «Летописец, содержащий в себе Российскую историю от 6360 (852) до 7106 (1598) года». М., 1819, стр. 193.

⁶ С. Герберштейн. Записки о московских делах, 1908, стр. 15.

⁷ К. Маркс. Secret diplomatic history of the eighteenth century. L., 1899, p. 81.

в начале княжения Ивана III едва ли знавшая о существовании Московии, стиснутой между татарами и литовцами, была ошеломлена внезапным появлением огромной империи на ее восточных рубежах, и сам султан Баязет, перед которым трепетала Европа, впервые услышал высокомерные речи москвитя⁸.

Теперь уже при решении международных вопросов российское государство занимало «вполне самостоятельную позицию». Ни одной из европейских стран, несмотря на все старания дипломатов, не удалось превратить могущественную российскую державу в орудие своей политики⁹. Именно в это время, в частности в 1464 г., было направлено посольство Ивана III в Герат, к эмиру Абу Саиду, встреченное им с большим «вниманием и почетом». К сожалению, успеху посольства помешала неблагоприятная политическая обстановка, сложившаяся в то время в Тимуридском государстве. Однако оно все же сыграло некоторую роль в оживлении русско-среднеазиатской торговли.

В этой связи весьма важно отметить, что первым свидетельством активности русских на Каспийском море является сообщение Мухаммеда аль-Хасана (IX в.)¹⁰. «Повесть временных лет» указывает, что в IX в. русские плавали на Каспийском море¹¹.

Ибн-Хордадбех в своей «Книге путей и государств» (не позднее 60-х годов IX в.) сообщает о том, что русские по Днепру, Черному и Азовскому морям, Дону и Волге попадали в Каспийское море, где они могли выходить на любой берег. И это был для них обыденный путь. На Каспии русские торговали в прибрежных мусульманских городах, заключали с их правителями торговые сделки. Уже в XV в. русские появились в Са-

---

⁸ Там же. См. также: «История дипломатии», т. I. М., 1959, стр. 261. Как известно, между Россией и Турцией дипломатические отношения были установлены в конце XV в. В 1497 г. русский посол М. Плещеев был принят султаном Баязетом «с таким почетом, какой в Османской империи не оказывали представителям других европейских держав» («Всемирная история», т. IV. М., 1958, стр. 475).

⁹ К. В. Базилиевич. Русское национальное государство при Иване III. В кн.: «История СССР», т. I. М., 1947, стр. 271.

¹⁰ В. В. Мавродин. Русское мореходство на южных морях. Симферополь, 1955, стр. 37.

¹¹ «Повесть временных лет», ч. I, 1950, стр. 12.

марканде. Основываясь на данных Рубриквиса и Шегаб-эд-Дина, дореволюционный исследователь Н. П. Загоскин и наш современник известный советский историк В. В. Мавродин сообщают, что, следуя по истарии проторенному пути, русские купцы еще в XIV—XV вв. «постоянно езжали в низовья Волги и к Каспию, а отсюда пробирались даже к Самарканду; в 1404 г. в этом последнем городе видели русских купцов наряду с торговцами татарскими, индийскими и китайскими»¹². По Волге и Каспийскому морю русские купцы вывозили в страны Азии меха (собольи, бобровые, лисьи, куны и др.), мед, воск, рыбий зуб (моржовые клыки), кожи и льняные ткани (преимущественно в Среднюю Азию), которые славились даже в северной Индии. По этому же пути они ввозили в Россию из волжско-каспийских низовий и с востока соль, степных лошадей, шелковые ткани, изделия из благородных металлов, самоцветные камни, жемчуг, оружие, булатные (стальные) изделия. Особенно много ввозилось по Волге и Каспийскому морю пряностей, так как к этому времени еще не был открыт морской путь в Индию. Кстати сказать, этот факт, как указывают Б. Д. Греков, С. А. Покровский, Ю. А. Соколов и В. Г. Тизенгаузен¹³, свидетельствует об ошибочности утверждения В. В. Бартольда, считавшего, что «англичанину Дженкинсону» принадлежит «почин в организации русско-среднеазиатских отношений»¹⁴. К сожалению, В. В. Бартольд не одинок в своих утверждениях. Еще в 1906 г. А. Е. Снесарев писал, что «первый европеец, посетив-

---

¹² Н. П. Загоскин. Русские водные пути и судовое дело в допетровской России. Казань, 1909, стр. 17—18, 269, 270; В. В. Мавродин. Указ соч., стр. 30—35. См. также: А. Я. Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870, стр. 48, 49.

¹³ Б. Д. Греков. Киевская Русь. М. — Л., 1944, стр. 314; С. А. Покровский. Внешняя торговля и внешняя политика России. М., 1947, стр. 38; Ю. А. Соколов. К вопросу об исторических предпосылках присоединения Средней Азии к России. «Труды Среднеазиатского государственного университета им. В. И. Ленина». Новая серия, вып. 142. Исторические науки, кн. 30. Ташкент, 1958, стр. 22—23; В. Г. Тизенгаузен. Первое русское посольство в Герат. «Записки восточного отд. русского археологического общества», т. I, вып. 1, 1886, стр. 30—31.

¹⁴ В. В. Бартольд. История изучения Востока в Европе и России. Изд. 2, 1925, стр. 176.

ший Мавераннахр... был английский купец Дженкинсон»¹⁵. В действительности же А. Дженкинсон впервые проехал через казахские степи и появился в Средней Азии почти на полтора столетия позже русских, в 1557 г.; бывал он там и в последующие годы¹⁶. Разумеется, Дженкинсон оставил весьма ценные сведения о Средней Азии и Казахстане, сообщив о жителях степей «кассаков магометовой веры», которые являлись народом сильным и многочисленным¹⁷.

При Иване IV, внуке Ивана III, международное положение России стало еще более весомым. Ко второй половине XVI в. закончилось политическое объединение России, постепенно она превращается в централизованное, а позднее — в абсолютистское государство. В это время Россия стремилась к расширению торговых связей как с восточными, так и западными государствами.

Взятие русскими войсками Казани в 1552 г. и Астрахани в 1556 г. приблизило границы России вплотную к казахской степи. «Надобно перенестись в XVI век, — писал С. Соловьев, — чтобы понять всю силу впечатления, какое произвели эти слова: завоевано татарское царство! Завоевание Казанского царства было первым завоеванием и, что всего важнее, завоеванием татарского царства: после многих веков страдания и унижения явился, наконец, царь на Руси, который возвратил ей счастливые времена первых князей-завоевателей». «До тех пор, — продолжал он, — дальнейшее движение русской колонизации на Восток по Волге, наступательное движение Европы на Азию было невозможно. Пала Казань и вся Волга стала рекою Московского государства; завоевание Астрахани было скорым, неминуемым последствием взятия Казани»¹⁸. Разумеется, в данном случае С. Соловьев выступает типичным

---

¹⁵ А. Е. Снесарев. Индия как главный фактор в среднеазиатском вопросе. СПб., 1906, стр. 9.

¹⁶ Е. В. Тарле. Очерки истории колониальной политики западноевропейских государств (конец XV — начало XIX в.). М. — Л., 1965, стр. 109.

¹⁷ «Английские путешественники в Московском государстве в XVI в.». Л., 1937, стр. 185.

¹⁸ С. Соловьев. История России, т. VI, гл. III, стр. 114—115, 117.

представителем господствующего эксплуататорского класса, но это высказывание привлекает наше внимание в том отношении, что оно проливает свет на сущность внешней политики царизма. Со взятием Казани и Астрахани Иван IV «вознесся гордостью и начал братиться и дружбы иметь с дальними цари и короли»¹⁹. «Россия,— писал Н. М. Карамзин,— примкнув свои владения к Каспийскому морю, открыла для себя новые источники богатства и силы...»²⁰.

Порта и преемник Сулеймана I султан Селим II, издевавшиеся над европейскими государями и в сознании своей силы презиравшие папу и римского императора, которого даже считали своим данником, в 1569 г. впервые убедились в могуществе России после того, как турецкие войска были разгромлены русскими под Астраханью, которую Порта стремилась превратить в опорную базу для борьбы с Персией. Поражение «непобедимой» турецкой армии и крымских ханов под Астраханью, у стен которой по существу произошло первое серьезное военное столкновение России и Турции, явилось неожиданностью не только для восточноевропейских и азиатских государств, но и для правительств стран Западной Европы. В 1570 г. русский посол доносил в Москву: «Да... во Фрянские (итальянские) города весть пришла, что Азсторохани не взяли, а людям учинился великой изрон. И фрянки, ден, о том возрадовалис, меж себя учили говорити: «Государь, ден, московской — великой и кому, ден, против его стояти. А от неверных, ден, его бог оборонял»²¹. После сражения под Астраханью турецкий султан стал искать дружбы с Россией, которую уже боялся больше, чем других европейских государств.

Именно в это время были созданы благоприятные

---

¹⁹ «Полное собрание русских летописей», т. IV, стр. 342; С. О. Шмидт. Восточная политика России накануне «Казанского взятия», стр. 540.

²⁰ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. IV, гл. V. СПб., 1851—1853, стр. 139.

²¹ П. А. Садиков. Поход татар и турок на Астрахань в 1569 г. «Исторические записки», т. 22, стр. 153. См. также: А. Ben n i g s e n. L'expédition turque contre Astrakhan en 1569 d'après les Registres des «Affaires importantes» des Archives ottomanes. «Cahiers du monde russe et soviétique», 1967, ji-sept, vol. 8, № 3, p. 427—446.

условия для активизации политики России в Прибалтике и на Юге и для обеспечения возможности колониальной политики царизма на Востоке²². Можно было заняться усилением торговли со среднеазиатскими и другими восточными государствами, где, по замечанию Н. И. Веселовского, русские интересы отличались «большим разнообразием и существенной важностью»²³. Россия вошла в непосредственное соприкосновение с казахской степью. Она превратилась в первую и единственную европейскую страну, для которой Казахстан сказался непосредственным соседом. Это способствовало активизации ее дипломатических связей со среднеазиатскими и прикаспийскими государствами. Уже в 1557—1558 гг. к Ивану IV с «любовным» челобитием прибыли послы из Хивы, Бухары и Самарканда с просьбой разрешить их купцам свободный проход по Волге. В то же время в Астрахани побывали купцы из Шемахи, Дербента, Шавкала, Тюмени, Хивы, Сарайчика и других городов, а затем были заключены договора о торговле с Шемахой и Бухарой²⁴.

Закончившаяся в 1582 г. изнурительная двадцатилетняя Ливонская война, хотя и была неудачна, создала русскому государству более благоприятные условия для активизации политики на Востоке. Как известно, в 1586 г. усилились русско-грузинские связи, завершившиеся присягой кахетинского царя Александра в 1587 г. на верность России и установлением московско-кахетинских дипломатических отношений²⁵. При Борисе Годунове в состав России вошел Воронеж.

В результате польско-шведской интервенции в начале XVII в. международное положение России было сильно поколеблено. Польско-литовские войска захватили Смоленск, Чернигово-Северскую землю, угрожали Москве. Шведские войска находились в Новгороде.

---

²² С. О. Шмидт. Указ. соч., стр. 538.

²³ Н. И. Веселовский. Иван Данилович Хохлов. СПб., 1891, стр. 3.

²⁴ Н. М. Карамзин. Указ. соч., стр. 236, прим. 415; А. Х. Маргулан. Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. Алма-Ата, 1950, стр. 86.

²⁵ Е. Н. Кушева. Русско-кабардинские отношения в конце XVI — начале XVII в. В кн.: «История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции», т. I. М., 1967, стр. 116—117.

Польский и шведский претенденты на российский престол не отказывались от своих притязаний. Русское государство оказалось отрезанным от побережья Балтики.

Занятое ликвидацией последствий польско-шведской интервенции и упрочением внутреннего положения, русское государство в течение первой половины XVII в. по существу мирилось с фактическим ослаблением своего влияния на Востоке. В этих условиях оно, несмотря на неоднократные обращения грузинского царя Теймураза I, кахетинского и других грузинских правителей, не смогло оказать им существенной помощи в борьбе с турецкими и персидскими завоевателями. Задача российской дипломатии состояла в том, чтобы нейтрализовать Турцию, а в случае возникновения соответствующих благоприятных условий превратить ее в своего союзника в борьбе с Польшей и Швецией. Россия, ослабленная в «смутное время», нуждалась в упрочении финансового положения, поэтому все внимание в это время было направлено на развитие торговых отношений с Ираном, среднеазиатскими ханствами, Индией, Китаем и другими восточными государствами. Более того, во время русско-польской войны иранский шах Аббас I, заинтересованный в сохранении политической целостности России, которая представляла для Персии большие торговые выгоды и препятствовала проникновению турок и крымских татар в Закавказье с севера, несмотря на имевшие место русско-персидские противоречия, оказывал финансовую поддержку русскому правительству. В шахских грамотах даже говорится о «дружбе и любви (махаббат ва дусти)» к России со ссылкой на древность русско-персидских отношений²⁶. В условиях, когда у России непримиримым врагом была Польша, а у Персии — Турция, улучшение русско-персидских отношений было выгодно обоим государствам.

Значительно пошатнувшееся международное положение России было восстановлено в результате победы народного ополчения над польско-шведскими интервентами. Столбовский мир со Швецией (1617 г.) и Деу-

---

²⁶ Н. И. Веселовский. Памятники дипломатических и торговых отношений Московской Руси с Персией, т. II. СПб., 1892, стр. 287, 413; т. III. СПб., 1898, стр. 290, 314.

линское перемирие с Польшей (1618 г.) подготовили условия для окончательного изгнания интервентов. Поляновский мир, подписанный в июне 1634 г., подтвердил Деулинское перемирие. Владислав отказался от притязаний на царский титул, признав его за Михаилом Филаретовичем Романовым. Но за Польшей оставались захваченные ею русские земли. Между Россией и побережьем Балтийского моря стояли шведские войска. В результате перед Россией XVII в. встала необходимость решения трех жизненно важных проблем: выход к Балтийскому морю, воссоединение украинских и белорусских земель с русскими, борьба с Турцией и ее вассалом Крымом за безопасность южных и юго-восточных границ. Если решение проблемы о выходе России к Балтике и Черноморскому побережью затянулось и решалось еще и в XVIII в., то вопрос о воссоединении украинских и белорусских земель в основном был решен в XVII в.

Общеизвестно, что военное выступление России с целью оказания помощи восставшему украинскому народу произошло спустя шесть лет после начала восстания, а многочисленные обращения Богдана Хмельницкого к русскому царю с просьбой принять Украину в подданство долгое время отклонялись под предлогом того, что у России с Польшей «вечное докочанье», т. е. вечный мир, скрепленный крестным целованием.

Хотя московское правительство довольно добросовестно относилось к выполнению принятых на себя обязательств, в данном случае ссылка на «вечный мир» являлась лишь формальным мотивом, скрывающим более глубокие причины отказа от немедленного принятия предложений Хмельницкого.

Правительство Алексея Михайловича симпатизировало братскому украинскому народу, борющемуся за свое освобождение. Воссоединение Украины с Россией значительно увеличивало силы и международный вес Российского государства.

Утверждение некоторых историков о том, что поддержка выступления России против Польши произошла в связи с боязнью нападения Турции и Швеции (например, Голобуцкий), представляется по меньшей мере спорным. Несомненно имели место и некоторым образом влияли на внешнюю политику царского правитель-

ства такие факторы, как городские восстания, антифеодальные черты движения на Украине, финансовые затруднения, необходимость военной подготовки и т. д. Однако не эти причины задерживали выступление России против Польши.

Решительному курсу на воссоединение Украины с Россией и на открытый разрыв с Речью Посполитой предшествовал период, когда созрел план мирного объединения России, Польши, Украины путем избрания царя Алексея Михайловича польским королем. Кроме того, русское правительство пыталось вернуть Смоленск и Северскую землю посредством сильного дипломатического нажима на Польшу. Неудача династических планов объединения окончательно стала ясна к маю 1649 г., когда в ответ на российское посольство во главе с Г. Г. Пушкиным, требовавшее возвращения русских земель со Смоленском, встревоженное польское правительство принимает меры по созданию против России коалиции в составе Польши, Крымского ханства и Украины.

Только после этого русское правительство приходит к решению начать подготовку к войне, т. е. в промежуток времени между возвращением в Москву посольства Пушкина (сентябрь 1650 г.) и созывом Земского собора (октябрь 1653 г.). Советская историческая наука считает Земский собор 1653 г. важной исторической вехой в развитии русско-польских отношений²⁷. Он знаменует собой коренной поворот во внешней политике русского правительства, положивший начало новому курсу на подготовку войны против Речи Посполитой за присоединение Украины к России. Созывая собор, правительство имело целью не выработку политической линии для себя, а разъяснение своей уже определившейся позиции представителям сословий с полутным выяснением того, как эта позиция будет ими воспринята.

Следовательно, главные причины, сдерживавшие Россию в течение шести лет от прямого военного выступления против Польши, состояли в том, что в течение предшествующего периода освободительной вой-

---

²⁷ См.: С. В. Бахрушин, С. Д. Сказкин. Международное положение русского государства в XVII в. В кн.: «История дипломатии», т. I. М., 1959, стр. 294.

ны украинского народа царское правительство продолжало следовать своей традиционной политике возврата отторгнутых Польшей исконных русских земель. В связи с этим кардинальное решение задачи воссоединения Украины с Россией в течение некоторого времени оттягивалось. Ввиду того, что возвращение исконно русских земель дипломатическим путем не удалось, выход из положения состоял лишь в постановке обеих задач — завершения объединения русских земель и воссоединения Украины с Россией, прежде всего военными усилиями русского и украинского народов.

С этого времени русско-польские отношения вступают в новую фазу, главным содержанием которой является решение насущных задач военными мерами.

Русские войска заняли Дорогобуж, Рославль, Оршу, Гомель, Могилев, Смоленск, Полоцк, Витебск и другие города, всю Белоруссию и Литву со столицей Вильно. В 1686 г. был подписан Московский договор с Польшей, в соответствии с которым к России отошли Киев, Рославль и Смоленск. Несколько ранее, то есть в 1654 г., Украина добровольно вошла в состав России.

После похода Ермака понадобилось всего 55 лет, чтобы достигнуть берегов Охотского моря. В 1695—1696 гг. русские войска овладели Азовом и Аккерманом. По Константинопольскому договору с Турцией (1700 г.) Россия получила Азов с прилегающими землями.

Хорошо известно, что в XVII в. в России сложилось централизованное государство, а к концу века значительно укрепился пошатнувшийся было ее международный авторитет. Постепенно росло товарное обращение, небольшие местные рынки концентрировались «в один всероссийский рынок»²⁸. В России появилась своя промышленность с металлургическими предприятиями, а также предприятия по производству предметов из стекла, бумаги и т. п. Рост производительных сил и ремесленного производства, увеличение товарного обращения между отдельными областями Российского государства и формирование единого всероссийского рынка, естественно, повлекли за собой серию внешнеполитических мероприятий со стороны российского двора, на-

---

²⁸ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. I, стр. 153.

правленных на стабилизацию существующих границ на западе, на колонизацию и торгово-хозяйственное освоение Сибири, а также на поиски каналов активной торговли со среднеазиатскими ханствами, Индией, Монголией и Китаем.

К этому времени Россия была связана дипломатическими и торговыми узами с такими западноевропейскими государствами, как Англия, Франция, Голландия, Австрия, Италия, Польша, Швеция и др. Российское правительство предпринимает активные меры для установления дипломатических и торговых контактов с Китаем, который уже в первой половине XVII в. превратился в ее крупнейшего восточного соседа, а сношения с ним заняли видное место во внешней политике России на Востоке. Главная задача состояла в установлении мирных, добрососедских, торгово-экономических связей с Китаем.

Несмотря на то, что русские служилые люди в это время уже основали целую систему поселений в Южной и Центральной Сибири, русские сведения о Китае и торговых путях к нему носили самый расплывчатый характер. Поэтому и первые посольства (начиная с посылки группы томских казаков во главе с И. Белоголовым в 1608 г., посольства В. Тюменца и И. Петрова в 1615—1617 гг. и экспедиции И. Петлина в 1618—1619 гг.) носили характер, главным образом, географической разведки.

Усиление русского государства и расширение его пределов в Восточной Сибири в середине XVII в. также еще не означали сближения ее границ с китайскими. Обитавшие на территории Маньчжурии маньчжурские племена, завоевав к этому времени Китай, почти целиком переместились на территорию собственно Китая, где в 1644 г. основали иноземную династию Цин со столицей в Пекине. Ко времени прихода русских отрядов В. Д. Пояркова (1643—1646 гг.) и Е. П. Хабарова (1649—1652 гг.) в Приамурье местные племена, признавшие власть русской администрации, ни политически, ни территориально с Китаем не соприкасались. Посольства Ф. И. Байкова (1654—1658 гг.), И. Перфильева (1658 г.), Сеиткула Аблина (1668 г.), Ф. А. Головина (1689 г.) и Елизария Избранта (1692 г.) способствовали получению новых данных о Китае.

Упрочившееся международное положение России сыграло значительную роль в истории ее внешней политики на юго-востоке в XVIII в.

Семнадцатый век завершился русско-турецкой войной (Азовские походы Петра I). Она была прервана в начале XVIII в. Северной войной за выход России к Балтийскому морю (1700—1721 гг.), в значительной степени повлиявшей на сущность взаимоотношений Российского государства с державами Западной Европы в течение всего XVIII в. После окончания Северной войны взоры России опять устремились на юго-восток. В течение всего века с небольшими перерывами велись войны с Турцией (1735—1739, 1768—1774, 1787—1791 гг.).

Как отмечалось выше, к началу XVIII в. Россия уже представляла собой могущественное централизованное государство, но ряд европейских держав все еще недооценивали этот важный факт. Английский историк Маколей писал, что Россия тогда не внушала Англии «ни надежд, ни опасений». Англичанин Хилл Бартон сообщает, что в Англии расценивали Россию ни больше ни меньше, «как дружба и помощь какого-нибудь небольшого княжества». Но, как указывает Бартон, Петр I «тогда... еще не выиграл Полтавское сражение и хотя к нему могли относиться, как к другу дела союзников, он не казался достаточно значительным, чтобы сделаться одним из высоких союзников»²⁹.

В действительности же уже тогда России принадлежало веское слово при решении многих сложных международных проблем. Заметно возрастал престиж русского оружия, в особенности в связи с Азовскими походами Петра I, Полтавской битвой и победой России в Северной войне. Созданные в годы Северной войны крупные военные заводы полностью покрывали потребности России в оружии и боеприпасах, а последняя закупка оружия за границей ею была произведена в 1712 г.³⁰

---

²⁹ Маколей. Полн. собр. соч., т. XIII, стр. 69; J. H. Burton. A. History of the reign of queen Anne, vol. III, p. 119; Л. А. Никифоров. Внешняя политика России в последние годы Северной войны. М., 1959, стр. 485—486.

³⁰ Л. А. Никифоров. Указ. соч., стр. 45; Л. Бескров-

«Карл XII,— писал Ф. Энгельс по поводу Полтавской битвы,— сделал попытку проникнуть внутрь России; этим он погубил Швецию и показал всем неуязвимость России»³¹. По образному определению А. С. Пушкина, Россия вошла в число великих держав, как спущенный корабль, при стуке топора и громе пушек. Благодаря этому она «получила лишь то, что было абсолютно необходимо для нормального развития... страны»³². По своим размерам Россия, простиравшаяся от Балтики до Тихого океана, представляла собой огромную страну, равной которой Европа не знала со времени Римской империи.

В течение первых 10—15 лет XVIII в. к России была присоединена вся Прииртышская долина. Расширились российские пределы на юге, что приблизило ее непосредственно к побережью Черного моря. Это, однако, привело к резкому ухудшению взаимоотношений с Турцией, не желавшей уступать своих территориальных приобретений. С. В. Бахрушин и С. Д. Сказкин приводят примечательное высказывание одного русского дипломата об отношении турецкого правительства к Черному морю, оберегавшее его, «как чистую и непорочную девицу, к которой никто прикоснуться не смеет. Скорее султан допустит кого во внутренние свои покои, чем согласится на плавание чужих кораблей по водам черноморским; это может случиться разве тогда, когда Турецкая империя обратится вверх ногами»³³. Но в случае, если бы Россия шла на сохранение существующего положения, ее интересы не были бы удовлетворены. Поэтому в русской интерпретации решение восточного вопроса в XVIII в. состояло в том, чтобы обеспечить безопасность своих южных границ, решить вопрос о праве судоходства на Черном море, добиться права выхода из него в Средиземное море. Это означало прорубить «южное окно» в Европу и на Восток.

Однако такая политика вошла в непосредственное соприкосновение с интересами западных держав (Анг-

---

ны й. Производство вооружения и боеприпасов на русских заводах в первой половине XVIII в. «Исторические записки», т. 36, стр. 111.

³¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. II, стр. 9.

³² К. М а р к. Secret diplomatic of the eighteenth century, p. 87.

³³ «История дипломатии», т. I. М., 1959, стр. 335—336.

лия, Франция, Австрия и др.), которые не хотели усиления России за счет ослабления Турции и Швеции, боясь, что в случае достижения своих целей Российское государство в ближайшем будущем может стать их серьезным соперником в торговле с Востоком, а «чрезмерное» усиление России в Прибалтике нарушит «европейское равновесие». Заметим, что за классическую формулу «равновесия сил» в особенности ратовала английская дипломатия. И хотя она выдавала эту формулу за средство к недопущению усиления позиций какого-либо одного государства в Европе, в действительности же это было ничем иным, как удобным средством маскировки борьбы Великобритании за господство на европейском континенте.

Западные державы ревниво следили за каждым шагом России не только в европейских делах, но и на востоке, и всячески ей препятствовали в осуществлении своих целей. Так, например, в XVII в. Англия стремилась перехватить инициативу России в установлении непосредственных торговых контактов с Китаем и завоевать сибирский рынок для английских товаров³⁴. Интриги Англии и распространение ею лживых слухов «о широких завоевательных планах Петра I в Европе» мешали созданию единого фронта государств в войне со Швецией.

Стремление Петра I расширить территорию страны на юго-востоке вызвало в той же Англии сильные опасения, и она начала внушать правительству Османской империи мысль о необходимости силой оружия остановить русских на Каспийском море, обещая ему денежную помощь³⁵. Франция всячески препятствовала распространению российского торгового капитала на Ближнем Востоке.

Это были, однако, лишь первые незначительные признаки зарождения тревоги у правительств европейских государств, в особенности Англии, по поводу по-

---

³⁴ Л. И. Думан. Предисловие к книге Н. Ф. Демидовой и В. С. Мясникова «Первые русские дипломаты в Китае». М., 1966, стр. 4.

³⁵ «Русская мысль». Ежемесячное литературно-политическое издание. Год одиннадцатый, кн. XI. М., 1890, стр. 184 (вторая нумерация). См. также: Л. А. Никифоров. Указ. работа, стр. 251—333.

литики России на Востоке ввиду боязни потерять то, чего Англия достигла в результате вооруженной борьбы с французской Ост-Индской компанией. Сокрушив своего соперника Францию в 1761 г., Англия прочно закреплялась в ослабленной в военном и политическом отношении Индии. Вначале была захвачена Бенгалия, затем южная и остальная территория Индии³⁶. Это не способствовало упрочению экономических связей Индии не только с Россией, но и с другими соседними странами. Настоящий же переполох на Западе, и в Англии в частности, поднялся с начала XIX в.³⁷, после того, как Россия, оправившись от поражения в Крымской войне, с 60-х годов стала продвигаться вглубь Казахстана и Средней Азии. Русские войска заняли Хиву, Ташкент, Коканд, а позднее Памир, создав среди западных правительств картину планомерного приближения России к Индии. В результате Англия и Россия столкнулись в Средней Азии. Их полусторастолетнее соперничество явилось главным узлом всей средневосточной проблемы³⁸, в особенности связанной с Афганистаном, о котором писатель XVI в. Абу Фазль-и-Алами писал: «И какая из европейских стран овладеет Афганистаном, та утвердит свое господство над всей этой частью

³⁶ К. А. Антонова. Английское завоевание Индии в XVIII в. М., 1958; Н. К. Синха, А. Ч. Бенерджи. История Индии. М., 1954; «Русско-индийские отношения в XVIII в. Сборник документов». Составители Р. В. Овчинников и М. А. Сидоров. М., 1965, стр. 6—7.

³⁷ Как известно, результатом разрыва России с Англией в 1800 г. явилось собственноручное предписание Павла I атаману Войска Донского генералу Орлову от 12 января 1801 г., в соответствии с которым 22,5 тыс. русских казаков с 24 орудиями выступили в Оренбург, а оттуда должны были двигаться тремя дорогами через Бухару и Хиву до реки Инд. Орлов с пойсками должен был разорить все английские фактории и учреждения в Индии, освободить угнетенных земледельцев, «а землю привести России в ту же зависимость, какой она у англичан, и торг обратит к нам». Лишь смерть Павла I в ночь с 23 на 24 марта 1801 г. предотвратила эту авантюру. Казаки Орлова, не дойдя до Оренбурга, по велению Александра I вернулись в свои казармы (см.: «История XIX в.», под редакцией Лависса и Рамбо. М., 1938, стр. 84—85; Е. В. Тарле. Европейские дипломатические отношения при Наполеоне (1799—1814 гг.). В кн.: «История дипломатии», т. I. М., 1941, стр. 362—363; Ю. В. Готье. Внутренняя и внешняя политика Павла I. В кн.: «История СССР», т. I. М., 1947, стр. 674).

³⁸ См.: А. Е. Снесарев. Афганистан. М., 1921, стр. 14—16.

(т. е. над Средней Азией) земного шара»³⁹. Как известно, Афганистан представлял собой единственный сухопутный путь, ведущий в Индию.

Кстати сказать, царское правительство никогда всерьез не помышляло об овладении Индией. Оно ставило перед собой более скромные задачи: создать прочные экономические связи с этой страной. Когда в 1723 г. собирался ехать к Петру I какой-то голландец, чтобы представить ему проект завоевания части Индии, царь отказался принять автора воинственного проекта⁴⁰, чтобы не дать повода западноевропейским государствам для активизации антироссийской деятельности. Правительство действовало в это время настолько осторожно, что неоднократно «из политических соображений»⁴¹ отклоняло довольно любопытные проекты об учреждении в России торговых ведомств по образцу Ост-Индской компании.

Пока же российские войска не продвигались в Среднюю Азию и Казахстан и находились за тысячи километров от Индии, где уже господствовала крепко державшаяся за нее Англия, пока Россия была занята Северной войной, у западноевропейских государств не было достаточных оснований для беспокойства за дела на Востоке. Но уже тогда Западная Европа видела в лице царской России грозного соперника и поэтому делала все для того, чтобы помешать осуществлению ее планов, главным образом чужими руками, и в первую очередь Турции. Результатом этой политики явилось то, что в октябре 1710 г. Порта объявила России войну, поставив перед собой цель возвратить Азов. Несмотря на союз Петра I с вассалами турецкого султа-

---

³⁹ Абу Фазль-и-Алами — министр и историк, друг Акбара, родился в Агре в 1551 г., умер в 1602 г. Его перу принадлежит много трудов, среди которых мировую известность имеет «Акбар-наме» — историческая хроника из трех частей: история Тимура и его потомков, царствование Бабура; история 46-летнего царствования Акбара; Аин-и-Акбари (зеркало Акбара), включающая в себя административные распоряжения и статистический материал по империи Великих Моголов в 1590 г. См.: А. Е. Снесарев. Афганистан, стр. 215.

⁴⁰ К. А. Антонова. Предисловие к «Русско-индийским отношениям в XVIII в.», стр. 8.

⁴¹ Р. В. Овчинников. Предисловие к «Русско-индийским отношениям», стр. 9.

на — молдавскими и валашскими господарями, Россия в виду неблагоприятно сложившихся обстоятельств, в особенности занятости Северной войной, в 1711 г. потерпела неудачу в Прутском походе. Она обязалась возвратить Турции Азов, разрушить только что возведенные таганрогское, каменнозатонское и новобогородицкое укрепления, отказаться от побережья Азовского моря, не держать там флот, отозвать своего посла из Константинополя, отказаться от вмешательства в дела Польши, запорожцев, Кабарды. Но этой ценой был обеспечен тыл в войне со Швецией⁴².

Интриги английской дипломатии против России с целью осложнить ее взаимоотношения с Турцией продолжались и на завершающем этапе Северной войны, и после ее окончания. Так, например, английский король Георг I делал все для того, чтобы добиться заключения мира между Турцией и Австрией, чтобы потом с целью отвлечения внимания Петра I от Балтики втянуть Россию в войну с Турцией. Следствием этого явилось то, что в первой четверти XVIII в. Османская империя, по образному определению английского исследователя А. Вуда, стала «узловым пунктом» политики Великобритании⁴³. Ильза Якоб констатирует, что в это время Турция превратилась в «важную базу антирусских операций»⁴⁴.

Таким образом, для России «восточный вопрос есть не только одна борьба Европы с Азией, морского берега со степью. Заклучая в себе все несомненные признаки этой борьбы, восточный вопрос для русского народа осложняется еще столкновениями с западными державами из-за решения его»⁴⁵. По образному высказыванию

⁴² «Полное собрание законов Российской империи» (далее ИСЗРИ), № 2398.

⁴³ A. C. Wood. The English Embassy at Konstantinopole 1660—1762 «English Historical Review», XL, 1925, p. 549; A. C. Wood. A History of the Levant company. Oxford. 1935, p. 131.

⁴⁴ Ilse Jacob. Beziehungen Englands zu Russland und zur Turkai in den Jahren 1718—1727 (Eine historisch — diplomatische Studie). Basel, 1945, p. 34—36, S. 56.

⁴⁵ С. Жигарев. Русская политика в восточном вопросе (ее история в XVI—XIX вв., критическая оценка и будущие задачи). Историко-юридические очерки. «Ученые записки императорского Московского университета. Отдел юридический». Вып. одиннадцатый. М., 1896, стр. 20.

австрийского дипломата XIX в. Прокеш-Остена «то, что по отношению к Турции называют восточным вопросом, есть только вопрос между Россией и остальной Европой»⁴⁶.

Петр I, который, по выражению Ф. Энгельса, был «действительно великий человек»⁴⁷, унаследовал от XVII в. две трудные проблемы: турецкую и шведскую. Он считал также, что Россия, занимающая благоприятное географическое положение между Западной Европой и Азией, может извлечь значительные экономические выгоды лишь в случае развития торговли между ними.

Толчком к непосредственному вмешательству России в дела Средней Азии явился приезд в 1700 г. к Петру I посланца хивинского хана Шахнияза с просьбой о принятии ханства в российское подданство. Русский царь удовлетворил эту просьбу грамотой от 30 июня 1700 г.

Однако в связи с тем, что Россия была занята Северной войной, правительство не смогло воспользоваться удобным моментом для усиления своего влияния на Среднюю Азию. Но, как видно, уже тогда складывались условия, заставлявшие среднеазиатских властителей задумываться о выгодах российского подданства.

Исходя из сложной внутри- и внешнеполитической обстановки, Петр I предпочитал наступательные меры. Как бы ни были неудачны экспедиции А. Бековича-Черкасского и И. Бухгольца⁴⁸, они сказались на интересах России как в военном, так и научном отношении. Хотя И. Бухголец и не удержался в верховьях Иртыша, «его экспедиция способствовала продвижению границ России на юг»⁴⁹. Это же касается и экспедиции А. Бековича-Черкасского. Россия заняла новые пограничные линии по Янку и Иртышу.

⁴⁶ Цитируется по кн.: С. Жигарев. Указ соч., стр. 53.

⁴⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. II, стр. 12.

⁴⁸ Об экспедициях А. Бековича-Черкасского и И. Бухгольца см.: В. Я. Басин. Казахстан в системе внешней политики России в первой половине XVIII в. В кн.: «Казахстан в XV—XVIII вв. (Вопросы социально-политической истории)». Алма-Ата, 1969. Вообще же об этих экспедициях имеется обширная литература, основной перечень которой дается в упомянутом исследовании.

⁴⁹ В. И. Лебедев. Политика Петра I на Востоке. В кн.: «История СССР», т. I. М., 1947, стр. 553.

Итак, Петр I, не изменив начал российской политики на Юго-Востоке, лишь стал проводить ее более активно. Ф. Энгельс указывал, что Петр I «наметил и начал осуществлять основные линии русской политики... по отношению к Швеции, Турции, Персии, Польше»⁵⁰ и определил для своих наследников «всевозможные направления для завоеваний»⁵¹, особенность которых состояла в приобретении Россией выходов к морям. В обстановке соперничества с европейскими державами Россия могла решить одну из своих главных задач по упрочению положения на Черном и Каспийском морях, лишь создав мощный фланг со стороны Востока. Это означало необходимость добиваться укрепления позиций в казахской степи и в особенности на восточном и юго-восточном берегу Каспийского моря. Только в этом случае можно было ожидать положительного решения стоящей задачи.

Имея в виду преобразовательную деятельность Петра I, не следует забывать о том, что цель его завоевательной политики состояла в укреплении государства помещиков-крепостников и зарождающейся буржуазии. Вообще же говоря, это было лишь продолжением политики России времен Ивана III и Ивана IV. Маркс, говоря о Ливонской войне, отмечал, что Иван IV «был настойчив в своих попытках против Ливонии; их сознательной целью было дать России выход к Балтийскому морю и открыть пути сообщения с Европой...»⁵². Но по сравнению со временем Петра I эти дела решались очень медленно, «шли ощупью»⁵³. При Петре же, в первой четверти XVIII в., эта политика проявилась довольно выпукло ввиду ускоренного развития капитализма, нуждавшегося в выгодных рынках сбыта и дешевых источниках сырья. Несмотря на то, что к 1725 г. Россия занимала уже третье место в мире после Англии и Швеции по выплавке чугуна, а обороты по внешней торговле за первую четверть века выросли более чем в четыре раза, ей нужно было удовлетворить потребно-

---

⁵⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. II, стр. 12.

⁵¹ Там же, т. XI, стр. 363.

⁵² «Хронологические выписки К. Маркса по истории России». «Пролетарская революция», 1940, № 3, стр. 148.

⁵³ С. М. Соловьев. Публичные чтения о Петре Великом. Изд. «Общественная польза», стр. 35.

сти зарождавшейся промышленности в строительных материалах, металле, нефти, селитре, шерсти, хлопке, красителях, господствующего класса — в предметах роскоши, государственной казны — в денежных средствах. Страна нуждалась в расширении внутренних и внешних рынков, в удобных путях в прикаспийские страны и Индию, вовлечении иностранных купцов в сферу Российской внешней торговли, защите интересов русского купечества, овладении морскими портами и торговыми пунктами⁵⁴.

По этому поводу не лишним будет вспомнить высказывание Энгельса о том, что «страна, упорно сохранявшая в неприкосновенности феодальный общественный строй, в то время, как все ее соседи прогрессировали, формировали свою буржуазию, развивали торговлю и промышленность и создавали большие города,— такая страна была обречена на упадок»⁵⁵.

К тому же путем приобретения новых земель царизм пытался «смягчить внутренние противоречия, приглушить борьбу крепостного крестьянства против своих угнетателей»⁵⁶.

Это означало, что и внутриполитическое положение страны, и условия ее экономического развития толкали Россию на расширение сферы влияния на юге и юго-востоке.

Несмотря на неудачи экспедиций А. Бековича-Черкасского и И. Бухгольца, российское правительство никогда не оставляло попыток усилить торговые контакты с Индией. Дело в том, что один из торговых путей, проходивший по западному побережью Каспия и по Волго-Каспию, подвергался постоянным нападениям, купцы терпели невосполнимые убытки, о чем весьма убедительно свидетельствует В. П. Лысцов⁵⁷. Петр I

---

⁵⁴ А. Семенов. Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII столетия по 1858 г., ч. III. СПб., 1859, стр. 23; С. А. Покровский. Внешняя торговля и внешняя торговая политика России. М., 1947, стр. 92.

⁵⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, стр. 164.

⁵⁶ Л. А. Никифоров, М. М. Штранге. Внешняя политика России во второй половине XVIII в. В кн.: «История СССР. Первая серия», т. III. М., 1967, стр. 501.

⁵⁷ В. П. Лысцов. Указ. соч., стр. 60—68.

пытался дипломатическими мерами проложить безопасный путь торговым караванам, но это не давало положительных результатов. Поэтому прежде всего надо было «стать твердой ногой на восточный берег Каспийского моря»⁵⁸, которому Петр I придавал большую роль в упрочении военно-политического и торгового влияния в Средней Азии и других восточных государствах, а также на Кавказе. В данном случае российская стратегия исходила из значительного превосходства России в военном и экономическом отношениях, равно как и в средствах вооружения.

Неудавшийся Прутский поход и в особенности трагически закончившиеся походы А. Бековича-Черкасского и И. Бухгольца, а также другие военные неудачи Петра I были компенсированы блестящими победами над Персией в 1722 г. и подчинением России побережья Каспия⁵⁹. Эти победы, однако, не могли быть прочными, если бы российская дипломатия не позаботилась об укреплении своего положения в Восточном Закавказье. «К югу от Кавказского хребта под турецким владычеством находились также мелкие христианские государства и исповедующие христианство армяне, и здесь царизм мог стать в позу «освободителя»⁶⁰, тем более, что грузины и армяне, находившиеся под турецким и персидским гнетом, видели единственную возможность избавиться от него путем перехода под покровительство России, ее военно-политическую мощь.

Заручившись поддержкой грузинского царя Вахтанга VI и армянского каталикоса Есаи Гасан-Джалаяна, российские войска добились серьезных успехов в войне с Сефевидской Персией. По Петербургскому договору от 12 сентября 1723 г. к России отошли западное и южное побережья Каспийского моря с городами Дербент, Баку, провинциями Гилян, Мазандеран, Астрабад. Упрочив свои позиции в Восточном Закавказье и на Каспийском море, Россия тем самым созда-

---

⁵⁸ ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 1062, л. 59 об.

⁵⁹ Наиболее полной работой по истории Персидского похода Петра I является упоминавшаяся нами книга В. П. Лысцова «Персидский поход Петра I».

⁶⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. II, стр. 9.

вала удобный плацдарм против Турции и прикрытие своего тыла.

Однако с этими победами России не могли примириться ни Турция, ни такие европейские державы, как Англия, Франция, Австрия и Венеция. Турция двинула свои войска в Закавказье, Вахтанг VI признал господство турецкого султана. Несмотря на это, большая часть приобретений Петра I на Каспийском море была признана при разграничении границ между Россией, Персией и Турцией, проведенном в 1724 г.⁶¹

Все это дало повод создать в Западной Европе легенду о мнимом завещании Петра I своим потомкам, в котором царь якобы рекомендовал им «добывать Индию и Константинополь». Но было бы натяжкой приписывать Петру I экономическую и внешнеполитическую программу, идущую далее установления торгово-экономических и политических контактов со странами Востока. Несмотря на это, взаимоотношения между Россией и Турцией обострялись, главной причиной чего являлись противоречия из-за Крыма, Кавказа, Кубанской области, Прикаспия, где турецкий султан считался верховным властителем, но, где, кстати сказать, власть его была чисто формальной. Упомянутые районы находились в состоянии полной анархии, здесь царили хаос и произвол, а слабая центральная власть не могла охранять интересы населения. Они были лишены элементарных условий для развития своего хозяйства, ибо Турция находилась «на самой низкой и варварской стадии феодализма»⁶². В то же время тяжелые налоги, бесчинства властей, невыносимый национальный гнет и опасность физического уничтожения народов Северного Кавказа и Закавказья вызвали стремление избавиться от рабского положения.

После неудач экспедиций А. Бековича-Черкасского и И. Бухгольца правительство Петра I в своих отноше-

---

⁶¹ Правительство Анны Иоанновны ценой возвращения Персии областей, завоеванных Петром I, добилося заключения с шахом Надиром «вечного мира», который обеспечивал помощь против Османской империи. В результате русско-турецкой войны 1735—1739 гг., закончившейся подписанием Белградского мира, Россия возвратила Азов без права его укрепления. См.: «История дипломатии», т. I. М., 1959, стр. 343, 354.

⁶² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IX, стр. 374.

ниях с правителями Средней Азии, в особенности казахских ханств, было вынуждено перейти исключительно «к использованию дипломатических средств»⁶³. Именно в это время активизировалась политика Петра I в сторону казахской степи. По образному определению одной анонимной брошюры, Петр I, «прорубая окно в Европу на морях Черном и Балтийском, в то же время искал ключ и врата ко всем азиатским странам со стороны киргизских и туркменских степей»⁶⁴. Такими «ключами» и «вратами» явились казахские степи. Петр I считал присоединение Казахстана к России «необходимым для утверждения нашего влияния и торговли в Средней Азии и через нее в Индии»⁶⁵. Еще в декабре 1714 г. в беседе с ганноверским резидентом в Петербурге Фридриком-Христианом Вебером Петр I указывал на большую пользу для России организации постоянной и беспрепятственной торговли с Индией. Эту же мысль он высказал во время Персидского похода в беседе со старейшиной индийской торговой компании купцом Анбу-Рамом. Наконец, отправляя в 1715 г. посольство секретаря ориентальной экспедиции Посольской канцелярии Флорио Беневини в Бухарское ханство, Петр I обязал его собирать сведения о соседних с Бухарой государствах, имея в виду прежде всего Индию, и о торговых связях между ними.

Таким образом, надо полагать, Петр I одним из первых понял, что суть присоединения к России Казахстана и Средней Азии состоит не только в том, что они имели естественное тяготение к России, но и в том, что эти страны должны были превратиться в непосредственные подступы для расширения экономических и политических контактов, в первую очередь, с такими странами, как Индия, Китай, Персия, Турция и др. В данном случае речь шла об упрочении политико-экономического влияния России в этих странах.

Не исключалось превращение Казахстана в важный военно-стратегический пункт российского государства. В случае присоединения Казахстана Россия рассчиты-

⁶³ Л. А. Никиторов. Внешняя политика России в первой половине XVIII в. В кн.: «История СССР. Первая серия», т. III. М., 1967, стр. 338.

⁶⁴ «Аму и Узбой». Самара, 1879, стр. 7.

⁶⁵ Шиле. Киргизы. «Природа и люди», 1879, кн. IV, стр. 3.

вала при необходимости использовать его вооруженные силы.

Вспомним, что в «Проекте обер-секретаря Ивана Кирилова об удержании в русском подданстве киргиз и способах управления ими», составленном в 1734 г. на имя Анны Иоанновны, его автор обратил внимание императрицы на «два дела великой и бессмертной славы, ...и к расширению империи и к неисчерпаемому богатству...: первое... сибирская и камчатская экспедиции, второе, еще не открытое, киргиз-кайсацкое и каракалпацкое. И когда ...ко совершенству произведется, то надежду подает, что ко многому еще многое владение российское и доходы ко облегчению подданных прибавят»⁶⁶.

Иначе говоря, политика России состояла в этот период главным образом в том, чтобы превратить казахские степи в прочный и надежный мост, соединяющий ее со Средней Азией и другими восточными государствами. Этой политике были подчинены все действия правительства. Поэтому главное внимание уделялось упрочению политического влияния в Казахстане и среднеазиатских ханствах путем использования внутренних усобиц, направления воинских отрядов для превращения их в личную гвардию местных владетелей, строительству ряда крепостей, дипломатическим средствам. Следовательно, Казахстан являлся не только целью, но и средством при решении задач, стоявших перед внешней политикой России на Востоке. Если бы Российская империя не придавала этой роли казахским степям, ее правительство не пошло бы на присоединение столь огромного края лишь в целях защиты казахского народа от постоянной опасности извне.

Таким образом, в сферу русско-казахских отношений так или иначе включались такие проблемы, как отношения России со среднеазиатскими ханствами, Грузией, Арменией, Азербайджаном, Северным Кавказом, Турцией, Персией, Афганистаном, Индией, Китаем и другими странами Востока. Развитие же русско-казахских отношений в значительной степени влияло на взаимоотношения России с указанными государствами.

---

⁶⁶ «Тургайские областные ведомости», 1899, 18 апреля, № 16—17, стр. 1.

2. Становление русско-казахских взаимоотношений

Уже много столетий казахи с их языком, культурными традициями и этнической территорией представляют особое этно-социальное единство, корни которого восходят к седой древности. Доказательства этого содержатся во многих хрониках и документах, которые, повествуя о событиях II в. до нашей эры на территории современного Семиречья, сообщают, что здесь существовало государство древних усуней. Ища союзников для борьбы против могущественных гуннов, ханьский двор направил к усуням своего посланника в надежде, что крупное усуньское войско поможет нанести серьезный удар по гуннским тылам. Но усуньский владетель отказался от военного союза с ханьским правительством.

Северными соседями усуней были динлины, создавшие одну из самых удивительных северных цивилизаций, памятники которой до сих пор удивляют человечество своей грандиозностью и великолепием, западными — канглы, чьи границы охватывали весь бассейн Сырдарьи. В настоящее время ученые не колеблются в определении роли этих государственных и этнических образований в процессе сложения казахского народа. По отношению к ним все исследователи используют понятие «предки казахского народа». Именно с этого времени на территории современного Казахстана начинается прослеживаться непрерывная линия этно-генетического развития. Особенно наглядно это видно из сопоставления памятников материальной культуры разных исторических периодов, а также из сравнения этнического состава местного населения по эпохам. Достаточно сказать, что как раз усунь (уйсуны) составляют основной костяк Старшего жуза казахов, который и в казахских преданиях, и древних сочинениях восточных авторов обозначался как уйсунский.

Надо сказать, что при наличии последовательного развития материальной и духовной культуры населения Казахстана в его речи уже в раннем средневековье появляются черты, свойственные современному казахскому языку.

Стабильность этнического развития на территории Казахстана по его основным ограниченным районам, сохраненная в ходе больших военных и социальных

потрясений, обусловила появление здесь впоследствии казахских жузов. Жузы фиксировали устоявшуюся местную традицию, бытовавшую здесь еще до нашей эры.

Совокупность многочисленных факторов самого различного характера позволяет считать, что в целом колыбелью казахского народа явились степи и долины, совпадающие примерно с границами современного Казахстана.

К сказанному следует добавить, что на обширных пространствах Казахстана располагались кочевья племен, ставших костяком казахской народности: усунь, канглы, жалаиры, дулаты — исконные обитатели юга края и Семиречья, впоследствии образовавшие Старший жуз; найманы, керей, аргыны, проживавшие в северных и восточных районах казахской степи, а также кимаки и кыпчаки (по-русски — половцы) образовали Средний жуз; алчины, чеклинцы, байулинцы, занимавшие Приаральские и Прикаспийские степи, — Младший жуз.

Связи казахских ханств с Россией прослеживаются задолго до XVI в. Россия издавна имела обоюдовыгодные сношения со среднеазиатскими и другими восточными государствами. При этом именно Дешт-и Кыпчак, где издревле проживали предки нынешних казахов, служила связующим звеном между ее окраинами и среднеазиатскими оазисами. Б. Д. Греков сообщает, что с VI—VII вв. связи славян с народами Средней Азии и Южной Сибири начали приобретать уже более или менее устойчивый характер¹. А. И. Макшеев, ссылаясь на В. В. Григорьева², указывал, что «многочисленные клады с азиатскими монетами, относящимися ко времени с VII до начала XI века (не позднее 1012 года), найденные в северной России на пространстве от Казанской губернии, где жили волжские булгары, до Балтийского моря и по прибалтийским побережьям, свидетельствуют, что в это время производилась деятельная торговля между Средней Азией и северною Европою через Рос-

¹ Б. Д. Греков. Культура Киевской Руси. М., 1944, стр. 20.

² «Россия и Азия». Сборник исследований и статей по истории, этнографии и географии, написанных в разное время В. В. Григорьевым, ориенталистом. СПб., 1876, стр. 107—169.

сию»³. Ю. А. Соколов считает, что проникновение в язык русских летописей IX—XI вв. некоторых терминов, заимствованных из тюркских среднеазиатских языков, свидетельствует о длительности и постоянстве связей среднеазиатских тюркских племен с восточно-европейскими славянами той эпохи⁴. В «Повести временных лет» Нестора (1113 г.), которую русский востоковед П. С. Савельев причислял «к древнейшим источникам для этнографии тюркских племен, уроженцев Средней Азии»⁵, упоминаются тюркские племена, отмечен путь из Европы в Азию по Волге. А. Е. Снесарев, основываясь на показаниях летописцев, сообщает, что уже в 1364 г. в Нижнем Новгороде торговали многочисленные бухарские и хивинские купцы, приезжавшие туда через казахские степи⁶. Что касается письменных источников, то, как указывает А. Я. Гаркави⁷, первые сведения об этих связях встречаются у арабского писателя Ибн-Хордадбега (Абуль-Касим-Убейд-Аллах) в «Книге путей и государств» (860—870 гг.).

Русские всегда в той или иной степени были осведомлены о событиях в Дешт-и Кыпчаке и имели с ее обитателями то усиливавшиеся, то ослабевавшие связи. Иногда в зависимости от внутренней и внешней обстановки они вовсе прекращались. В VIII—XV вв. они были известны как связи России с ногайцами и татарами⁸.

Весьма заметными русско-казахские связи стали после освобождения России от золотоордынского ига.

---

³ А. П. Махшеев. Географические сведения книги Большого Чертежа. О киргизских степях в Туркестанском крае. «Записки ИРГО по отделению этнографии», т. VI, отдел 2. СПб., 1880, стр. 3.

⁴ Ю. А. Соколов. К вопросу об исторических предпосылках присоединения Средней Азии к России, стр. 15.

⁵ П. С. Савельев. Средняя Азия. СПб., 1848, стр. 262.

⁶ А. Е. Снесарев. Индия как главный фактор в среднеазиатском вопросе. СПб., 1906, стр. 16.

⁷ А. Я. Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870, стр. 44—58.

⁸ В 1750 г. во время пребывания у хана Нуралы русского посланника Якова Гуляева ему довелось встречаться с влиятельными владельцами казахской степи. В ходе этих встреч бий алчин-карасакальского рода Тлявберген заметил: «На сих де наших кочевьях прежде нас кочевали ногайцы, которые были наши прадеды». См.: «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.», стр. 515.

Вскоре после возникновения казахского этно-политического союза с ним устанавливаются уже дипломатические, политические и хозяйственные отношения, причем, несмотря на примитивность средств связи, они носили не эпизодический характер, а являлись прочно сложившейся системой. Известно, что по Волжско-Камскому пути, имевшему огромное экономическое значение для народов России и Средней Азии, торговые караваны стали ходить намного раньше, чем по Днепровскому «из варяг в греки». Великолепный знаток древней Руси Н. Н. Оглоблин писал в этой связи: «Установление политических и торговых отношений с независимыми и полунезависимыми владетелями соседних с Сибирью мунгальских, киргизских и других стран, нередкие дипломатические победы над ними, все мирные завоевания порубежных земель путем посольских переговоров — все это было делом этих непатентованных дипломатов (имеются в виду сибирские дипломаты, которые направлялись за рубеж воеводами сибирских городов.— В. Б.), отбывавших «посольское дело»⁹.

Знаменательно, что эпоха первого расцвета средневекового Казахстана совпадает с появлением вооруженных сил Московского княжества в районах Угрии, Манси, в Югорских, Обдорских и Кодских землях, с покорением ряда народностей Поволжья и Западной Сибири. Преследуя в Пермской земле вогулов (манси), московские воеводы князь Федор Курбский Черный и Иван Салтык-Травин в 1483 г. совершили первый (исторически доказанный) поход на Иртыш, в результате которого весной 1484 г. к Московскому княжеству были направлены «вогульские и один из князей сибирских» (вероятно татарских) с просьбой принять их в Российское подданство. «И князь великий дань на них уложил, да отпустил восвояси»¹⁰.

---

⁹ Н. Н. Оглоблин. Сибирские дипломаты XVII в. (Посольские статейные списки). СПб., 1891, стр. 156—157.

¹⁰ Изобилие пушнины и других богатств Югорской страны (в районе низовьев Иртыша и Оби), о которых новгородцы слышали еще раньше от местных жителей, вызвало у новгородских князей желание захватить ее, что и было осуществлено ко второй половине XIII в. В 1364 г. новгородцы в районе Зауралья присоединили к своим землям «Обдорию». В свою очередь, подчинив в XV в. Новгородскую землю, Московское княжество в 1465 г. начи-

Именно в это время на политической арене в казахской степи появляется выдающаяся личность — хан Касым (1511—1523 гг.) — сын Джаныбека, который, по определению Мухамед-Хайдара, известного ученого на Востоке в XVI в., был «так могуществен, как никто не бывал после Джучи-хана: число его войска превышало сто тысяч»¹¹. В начале XVI в. ему удалось объединить под своей властью всех казахов. Слухи о силе этого ближайшего к русскому государству ханства, распространявшего свое влияние на западе вплоть до ногайских улусов, обратили на себя внимание Москвы. Россия, которая освободилась к этому времени от золотоордынского ига, проводя в новых условиях свою восточную политику, делала все, чтобы использовать возможность для обеспечения своей внешней политики. В этих условиях заключение какого-либо соглашения с казахскими владельцами представлялось для русского государства наиболее удачным шагом на пути осуществления своих планов на Востоке.

Официальные русско-казахские сношения начались, по-видимому, не позднее 90-х годов XV в., поскольку книги и списки о них упоминаются в русском архиве наряду с такими же списками сибирского хана Ибака, а последний умер в 1495 г. К тому же наибольшая необходимость в русско-казахском соглашении ощущалась именно в это время, так как все еще существовала, хотя и ослабленная, но не примирившаяся со своим политическим поражением, Золотая Орда.

Таким образом, первоначальные контакты между обеими сторонами — русскими и казахами — возникли на основе политических интересов, но вряд ли поддерживались взаимной заинтересованностью в торговых связях. Для этого тогда еще не было подходящих усло-

---

нает присоединение Югорской земли (окончательно покорило ее в 1499 г.). См.: В. П. Саввин. Взаимоотношения царской России и СССР с Китаем. М.—Л., 1930, стр. 5; И. П. Магидович. Очерки по истории географических открытий. М., 1967, стр. 74—75.

¹¹ Цитируется по кн.: В. В. Вельяминов-Зернов. Исследование о Касимовских царях и царевичах, ч. II. СПб., 1864, стр. 152—153. В этот период главная ставка Касыма находилась в районе реки Каратал в Северном Семиречье. Однако основные кочевья подвластных ему казахов простирались до бассейна рек Джиланчик, Улькун-Кенгир, Сары-Су и среднего течения Сыр-дарьи.

вий даже для русских купцов, не говоря о казахских торговцах.

В условиях политического распада на юго-востоке Европы после разрушений Золотой орды в начале XVI в. были расстроены и торговые пути России в среднеазиатские и другие восточные государства. Поэтому даже при хане Тугуме (1534—1538 гг.), когда казахи снова несколько окрепли, московское правительство не возобновило с ними прежних непосредственных связей.

Смерть Касым-хана совпадает со временем, когда Россия в своих внешнеполитических делах главное внимание уделяла затянувшейся борьбе с Казанским и Астраханским ханствами. Ввиду этого непосредственных контактов с казахскими владельцами в то время документы не зафиксировали. Отдельные же отрывочные сведения о казахской степи поступали в Москву не из первоисточников, а через другие каналы. В частности, в 1534 г. посол к ногаям Даниил Губин доносил Ивану IV: «А казахи, государь, сказывают, добре сильны, ...Ташкент воевали, а ташкентские царевичи, сказывают, с ними дважды бились, а казахи их побивали...» Этот же посол в том же году ставил в известность Ивана IV о том, что казахи силой оружия стремятся пресечь нападения со стороны Сибирского хана. Он еще раз подчеркнул, что казахи «сильны, и колмыки им предались»¹².

Подобное сообщение было бы непонятным в донесении царского посла, если бы Российское государство и тогда продолжало свои сношения с казахской степью, не прерывая их на сколько-нибудь продолжительное время.

Буржуазные ученые считают, что взаимоотношения между кочевыми и оседлыми народами сводятся лишь к грабежам, набегам, войнам. Эта точка зрения не случайна. Проблема взаимоотношений кочевых и оседлых народов в последние десятилетия привлекает внимание исследователей разных профилей — этнографов, филологов, археологов, историков. Причина повышенного

---

¹² А. И. Левшин. Описание киргиз-казахских или киргиз-кайсацких орд и степей. СПб., 1832, стр. 47; «Продолжение древней Российской вивлиофики», ч. VII. СПб., 1791, стр. 244.

интереса к ней кроется не только в ее несомненной научно-теоретической и конкретно-исторической значимости. Она имеет и вполне определенную политическую окраску. Зарубежные ученые¹³ видят в ней один из возможных инструментов для обоснования нелепого тезиса об органической чуждости двух разных миров, двух исторически сложившихся способов хозяйствования — оседлого земледелия и кочевого скотоводства. За противопоставлением понятий «оседлое земледелие» и «кочевое скотоводство» кроется теперь не только традиционное соотношение «Европа — Центральная Азия», но и бездоказательная с научной точки зрения идея об исторической бесперспективности судеб всех народов мира, древних и современных, с преобладанием кочевого способа хозяйствования.

К сожалению, этой ошибочной теории придерживаются и некоторые советские историки. Однако, как свидетельствуют факты, «всюду, где в феодальную эпоху по соседству жили земледельческие и кочевые общества, — читаем у Б. Д. Грекова и А. Ю. Якубовского, — военные набеги за добычей сменялись мирным торговым общением»¹⁵. Набеги, которые порой осуществлялись, еще не свидетельствуют о том, что в этом состояла сущность кочевых народов. Они становились возможными лишь в результате «слабости феодально-раздробленных ханств, обессиленных усобными войнами между феодалами»¹⁶. Вся история первобытного и раннеклассового общества Средней Азии и Казахстана подтверждает известное заключение К. Маркса о том, что «у всех восточных народов можно, с тех пор, как этот процесс происходит, установить общее соотношение между оседлостью одной части этих племен и продолжающимся кочевничеством другой части»¹⁷. Кочевые государственные объединения постоянно нуждались в произведениях оседлой культуры,

---

¹³ См., например: W. Eberhard. Der Prozess der Staatenbildung bei mittelasiatischen nomaden Völkern. «*Forschungen und Fortschritte*», 25 Jahrgang, № 2, 5 6, März, 1959.

¹⁵ Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение, 1950, стр. 28.

¹⁶ П. Д. Чехович. К истории Узбекистана в XVIII в. «Труды Института востоковедения», вып. III. Ташкент, 1954, стр. 43.

¹⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXI, стр. 488.

«хлебных злаках и особенно в тканях, предметах одежды», причем все это они постоянно получали из России и Бухары. В. В. Бартольд, ссылаясь на С. М. Соловьева, приводит важное подтверждение этому. Ногайский Мурза Исмаил в 1551 г. писал своему брату Юсуфу, кочевавшему за Яиком: «Твои люди ходят торговать в Бухару, а мои ходят к Москве; и только мне завоеваться с Москвой, то и самому мне ходить нагому, да и мертвым не на что будет саванов шить»¹⁸.

Московское правительство добивалось активизации торговли со всеми странами, в том числе со Средней Азией и казахской степью. Это способствовало нормализации экономической жизни, что в свою очередь уменьшало возможности военных столкновений. Иначе говоря, усиление торговли содействовало нейтрализации агрессивных намерений среднеазиатских государств, укрепляло экономическую мощь сторон, вело к активизации их дипломатических и политических контактов.

Постоянные связи России с Казахстаном, как и со Средней Азией, наладились только с того момента, как были завоеваны Казанское и Астраханское ханства. Это открыло перед Москвой сразу два пути в восточном направлении: Камский, приведший российское государство в Сибирь, и юго-восточный — в сторону Яика и берегов Каспия. Именно через эти пути Россия вошла опять в соприкосновение с Казахстаном.

В Средней Азии в это время окончательно сложились узбекские Бухарское и Хивинское ханства. На восточном берегу Каспийского моря утвердились туркмены.

После смерти хана Касыма созданный им некогда мощный казахский союз был ослаблен, начались усобицы и смуты. Это привело к тому, что казахи стали терпеть притеснения от своих соседей и их союз распался. Но «свободолюбивые степняки» не смирились с таким положением¹⁹. Они продолжали борьбу за свою независимость, во главе которой стоял сын Касым-хана

---

¹⁸ В. В. Бартольд. Соч., т. II, ч. 1. М., 1963, стр. 640.

¹⁹ А. Миллер. Международное положение Казахстана во второй половине XVI в. «Исторический журнал», 1942, № 8, стр. 51.

талантливый хан Хакк-Назар. В союзе с киргизами казахское ополчение под руководством Хакк-Назара нанесло поражение моголистанскому султану. В 50-х годах XVI в. Хакк-Назар объединил под своей властью подавляющее большинство кочевников казахской степи. По преданию, он создал объединение «Уч-Юз» (союз Младшего, Среднего и Старшего жузов).

При Хакк-Назаре казахи, кочевавшие в бассейнах рек Чу и Сары-Су, представляли серьезную угрозу и для ногайцев, и для сибирского царства Кучума, и для среднеазиатских ханств. Уже тогда они перешли в решительное наступление против своих противников. Осуществив удар по Ташкенту и угрожая Ногайской орде, казахи повели борьбу с сибирским ханом Кучумом. В 1569 г. русский посол Семен Мальцев сообщал: «...Послал меня царь и государь в Ногаи к Урусу Мурзе, и аз государские дела сделал и казатцкие орды Акназара царя, и Шигая царевича, и Челыма царевича, а с ними 20 царевичей, приход их был на Ногаи и бой был...»²⁰.

Борьба с Кучумом началась не позднее середины 60-х годов XVI в. и затянулась на много лет. Вначале казахи причинили немало тревог и опасений сибирскому хану. Через семь лет после захвата им власти, в 1570 г., князь Никита Ромодановский сообщал Ивану IV о беседе Кучума с представителем Российского государства Ивашкой Поздеевым, в ходе которой Кучум очень неуверенно определял свое положение: «Ныне деи дань собираю господарю вашему, царю и великому князю послов пошлю; а нынче деи мне война с казатцким царем, и одолеет деи меня царь казатцкой и сядет на Сибири, ино и тот господарю дань учнет... давати»²¹.

Вместе с тем Хакк-Назар старался поддерживать мирные отношения с узбекским ханом Абдуллой, сыном Искандер-хана, могущественным владетелем Бухары, Герата и Хорасана, который видел в казахах серьезную военно-политическую силу и поэтому стремился использовать ее для укрепления своей власти. С этой

---

²⁰ В. Лебедев. Из истории сношения казахов с Россией в XVIII в. «Красный архив», 1936, т. 5(78), стр. 187.

²¹ «Акты исторические», ч. 1. СПб., 1841, № 179, стр. 340.

целью Абдулла и заключил так называемый «клятвенный договор» с Хакк-Назаром ²².

Указанные обстоятельства не могли не поднять международного веса казахского ханства, снова вернув его ко временам могущественного хана Касыма.

Перемена в политической роли казахов в Средней Азии не замедлила отразиться и на взаимоотношениях их с российским государством, которое теперь вновь было заинтересовано в дружбе с казахскими владельцами в виду особых своих интересов в Зауралье. Продвижение русских на Восток создавало благоприятные условия для процветания русского купечества. Но на его пути стояло Сибирское ханство.

Казахские ханства, непрерывно подвергавшиеся набегам соседних государств, искали сильного союзника, способного помочь им в борьбе с захватчиками. События, происходившие в степи, все больше убеждали казахов, что таким союзником может стать их северо-западный сосед — Россия.

В это время русские купцы, дипломаты, путешественники знали о казахах, как о народе, героически защищавшемся от постоянного нажима правителей Бухары и Сибирского ханства. Тогда же казахские степи превратились в перевалочную базу для товаров, шедших с Востока в Россию и из России на Восток.

В XVI в. и вплоть до 40-х годов XVIII в. связи России со среднеазиатскими оазисами осуществлялись через Астрахань, Гурьев, с берегов Тобола, Урала, Уя, из Тобольска через степи на севере и пустыни на юге. До основания Оренбурга, Троицка и Омска главными базами для отправки правительственных и частных караванов в Бухару являлись Астрахань и Тобольск. Через казахскую степь вели торговлю со среднеазиатскими странами сибирские казахи. Бухарские караваны ходили в ставку Ермака мимо Аральского моря, «сквозь степи киргиз-кайсаков, путем давно проложенным...» ²³. Из Тобольска в Бухару на дорогу уходило 75 дней ²⁴.

---

²² А. Миллер. Указ. соч., стр. 52.

²³ П. Келлен. Хронологический указатель материалов для истории инородцев Европейской России. СПб., 1861, стр. 317.

²⁴ Х. Зияев. Средняя Азия и Сибирь (вторая половина XVIII—XIX вв.). Автореферат докторской диссертации. Ташкент, 1964, стр. 83.

С середины XVI в. дважды в год между Астраханью и Караганской пристанью на Мангышлаке ходили парусные бусы, на которых хивинские и бухарские купцы приплывали в Астрахань²⁵. Сухопутный путь из России в Индию уже в то время проходил через Астрахань на полуостров Мангышлак (Тюб-Караган), Бухару, Балх, Кабул, а оттуда в Индию²⁶.

Россия, заинтересованная в обеспечении безопасности торговых путей со Средней Азией и другими восточными государствами, проходившими по казахским степям, предпринимает ряд шагов по укреплению своих связей с Казахстаном. При направлении посольств в те или иные страны российское правительство дает задания об уточнении положения в казахской степи, действительно ли независима она или является чьим-либо вассалом, в каких взаимоотношениях находится со среднеазиатскими ханствами и т. п. Не случайно российские послы в своих «статейных списках» много места уделяли военному положению в казахских ханствах. «Такое глубокое понимание Азии,— писал Н. И. Веселовский,— происходило главным образом из того, что послам русским вменялось в неперемнную обязанность представить, по возвращении, подробный отчет о положении тех стран, которые они посещали... А кроме того, при отправлении посланника знакомили со всем тем, что было сделано его предшественниками и что ими было достигнуто»²⁷.

Активная переписка, развернувшаяся впоследствии с российским правительством, свидетельствует о том, что казахские владельцы подчеркивали мысль о необходимости установления устойчивых русско-казахских связей. Уже Хакк-Назар понимал, что хорошие отно-

---

²⁵ А. В. Панков. К истории торговли Средней Азии с Россией в XVI—XVII вв. В кн.: «В. В. Бартольд туркестанские друзья и почитатели». Ташкент, 1927, стр. 35.

²⁶ В. А. Ульяницкий. Сношения России со Средней Азией и Индией в XVI—XVII вв. (по документам главного архива Министерства иностранных дел). М., 1889, стр. 44. См. также: Г. Ф. Дахштейгер. Из истории русско-индийских связей в XVII — первой половине XVIII вв. «Вестник АН КазССР», 1956, № 3.

²⁷ Н. И. Веселовский. Прием в России и отпуск среднеазиатских послов в XVI—XVIII столетиях. «Журнал Министерства народного просвещения». СПб., 1884, № 7, стр. 81.

шения с таким соседом, как Россия, сулят казахской верхушке большие преимущества. Россия же, кроме того, что была заинтересована в торговых путях через казахскую степь, надеялась приобрести в лице казахских ханств союзника в борьбе с Кучумом, который угрожал российским владениям на Каме. С 1572 г. Кучум перешел к новой внешней политике: закончив удачно борьбу с южными своими соседями — киргизами и независимыми от него беками и мурзами, жившими в районе реки Туры, он начал тревожить своими нападениями Пермскую область. В южной ее части находились тогда вотчины Строгановых, а по соседству с ними жило много татар, башкир, манси-вогулов, недавно подчинившихся российскому государству²⁸. Враждебным настроением всех этих народностей по отношению к Москве мог легко воспользоваться сибирский хан Кучум. В этих условиях в расчете найти в казахах удобное орудие для достижения своих целей царское правительство стремилось натолкнуть их на войну с сибирскими татарами и отвлечь тем самым внимание Кучума от своих владений, тем более, что Хакк-Назар находился в состоянии войны с последним. С подобной миссией, учитывая настоятельные просьбы братьев Якова и Григория Строгановых, и было отправлено в казахскую степь русское посольство во главе с Третьяком Чебуковым. Кстати сказать, Третьяк Чебуков являлся одним из первых послов России, непосредственно направленных в казахскую степь. Иван Грозный поставил перед ними цель не только установления непосредственного контакта России с Казахстаном, но и военного союза с ним для борьбы с сибирским ханом Кучумом. К сожалению, посольство не достигло цели. Боясь союза России с казахскими владельцами, Кучум направил отряд во главе со своим племянником Маметкулом, который в июле 1573 г. напал на остяков у Камы (недалеко от Тобольска) и пленил посольство, а всех его членов умертвил²⁹. Это дает основание утверждать

---

²⁸ В. И. Огородников. Очерк истории Сибири до начала XIX столетия. Иркутск, 1920, стр. 233.

²⁹ «Сибирские летописи». Изд. археографической комиссии. СПб., 1907, стр. 6, 7.

об ошибочности сообщения Э. Масанова о том, что Третьяк Чебуков побывал в казахской степи в 1573 г.³⁰

Несмотря на эту неудачу, Москва не отказалась от своих планов завязать тесные контакты с казахской степью, которую она рассчитывала использовать как важный стратегический район в проведении своей внешней политики на Востоке. Прошло всего 20 лет после взятия Казани, а русские уже осваивали верховья Камы и утвердились в нескольких километрах к юго-востоку от Соли Камской в построенных Строгановыми Канкоре и Керегедане. Последовательно осваивались речные пути в Сибирь. Впереди всех шли Строгановы, которые еще в 1574 г. торопились обеспечить себе захваты в Западной Сибири, обосноваться на Тоболе, Иртыше, Оби и других реках. В соответствии с грамотой Ивана Грозного за ними закреплялись все эти земли. Одновременно Строгановы получили право беспопылинной торговли в новых местах с купцами из Средней Азии, Казахстана и других восточных государств³¹.

Жалуюя эти земли Строгановым, царское правительство предпринимало меры к закреплению их за российским государством, используя для этого и казахские племена. Приблизившись к ним вследствие новых захватов, оно стремилось создать с помощью казахов постоянную угрозу с тыла для сибирского хана Кучума.

Кстати сказать, эта необеспеченность тыла и сыграла, по-видимому, не последнюю роль в распаде Сибирского ханства, так легко разгромленного Ермаком. В Есиповской летописи под 7091 (1583) годом имеется указание: «Того же лета приидоша к Ермаку с товарищи от Карачи послы и просиша людей их от Казахьи Орды»³².

Хорошо известна также история с казахским султаном Ураз-Мухаммедом, который был взят в плен в 1580 г. тобольским воеводой Данилом Чулковым вместе с сибирским ханом Сейдяком и тогда же отправлен

---

³⁰ Э. А. М а с а н о в. Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. Алма-Ата, 1966, стр. 19.

³¹ «Сибирские летописи», стр. 7, 54.

³² См.: Н. М. К а р а м з и н. История государства российского. Т. IX. СПб., 1892. Примечания, стр. 145.

в Москву «к великому государю с выборными воинскими людьми»³³. Вряд ли здесь была простая случайность, что ханский наследник, только что выпешший из детского возраста, оказался в лагере врагов своего четвероюродного деда — Хакк-Назара. Вероятнее всего, что он был их пленником.

С этим предположением находятся в полном соответствии показания автора сборника мусульманских летописей, в котором говорится о том, что Ураз-Мухаммед «несколько времени жил в тяжком плену у Сейдяк-бия» и что ему было 8 лет, когда он навсегда разлучился со своим родным дедом Шигаем. Этому же предположению соответствуют и сведения ряда русских летописей, в которых указывается, что ханский наследник добровольно выехал в Россию «служити государю всего христианского мира»³⁴.

Пленение Ураз-Мухаммеда произошло в 1580 г. Эта дата точно устанавливается из сопоставления данных русских источников с указанием того же автора сборника мусульманских летописей. Известно, что казахский царевич прибыл в Москву в 1588 г. 16 лет от роду, в год же пленения (1580 г.) ему было только 8 лет. Захват в этот год малолетнего казахского султана сибирскими татарами оправдывается всем ходом происходивших событий. Это время было одной из печальных страниц в истории казахских ханств, когда казахское войско наголову было разбито у Артыша в неравной схватке с объединенными силами Могулистана и ташкентского правителя Баба-султана. В проигранном сражении был убит казахский хан Хакк-Назар и шесть его султанов-князей³⁵. В связи с этим крупным поражением казахов находились, очевидно, и их неудачи в борьбе с сибирскими татарами. В результате одного из таких неудачных сражений и произошло пленение Ураз-Мухаммеда.

Таким образом, из приведенных фактов становится несомненным, что не позднее конца 70-х годов XVI в.

³³ Там же, стр. 259.

³⁴ В. В. Вельяминов-Зернов. Исследование о Касимовских даях и царевичах, ч. 2, стр. 398—400, 384, 340.

³⁵ А. Чулошников. Очерки по истории казак-киргизского народа. Оренбург, 1924, стр. 141.

произошло новое сближение казахских ханств с Российским государством и между ними были возобновлены взаимные сношения. В полном соответствии с этим положением казахский султан Ураз-Мухаммед, освобожденный из плена царскими войсками, мог добровольно направиться в Москву для службы русскому царю. В посольском списке 7085 г. (1577 г.) сына боярского Бориса Доможирова, ездившего в Ногайскую орду и возвратившегося оттуда 27 июля того же года, имеется и прямое подтверждение сделанного предположения. «Да сказывал государь, — говорится в этом списке, — татарин Иллибабаев, что приходили сее вестны Казачьи Орды люди на Ак-Мирзу да на Бек-Мирзу, а у них отогнали многие стада, да у них же взяли пять человек. И они, государь, отпустили пятого человека к Тинехмату-князю и к Урус-Мирзе, и велели им говорить, что де царь наш Акак (Акк)-Назар с царем и великим князем в миру и с Ташкинцы и с Юргенцы в миру же, а нашему де царю Акак-Назару вас воевати, по Яику и по Волге не дать кочевати»³⁶.

Из приведенного списка вполне понятно, что хан, грозивший войной ногайцам и имевший возможность сноситься с Ташкентом и Ургенчем, был в непосредственных политических отношениях и с Российским государством. Только недостаточность сохранившихся сведений лишает нас возможности расшифровать точный смысл неопределенной пока политической формулы этих отношений «с царем и великим князем в миру». Можно лишь догадываться, что здесь имеются зачатки той формы политических взаимоотношений, которая нашла свое окончательное и определенное выражение сначала в договорах хана Тевеккеля с правительством Федора Иоанновича, а затем в договорных актах ханов Тауке и Каипа во второй половине XVII и в самом начале XVIII в.

Но установившиеся на этот раз сношения между обеими странами не ограничивались, как это было в начале XVI в., одними лишь политическими интересами. Как указывают приведенные выше сведения, нахо-

---

³⁶ «Продолжение Древней Российской вивлиофики», т. XI, стр. 186.

дящиеся в Строгановской летописи, в эти годы стали налаживаться и торговые связи с казахской степью.

Итак, в основе политики русских царей конца XVI в. (Ивана Грозного, Федора Иоанновича) к восточным соседям, в частности казахским ханствам, как и казахских владетелей этого периода (Тевеккель в особенности), лежало стремление, «чтобы... межи нас добрые (торговые) люди ходили без всяки зацепки»³⁷. Именно в это время намечается тенденция на упрочение не только политических, но и торговых русско-казахских связей, усилению которых способствовали исторически сложившиеся условия, связанные с уходом казахов под нажимом военно-феодального джунгарского государства из района Семиречья в направлении бассейнов верхнего течения Ишима, Тобола, Иргиза и других рек, лежащих в пределах Западной Сибири.

Но русско-казахским контактам все еще мешало Сибирское ханство, отношения с которым у России особенно обострились к 70-м годам XVI в. Почти на всем протяжении длинного пути из России в казахские степи через Башкирию, сибирские города Тару и Тобольск существовала постоянная угроза нападения военных отрядов Кучума. К тому же источники свидетельствуют о попытках Кучума осуществить военный союз с бухарским ханом Абдуллой, на который, однако, последний не мог пойти лишь из-за занятости среднеазиатскими делами, хотя он и сочувственно относился к этому предложению. В грамоте на имя Кучума он писал: «А что еси просил у нас рати, и мы в те поры были в войне, для того и не послали есьмя..., и в нынешнем времени, чтобы тебе с нами о своем здоровье и о пребывании послы ссылався, извешатися. А наша мысль твое здоровье слышети жадна»³⁸.

Столкнувшись с Кучумом, царское правительство стало искать союзника для борьбы с ним. Таким союзником могла стать казахская степь на условии вассальной зависимости от России.

К этому времени Казахстану угрожало Бухарское ханство. Известно, что Бухарское ханство расширило

³⁷ «Продолжение древней Российской вивлиофики». СПб., 1791, стр. 223.

³⁸ «Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР», т. I, вып. 3. М.—Л., 1932, стр. 296.

свои владения за счет захвата Хивинского ханства. В результате бухаро-ногайского соглашения казахские владения также оказались под угрозой захвата бухарским ханом. Как указывали послы Тевеккеля в Москве, конечной целью бухарского хана явилось строительство на Яике городка-крепости в Сарайчике и превращение Астрахани в зависимый от Бухары город³⁹.

Принимая меры к установлению союза с казахскими ханствами для борьбы с Кучумом, Российское государство рассчитывало использовать их властителей в качестве посредников в переговорах со среднеазиатскими ханствами.

Оправившись от Артышского погрома, казахская степь вновь окрепла и при хане Тевеккеле превратилась в крупную политическую силу. Эти изменившиеся обстоятельства Российское правительство поспешило использовать в своих выгодах как против Кучума, так и против бухарского хана. Тогда же была сделана попытка оформить более тесные связи с казахской степью. В основе их содержания лежали не столько прямые выгоды от расширения своего влияния, сколько обеспечение российских тылов от всяких случайностей. Иногда важно было добиваться и того, чтобы искавшие «дружбы и совета» народности не мешали Российскому государству пользоваться выгодами от народов, соседствующих с ним и принадлежавших к числу полных, «вечных» его подданных, и чтобы они не грабили этих подданных и не служили орудием для его врагов. Это ярко видно, например, из требований, предъявленных царской властью к ойратам, переселившимся в приволжские степи. В шертной записи 1655 г. говорится о клятве ойратских послов на верность русскому царю всех их улусных людей. «И нам всем,— читаем в этой записи,— быть у великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича, всея великия и малая России самодержца в вечном послушании, и добра ему великому государю и его государевым людям хотети во всем, в правду, безо всякой хитрости, и с его государевыми послушники и с изменники ни с кем ни о чем не ссылатись и за них не стояти, и государевых русских людей и вечных холопей ногайских и едисанских и юр-

---

³⁹ Там же, стр. 291—292.

товских татар в улусах и на проездах, и на промыслах нигде не побивать, и в полон не имать и не грабить и от прежних своих неправд отстать, и государеве отчине к Астрахани и на иные государевы города и на уезды, на государевых людей, которые бывают в посылках и на промыслах и в проездах, и на нагайские, и на юртовские улусы и на конские и животинные стада войною... не приходить..., государевых городов, и сел и деревень, и учугов не жечь, и людей не побивать, и в полон не имать, и не грабить, и никакова зла не делать, и не мыслить..., а с государевыми изменниками и непослушниками битись до смерти, не щадя голов своих, где государь укажет»⁴⁰.

Кроме присяги о верности, небольших даров царю, а иногда и присылки заложников, российское правительство не требовало от таких народов других знаков признания его власти. Такой тактики Российское государство придерживалось особенно по отношению к кочевым народностям, удовлетворяясь ею как единственно целесообразной в условиях того времени. При этом хорошо зная кочевые народы, российская дипломатия никогда не строила себе иллюзий о прочности и длительности таких отношений.

К установлению подобных связей, несколько, однако, не переоценивая их значения, склонялась Россия в конце XVI в. и в своих отношениях с казахскими ханствами. Поводом к такому направлению политики послужило обращение к российскому правительству казахского хана Тевеккеля, пожелавшего возвратить своего племянника султана Ураз-Мухаммеда. С этой целью в Москву в конце 1594 г. прибыл казахский посол Кул-Мухаммед, имевший кроме этого и другое важное поручение. В силу сложившихся для казахских ханств упомянутых нами затруднительных политических условий в Средней Азии они были заинтересованы в заключении дружественного соглашения с Россией. Отсюда и основная цель посольства Кул-Мухаммеда: он должен был добиться того, чтобы русский царь дал казахскому хану «огненного бою», и тогда «царь Тев-

---

⁴⁰ «Полное собрание законов Российской империи», т. I, № 145. СПб., 1830, стр. 356—357.

кель и царевици однолично станут воевать бухарского царя»⁴¹.

Таким образом, освобождение Ураз-Мухаммеда являлось только предлогом для заключения большого политического соглашения с Российским государством. Для укрепления этого соглашения казахский хан обязался прислать «в заклад» вместо племянника одного из своих сыновей. Тевеккелю пришлось поспешить с заключением «дружбы и совета» с русским царем в виду того, что с бухарским ханом было подписано лишь перемирие, а отношения с ногаями были очень натянутыми⁴².

Как нами уже неоднократно подчеркивалось, российское правительство также было заинтересовано в поддержании хороших отношений с казахской степью как возможным союзником, с одной стороны, против Кучума и, с другой — против Абдуллы, который поддерживал с первым доброжелательные торговые отношения. Возможно, что об этих связях мусульманских ханств московское правительство осведомилось из перехваченной переписки, дошедшей до нас позднее бухарской грамоты, которая была доставлена в Москву в 1596 г. В ней имеются прямые указания не только на торговые отношения сибирских татар с Бухарой, но и на их непосредственные просьбы о присылке им вооруженных сил для борьбы с Российским государством⁴³.

При этих обстоятельствах посольство Кул-Мухаммеда не могло оказаться безрезультатным. В ответной грамоте московского царя хану Тевеккелю была обещана посылка «многой рати с огненным боем» и «оберегание» казахов «ото всех их недругов». Вместе с тем российское правительство спешило использовать славившуюся международную обстановку не только для установления более тесных отношений с казахской степью, но и для превращения ее в полузависимую от России. С этой целью российская дипломатия намеренно истолковывала простое обращение Тевеккеля за помощью как искание им добровольного подданства царской власти и поэтому со своей стороны обуславливала

⁴¹ «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.», стр. 4—6.

⁴² «Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР», ч. I. Л., 1932, стр. 292.

⁴³ Там же, стр. 296.

эту помощь обязательной присылкой казахским ханом Тевеккелем в аманаты его сына султана Усейна. Соглашаясь на прием под свою высокую царскую руку казахских земель, российское правительство с самого начала требовало от Тевеккеля доказательств его верности.

Одновременно казахское посольство Кул-Мухаммеда пыталось через персидских послов в Москве завязать переговоры о союзе против Бухары, которая враждовала с Персией.

Именно в это время намечается усиленный обмен русско-казахскими посольствами.

К концу XVI в. в ряде государств, в том числе и в России, имелись уже более или менее постоянные дипломатические представительства. Это свидетельствует о том, что дипломатия играла значительную роль в качестве орудия внешней политики. Говоря словами видного советского дипломата В. Зорина, главными задачами дипломатии в этот период становятся укрепление союзов между феодальными сюзеренами и выгодная расстановка сил для войн, для приобретения новых владений путем аннексий или посредством подкупов и династических браков с получением огромных территорий в приданое⁴¹. К этому времени также оформляются дипломатические службы, центральные и местные учреждения, обслуживающие внешнюю политику государства, а для «помещения особенно часто приезжавших в Москву послов, крымских, ногайских и польско-литовских существовали особые дворы; остальные располагались в частных домах»⁴². По свидетельству С. В. Жуковского, «московские государи ласково принимали этих посланных и всячески старались поощрять начатые торговые сношения»⁴³. Уже в 90-х годах XVI в. в Москве при царском дворе находился ханский наследник Ураз-Мухаммед, который был обласкан царем и неоднократно получал подарки⁴⁴. Эти данные, кстати, свидетельствуют об ошибочности утверждения Н. И.

⁴¹ В. А. Зорин. Основы дипломатической службы. М., 1964, стр. 24.

⁴² «История дипломатии», т. I. М., 1941, стр. 174, 175, 242.

⁴³ С. В. Жуковский. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. Пг., 1915, стр. 3.

⁴⁴ ПСЗРИ, т. XIV. СПб., 1910, стр. 43.

Беселовского, считавшего, что азиатские посольства являлись обузой для русских государей и представляли собой неизбежное зло для России⁴⁸. Наоборот, обоюдное внимательное отношение к послам являлось нормой в сношениях азиатских государств и России.

Особое значение в упрочении русско-казахских отношений имело российское посольство Вельямина Степанова к казахскому хану Тевеккелю⁴⁹ в 1595 г. в ответ на его просьбу о «протекции». Так как перед посольством В. Степанова стояла задача способствовать улучшению русско-персидских отношений, в составе посольства находился и представитель шаха Аббаса I (1587—1628) в Москве Дервиш-Мухаммед.

В источниках нами не обнаружено никаких сведений о содержании и характере переговоров Вельямина Степанова с Тевеккелем и к какому соглашению они пришли. Однако, как видно из событий того периода, к ухудшению русско-казахских отношений они не привели. Об этом свидетельствует посылка в Россию вместе с посольством Вельямина Степанова одного из сыновей Тевеккеля вместо находившегося в Москве Ураз-Мухаммеда. Новая миссия Кул-Мухаммеда, опять направившегося в Москву, говорит также о том, что в принципе было принято и общее политическое согла-

---

⁴⁸ Н. И. Веселовский. Прием в России и отпуск среднеазиатских послов в XVII—XVIII столетиях, стр. 169. Более подробно: М. Юлдашев. Указ. соч., стр. 30—45.

⁴⁹ Тевеккель стал ханом после смерти своего отца Шигая. Он не только сбросил военную зависимость от бухарских владетелей, но и покорил Туркестан, Аксу, Андижан, Ташкент и Самарканд; дважды осаждал Бухару, при второй осаде был ранен и умер от ран в Ташкенте.

Преемником Тевеккеля был его племянник Есим (1598—1623), при котором продолжались феодальные усобицы, что ослабляло казахские ханства. Некоторые крупные султаны фактически стали независимыми от Есима. Есим предпочел прекратить борьбу с Бухарой, удовлетворившись наиболее важными для казахов завоеваниями. Он начал мирные переговоры с бухарским ханом Пир-Мухаммедом. Казахи отказались от Самарканда, но оставили за собой Ташкент и Туркестан. См.: И. Я. Златкин. История Джунгарского ханства. М., 1964; «Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1607—1636». Сборник документов. М., 1959, стр. 307—309; М. Ермагамбетов. Об источниках по истории дипломатических и международных отношений Казахстана. «Известия АН КазССР. Серия историческая», 1948, вып. I, стр. 96.

шение между Российским государством и казахскими владетелями, которое нуждалось еще в некоторых уточнениях путем непосредственных переговоров. Несмотря на то, что в это время Россия еще не имела возможности активно влиять на дела в казахской степи, посольство В. Степанова явилось тем связующим звеном, которое способствовало расширению торговых и политических связей Российского государства с казахской степью⁵⁹. Во всяком случае, все, что нам известно о взаимоотношениях России с ней ранее, дает основание утверждать, что политические связи между ними не прекращались и в 1596—1599 гг.

Но эти отношения, установившиеся с конца XVI в. между правителями обеих стран, долго не связывались взаимными выгодами их господствующих классов. Так, например, русское купечество медленно втягивалось в торговлю со среднеазиатскими и другими восточными государствами через примыкавшие к ней ногайские, казахские и калмыцкие степи, а казахская кочевая знать не видела вообще больших преимуществ от поддержания постоянных добрососедских отношений с Москвой. Она зачастую предпочитала им нападения, захваты пленников и угон скота русского населения, особенно участившиеся с середины XVII в.

Однако эти нападения в целом не нарушали основного направления политики казахских ханов, которые находили в некоторые моменты политические и торговые выгоды от поддержания дружественных сношений с Российским государством. Но они всячески противились полуподданической зависимости от России.

В это же время правительство России предприняло шаги по усилению связей с казахской степью и Средней Азией со стороны Сибири. Исторический опыт показал, что продвижение России в глубь Азии успешнее шло именно со стороны Сибири, нежели от берегов Урала. Освоение Сибири облегчалось тем, что туда устремлялись из внутренних областей страны промышленники и оседали на новых землях, а расширение торговли со среднеазиатскими и казахскими торговцами способст-

---

⁵⁹ О посольстве Вельямина Степанова см.: В. Б а с и н. Русское посольство В. Степанова в Казахстан в 1595 г. «Простор», 1965, № 8.

вовало основанию городов. Первыми из них по времени были построены горсда Тюмень и Тобольск (1587 г.). В 1594 г. на реке Таре был построен город Тара как укрепление для пресечения набегов Кучума на окрестности Тобольска. Фактически еще задолго до этого русские проникали дальше этого пункта вверх по Иртышу. Об этом свидетельствует царский указ о строительстве города Тары; в нем, между прочим, говорится: «Взять на расход разных людей 70 пудов соли и к тому прибавку послать из нового города на Таре на озеро Ямыш и велеть соли привезти на стругах». Речь шла о том, чтобы послать все это «за 700 верст от только что намеченного к возведению нового города», то есть в район нынешнего Павлодара. Причем в указе об этом говорится как об обыденном деле, которое уже не раз проделывали русские служилые люди⁵¹.

А. В. Панков, ссылаясь на свидетельства историков Сибири Г. Ф. Миллера (XVIII в.) и И. Словцова (XIX в.), сообщает, что в том же XVI в. русские караваны «досчаников» (лодок) «ходили вверх по Иртышу, а «бухарские» верблюжьи караваны направлялись через киргизские степи в европейскую Россию к Астрахани, Самаре и другим волжским городам»⁵². Бухарские торговые караваны спускались вниз по Иртышу в Сибирь, привозя ткани и сухофрукты, которые обменивались на хлеб и пушнину.

Из Тобольска торговый путь в Среднюю Азию шел через Иртыш к верховьям Ишима, а оттуда мимо гор Улу-Тау на Сары-Су до Туркестана, затем через Сырдарью к Бухаре⁵³.

Российское правительство обязывало жителей города Тары «обходиться по-дружески» с бухарскими и ногайскими купцами, если «купцы придут в город с товарами, лошадьми и рогатым скотом», «привлекать

⁵¹ И. В. Щеглов. Хронологический перечень важнейших данных..., стр. 49; М. И. Сладковск и й. Очерки экономических отношений СССР с Китаем. М., 1957, стр. 9—10; Х. Зияев. Указ. соч., стр. 21; Г. Е. Катанаев. Упрочение русской власти в Сибири и первые шаги в глубь Кулундинской и Ишимско-Тобольских степей. «Записки западно-сибирского отдела ИРГО». Кн. XIV, вып. I. Омск, 1893, стр. 25.

⁵² А. В. Панков. К истории торговли Средней Азии с Россией в XVI—XVII вв., стр. 34.

⁵³ «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.», стр. IV.

их через то к себе и по продаже товаров отпускать их беспрепятственно. Ежели же которые из них пожелают ехать с товарами своими и со скотом в Тобольск или Тюмень, то сие им позволять»⁵⁴. В то же время ставилась задача расширять связи со среднеазиатскими государствами, организовывать надлежащий прием их послов в Таре, Тобольске и Тюмени, внимательно выслушивать их предложения и сообщать о них в Москву. В этом отношении имеются указания многочисленных источников. В частности, в наказе правительства России тарским властям в 1595 г. ставится вопрос о «береженье к торговым людям, к бухарцам и к ногайям». В наказе тюменскому воеводе в 1596 г. указывалось: «...Буде бухарцы с товары или ногаи с лошадьми торговые люди учнут к вам на Тюмень приезжать, и вы б там бухарцам и ногайцам торговым людям велели с нашими людьми и с юртовскими ясашными татары на Тюмени торговать беспошлинно; а иных никаких таможенных пошлин с них имети не велели. И береженье к ним и ласку держати великую и обиды б им и насильства никоторого не было, чтоб им вперед повадно было со всякими товары приезжати. А торговати бы есте велели за городом в посаде или за посадом, где будет пригоже...»⁵⁵.

В марте 1608 г. грамотой из дворца Казанского приказа тарскому воеводе И. В. Масальскому бухарским купцам было разрешено торговать в сибирских городах⁵⁶. Это же подтверждает и М. Ю. Юлдашев, сообщающий о том, что бухарским купцам обычно удавалось отстоять свои привилегии, данные Москвой⁵⁷.

Отметим, однако, что торговые караваны не были гарантированы от разбойных нападений, поэтому принимались меры к их охране. В частности, караваны за солью сопровождалась воинскими командами. Так, например, торговая экспедиция, направленная по Иртышу

⁵⁴ Г. Е. Катанаяев. Указ. соч., стр. 26; Г. Ф. Миллер. История Сибири. Кн. I, стр. 256—262; В. С. Батраков. Хозяйственные связи кочевых народов с Россией, Средней Азией и Китаем. Ташкент, 1958, стр. 14—16.

⁵⁵ См.: Х. Зияев. Указ. соч., стр. 22.

⁵⁶ См.: ЦГАДА. ф. Сибирский приказ, кн. 11, лл. 122—124. Список XVII в. «Материалы по истории русско-монгольских отношений», стр. 29—30.

⁵⁷ М. Ю. Юлдашев. Указ. соч., стр. 69.

на 25 дощаниках, к которым из города Тары было присоединено еще пять, охранялась стрельцами, пушкарями, барабанщиками, конными казаками и пешими «с рабочими при сотниках и атаманах — около 840». Они были вооружены одиннадцатью медными пищальми, 314 ядрами, «пороху ручного и пушечного 79, свинца 50 пудов»⁵⁸.

В «смутное время» международное положение Российского государства сильно пошатнулось. Трудности России этого периода были известны казахским ханам и правителям других восточных государств. Не случайно в это время прекратились разговоры о вхождении их в состав России. Более того участились вооруженные столкновения в пограничных с ними областях. Отмечались даже случаи убийства и грабежа среднеазиатских купцов в Астрахани, Казани, Самаре, на что жаловались российским послам хивинский и бухарский ханы. Это имело место и в начале правления Михаила Филаретовича. Этим объясняется некоторое ослабление дипломатических и других связей России с казахскими и среднеазиатскими ханствами, а также другими государствами Востока. Тем не менее, несмотря на переживаемые трудности, связи России с этими странами продолжались. Особенно они стали оживляться при правлении первых Романовых. Российское правительство разрешило среднеазиатским купцам свободно торговать в русских городах. В то же время предпринимались меры для увеличения количества российских торговых и дипломатических миссий в Среднюю Азию, причем главные пути сообщения проходили по территории Казахстана. Уже в 1614 г. через Яик и далее по казахской степи (Эмба — Хива) в Персию было направлено посольство Михаила Тихонова и Алексея Бухарова. Вместе с ними находились русские купцы и посланник персидского шаха Амир Кули, долго не имевший возможности выехать на родину из-за «смутного времени». Характерно, что именно тогда русские уже имели вполне определенные сведения о казахской степи, о чем, в частности, свидетельствует отписка самарского воеводы князя Дмитрия Пожарского Одоев-

---

⁵⁸ «Киргизский край», «Россия», т. XVIII, гл. VII. СПб., 1903, стр. 294.

скому и Головину от 21 апреля 1614 г., в которой указывается, «что Казачья Орда... и Каракалпаки... меж себя в совете, а с Юркенскими и с Арап-ханом в мире же, и между собою ссылаются»⁵⁹.

Характерно, что к концу 20-х годов XVII в. связи с восточными государствами настолько упрочились, что приток купцов из Средней Азии и других восточных государств привел к конфликту их с русскими купцами. В результате местные власти вынуждены были в какой-то степени ограничить продвижение в Россию караванов восточных купцов, что вызывало резкие протесты со стороны последних. Рассматривая этот вопрос, советский историк Х. Зияев склонен считать, что ограничение передвижения в Россию восточных купцов связано с «недостатком подвод»⁶⁰ для перевозки товаров. Но это лишь одна сторона. К этому следует добавить и то, что все увеличивающийся поток купцов из Средней Азии и других восточных стран превращал их в сильных конкурентов русских купцов, в результате чего последние терпели значительный убыток. Дело дошло до того, что русские купцы для ограждения себя от соперничества восточных купцов в 1627 г. вынуждены были обратиться со специальной челобитной к царю Михаилу Филаретовичу. В ней подчеркивалось о наличии в России большого количества «тезиков» (то есть среднеазиатских купцов), которые «сами ездят и отпускают приказчиков своих, а у нас государи отняли везде промысел, и вашему государеву товару от них разных промыслов стала поруха великая»⁶¹. М. Ю. Юлдашев сообщает о челобитной «сибирского бухарца» Алима Сулейманова «с товарищи», извлеченной из книг Сибирского приказа (столбец 134, л. 194), в которой они «бьют челом» о восстановлении своих прав. В этой и других челобитных «отражены взаимоотношения между бухарцами, оседавшими в Сибири, и местными купцами, чинящими им препятствия как своим конкурентам в торговле»⁶².

⁵⁹ «Акты исторические», т. III, № 254, стр. 421.

⁶⁰ Х. Зияев. Указ. соч., стр. 24.

⁶¹ П. П. Смирнов. Новое челобитие. Из «Челобитной 1627 г.» («О высылке иноземцев»). «Чтение Общества Нестора Летописца», кн. 23. Киев, 1912.

⁶² М. Ю. Юлдашев. Указ. соч., стр. 69.

Эти примеры, как нельзя лучше, свидетельствуют о довольно широких торговых связях России со среднеазиатскими государствами. К этому надо добавить, что и в Бухаре, например, также находились русские купцы, имевшие «постоянный торговый промысел».

Заметим, однако, что с 20-х до 80-х годов XVII в. наблюдается некоторый спад торговых и иных связей России со среднеазиатскими и другими восточными государствами. Это объясняется активизацией так называемых «грабительских шаек», нападавших на торговые караваны и дипломатические миссии⁶³, а также агрессивней Джунгарии в казахские степи⁶⁴. К тому же Россия была занята польскими и турецкими делами. Война с Турцией закончилась подписанием невыгодного для России Бахчисарайского договора от 3 января 1681 г.⁶⁵

Для обеспечения безопасности торговых путей Российское правительство предпринимает меры по пресечению набегов джунгар. Так, например, в грамоте И. Куракину от 25 июня 1616 г. русский царь предписал построить крепость на Ишиме. Последовало также распоряжение тобольским воеводам не допускать продвижения кочевий джунгар к сибирским городам и вверх по Иртышу⁶⁶. В феврале 1619 г. из дворца Казанского приказа была направлена грамота тарскому воеводе К. С. Вельяминову-Воронцову с похвалой за действия по разгрому отрядов джунгарского тайши Сengiла (Сенга). Михаил Филаретович обращал внимание воеводы на необходимость и впредь служить «по-прежнему и над нашими непослушниками промыслять всякими мерами и поиск над ними чинить, сколько ми-

---

⁶³ В этом отношении наиболее характерно посольство И. Д. Хохлова, судно которого в 1620 г. во время шторма было выброшено на берег полуострова Мангышлак. Торговый караван, находившийся при нем, подвергся нападению туркменских племен и был ограблен.

⁶⁴ Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. II. М.—Л., 1941, стр. 98—100, 104—108, 112; А. Титов. Сибирь в XVII в. «Сб. старинных русских статей о Сибири и прилегающих к ней землях». М., 1890, стр. 179.

⁶⁵ ПСЗРИ, № 854, 916.

⁶⁶ Н. Г. Аполлова. Присоединение Казахстана к России, стр. 187.

лосердной бог помочи подает»⁶⁷. В то же время предусматривалось приведение в российское подданство джунгарских тайшей. В ответ на их посольство в Томск в 1607 г. «с обещанием принять русское подданство со всем народом при условии защиты их от монголов и киргиз-кайсаков»⁶⁸ царское правительство обещало им помощь «от всех недругов», в том числе и «от Казатцкие орды»⁶⁹. В данном случае мы встретились с ярко выраженной политикой царского правительства, направленной на стабилизацию положения в районах соприкосновения ойратов и казахов, с одной стороны, и стремлением противопоставить одних другим для облегчения проведения курса на упрочение позиций в Казахстане — с другой.

Обмен торговыми и дипломатическими миссиями продолжался и в это время. Ю. А. Соколов приводит по этому поводу сведения из таможенных книг, в которых говорится о приезде в Тару и Тобольск в 1637—1645 гг. 185 купцов, в 1645—1655 гг. — 165, в 1655—1665 гг. — 227 купцов⁷⁰.

По территории Казахстана (от Тобольска до Туркестана) проходили прежде всего те среднеазиатские торговые караваны, которые имели специальные на то разрешения казахских ханов, о чем свидетельствует русский посол Василий Кобяков. И это не случайно. Именно казахским ханам, султанам и их ближайшему окружению доставались все доходы от торговых операций, которые частично использовались ими также и для организации русско-казахской торговли на русском рынке в Сибири.

Мы не стали бы столь подробно останавливаться на русско-среднеазиатских торговых связях, если бы в некоторых случаях купцы, стоявшие во главе среднеазиатских торговых караванов, по просьбе казахских владельцев не представляли последних при российской администрации и не выполняли наряду с торговыми

---

⁶⁷ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, кн. 11, л. 170. Список XVII в. «Материалы по истории русско-монгольских отношений», стр. 79.

⁶⁸ И. В. Щеглов. Хронологический перечень важнейших данных..., стр. 66.

⁶⁹ «Материалы по истории русско-монгольских отношений», стр. 27.

⁷⁰ Ю. А. Соколов. Указ. соч., стр. 32.

операциями поручения дипломатического характера. Это свидетельствует о том, что развитие торговли со среднеазиатскими ханствами в какой-то мере способствовало усилению русско-казахских связей. Следовательно, чем больше по территории Казахстана проходило среднеазиатских торговых караванов, тем больше создавалось благоприятных условий для упрочения русско-казахских отношений.

Таким образом, между Россией и казахскими ханствами в XVII в. существовали торговые, политические и дипломатические контакты. Но они поддерживались до тех пор, пока соседом казахов была слабая Джунгария, владетели которой вели междоусобную борьбу и были заинтересованы в поддержке казахских ханов. Об этом свидетельствуют многочисленные примеры. Достаточно в связи с этим сослаться на джунгарских тайши Тюрбецкого Малай Доонова и Чагана Аблаева, которые в 1674 г. (каждый в отдельности) обратились к казахскому хану Тауке с просьбой об оказании помощи ⁷¹.

Картина изменилась после появления в Джунгарии Галдан-Бошокту-хана (1644—1697 гг.), родного брата Сенге, который, опираясь на казахских владетелей, разгромил своих соперников и был объявлен джунгарским хунтайджи. Джунгария вернула себе утраченную в результате междоусобиц славу, которая была при его отце Батор-Хонь-Тайцзи. Новый хунтайджи «пополнил степное уложение, изданное отцом его...: составил новую систему феодального разделения земель, которым нарочито ограничил и власть и силу прочих трех ханов ойратских» ⁷². Галдан-Бошокту вернулся к внешнеполитическому курсу своего отца, заключавшемуся в борьбе против главного противника — китайского императора Сюань Е, в укреплении позиций в Монголии и Тибете, в достижении соглашения с Россией по вопросу о сборе ясака ⁷³.

---

⁷¹ *Дополнения к актам историческим*, т. VI. СПб., 1857, стр. 294.

⁷² Н. Я. Бичурин (Иакинф). Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. СПб., 1834, стр. 88—89.

⁷³ И. Я. Златкин. История Джунгарского ханства, стр. 241—242.

В конечном итоге появление в Джунгарии нового хунтайджи привело ее к столкновению с казахскими владетелями, что затруднило русско-казахские дипломатические отношения. Значительные территории между русскими поселениями на Иртыше, Ишиме и Тоболе и казахскими кочевьями, в основном расположенными в бассейнах рек Сары-Су, Каратургай, Талас, Чу, захватило Джунгарское ханство. В результате были прерваны существовавшие ранее связи между казахскими ханствами и российскими владениями в северо-восточном и северо-западном направлениях. Были закрыты и западные пути через бывшую ногайскую степь, что, однако, не мешало представителям казахской верхушки зачастую производить набеги на сибирские поселения в нижнем течении Ишима и Иртыша, а также на Тобол, Исете и их притоках⁷⁴.

В конце XVII в. казахские владетели неоднократно сообщали российским властям в Сибири о «залегании дорог» из-за наступательных действий джунгарского хунтайджи. «А ныне Галдан в степи,— читаем в «Списках Тобольской архивы»,— что шайтан объявился, друг к другу не стали ездить,... многие лета дороги залегли»⁷⁵. А вот еще одно сообщение из казахской степи. Попавший в плен к тобольской администрации знатный казахский владетель Сары сообщал в тобольской воеводской избе осенью 1690 г.: «В прошлых годах, тому лет з десять, приходил на них (казахов.— В. Б.) калмыской Бушуртухан войной и города их разорял»⁷⁶. Сравнивая это сообщение со сведениями о том, что хунтайджи Галдан в 1676—1677 г. разгромил Очирту-Цецен-хана, а в 1680 г. вел войну с яркендцами, надо, по-видимому, считать, что войну с казахами джунгарский владетель начал со взятия Яркенда, то есть в конце 1680 — начале 1681 г. Именно эти события и прервали временно русско-казахские связи.

В 1686 г. Галдан смог мобилизовать большие силы

---

⁷⁴ А. П. Чулошников. К истории феодальных отношений в Казахстане в XVII—XVIII вв. «Известия АН СССР. Серия общественных наук», 1936, № 3, стр. 509—510.

⁷⁵ Архив АН СССР, «Списки Тобольской архивы», ч. 2, № 12, лл. 163, 178.

⁷⁶ Там же, л. 169 об. Более подробно: И. Я. Златкин. История Джунгарского ханства. М., 1964; Н. Г. Аполлова. Присоединение Казахстана к России, стр. 148—185.

ойратов и повторить свой поход против казахов, а через год направился в Монголию. Наконец, вовлеченный в войну с Халхой джунгарский хунтайджи уже не появлялся в местах своих прежних кочевков⁷⁷. В 1696 г. произошло большое сражение, в котором джунгары (ойраты) были разгромлены маньчжурами. Будучи не силах перенести это поражение, Галдан в 1697 г. отравился⁷⁸.

Лишь после этого казахские владетели вновь получили возможность для восстановления связей с Россией. Инициатором в этом деле выступил хан Тауке. Однако, если раньше на пути русско-казахского сближения стояли причины внешнеполитического характера, связанные с происками Галдана, то теперь появились преграды внутреннего порядка. Как уже говорилось, именно в момент перерыва отношений между Россией и казахской степью казахская верхушка организовала ряд нападений на российские пограничные слободы в Сибири. Разумеется, было бы неправильно всю вину за нападения казахских отрядов на русские поселения возлагать только на казахов. Источники свидетельствуют, что казачьи общины на Яике и в Сибири в XVII в. сами производили частые набеги на казахскую степь, уводя значительное число пленных, скота, лошадей. Лишь в начале XVII в., после того, как царское правительство стало использовать казачество в качестве авангардной силы для завоевательной политики и отдавать ему плодородные земли, изъятые у казахского населения, а также государственное жалованье, набеги со стороны казачества на казахскую степь почти прекратились, но зато усилились нападения со стороны казахов как протест против изъятия их земель.

Буржуазные историки называли кочевые народы, в том числе и казахов, «разбойниками», «грабителями», утверждали, что они нападали на российские владения ради личной наживы. Такая точка зрения не имеет ничего общего с исторической действительностью. Казахи

---

⁷⁷ А. Позднеев. К истории зюнгорских калмыков. Приложение к книге «Посольство к зюнгорскому хунтайджи Цеван-Рабтану капитана И. Унковского». «Записки ИРГО по отд. этнографии», т. X, вып. 2, стр. 249, 253.

⁷⁸ В. П. Саввин. Взаимоотношения царской России и СССР с Китаем, стр. 50; И. Я. Златкин. Указ. соч., стр. 315.

вынуждены были противостоять продвижению царских войск в глубь казахской степи. Поэтому набеги не являлись «разбоем», а имели характер наступательно-оборонительной тактики, вытекавшей из специфических особенностей их борьбы с царизмом. Разумеется, на этих набегах зачастую наживались представители казахской правящей верхушки. В то же время захват добычи являлся как бы средством отвлечения обездоленных казахских масс от классовой борьбы.

В этой связи следует отметить, что хан Тауке, отражавший интересы правящей феодальной группировки, будучи дальновидным политиком и неплохим дипломатом, постоянно стремился к укреплению русско-казахских связей. Он искал пути для сглаживания неприятных впечатлений у российской администрации от нападений на пограничные линии. Это проявилось даже в таком факте, как сравнительно доброжелательное отношение к русским пленным.

Благожелательное отношение хана к русским в какой-то степени содействовало главной цели Тауке — укрепить прерванные русско-казахские связи. Именно поэтому вместе с отпущенными русскими пленными в 1687 г. в Тобольск было направлено казахское посольство во главе с батыром Ташимом с миссией пригласить в Казахстан русских купцов⁷⁹. Посольство Ташима сопровождали казахские купцы, в задачу которых входило расчистить почву для торговых сношений с Россией. Не случайно же Тауке просил, чтобы купцов «пожаловали з добрым посланником и с торговыми людьми отпустили».

Тауке возлагал большие надежды на это посольство: оно должно было восстановить прежние политические и торговые связи. Поэтому он направил вместе с посольством много подарков для царского двора. В то же время, будучи сторонником укрепления русско-казахских связей, Тауке был против превращения их в какие бы то ни было формы зависимости или даже полуподданства. «Меж нами тма живота не дорого,— сообщал он в письме руководству Тобольской администра-

---

⁷⁹ «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.», стр. V. В упомянутом сборнике архивных документов и материалов время отправления посольства Ташима ошибочно датируется 1697 г.

ции, переданном через посольство Ташима, — надобно слава добрая меж нами; ныне подданным людям надобно покой и послы и торговые люди меж нами ездили, добрая слава меж нами хорошая будет без шерти на свете (выделено нами. — В. Б.).».

Нами не обнаружено документов, которые бы свидетельствовали о том, чем закончилось посольство Ташима. Но дальнейший ход русско-казахских отношений показывает, что оно не было безрезультатным. Наглядным примером этому служит благожелательное отношение русских к казахам в районе Ямышева озера в 1689—1690 гг., когда на них напали джунгары. Казахы дали достойный отпор. По сообщению казахского мурзы Сары, в тобольской приказной избе в октябре 1690 г. «царского пресветлого величества служивые люди за калмыков не пристали и людям ево (хана Тауке. — В. Б.) шкоды не учинили»⁸⁰. Разумеется, что в данном случае русские люди «шкоды не учинили» потому, что находились под влиянием положительных результатов переговоров с казахским посольством Ташима.

Это мнение подтверждается сведениями еще об одном посольстве в Тобольск в конце 1689 — начале 1690 г. во главе с Туманчи-батыром. Если сопоставить время этого посольства с русско-казахскими переговорами о восстановлении торговли, то станет совершенно очевидно, что возобновление русско-казахских дипломатических и торговых сношений следует отнести к 1687 г.

Не вызывает, однако, сомнения и то, что эти сношения не были оформлены юридически. По всей вероятности, казахские послы не подписали такой документ из-за нежелания подпасть в зависимое положение от России. Только через два с лишним года хан Тауке после больших колебаний решился на установление связей с Россией и подписал с нею ряд соглашений.

В то же время следует отметить, что возобновившиеся связи были не всеохватывающими как для российской, так и казахской сторон. Так, например, в казахской степи в торговлю были вовлечены даже не все владетели, хотя больше всех в ней были заинтересо-

---

⁸⁰ «Известия АН СССР. Серия общественных наук», 1936, № 3, стр. 526—527.

ны именно они и другие представители наиболее крупных и влиятельных казахских фамилий из ханского окружения. Казахская верхушка интересовалась развитием и казахско-среднеазиатской торговли, так как получала значительные доходы от пошлин, взимаемых с купцов, караваны которых проходили через казахские степи. Доходы эти давали им возможность участвовать в торговле с российскими купцами. Вместе с тем Тауке, проводя в жизнь линию на сближение с Россией, стремился наряду с экономическими получить и политические выгоды в условиях серьезной опасности со стороны Джунгарии.

Главное же в политике Тауке состояло в том, что он упорно и настойчиво продолжал добиваться русско-казахского сближения. Лишь в 1686—1693 гг. он отправил в пределы Сибири пять посольств, которые, однако, из-за происков его противников потерпели провал. Одним из них было посольство Кабая в Тобольск, куда оно прибыло в последних числах ноября 1690 г. с подарками для Московского двора. Это посольство ставило цель показать сибирской администрации свою заинтересованность в укреплении русско-казахских связей на паритетных началах. «Худое дело на ветер бросим, что преж (нас) было, а впредь того не будет, только мы будем в совете», — говорилось в послании хана Тауке на имя сибирского губернатора. В нем указывалось также на необходимость расширения торговли и освобождения пленных, устранение неприятностей, возникших в связи со взаимными нападениями.

В это же время у озера Ямышево велись переговоры между представителями тобольской администрации во главе со стольником Павлом Шарыгиным и влиятельными казахскими владельцами Сары и Кильдеем — сторонниками казахско-русского сближения. При них имелось частное письмо хана Тауке на имя тобольского юртового служилого татарина Аvezбакия Кулмаметева, которого хан просил оказать содействие в русско-казахских переговорах. Перед Сары и Кильдеем ставилась задача подписания договора о торговле между Казахстаном и Россией на условиях посредничества среднеазиатских купцов.

Однако в виду того, что осенью 1690 г. казахский

вооруженный отряд произвел нападение на российских промысловиков, эта задача не была выполнена. Более того, местная администрация, зная о политической концепции Сары и Кильдея, взяла их в плен и обвинила в том, что будто бы они заманили российских промысловиков на противоположный берег Иртыша, в результате чего последние попали в засаду. Хан обратился к царю Петру Алексеевичу с посланием, в котором обратил внимание русского царя на незаконность пленения Сары и Кильдея. «Ведомо от Адама,— говорилось в послании Тауке,— и по се время такова дела не слыхали, чтоб за воровских людей держать посланца»⁸¹. Тауке не оставлял надежды, что происшедшее недоразумение будет улажено и не спешил первым идти на разрыв русско-казахских связей. Последующие два-три года он делал все для того, чтобы убедить местную сибирскую администрацию в своей лояльности к России. Хотя сибирская администрация не отпускала Сары и Кильдея, хан не задержал российских послов, направленных в казахскую степь в начале 1691 г. Он принял переданные ими царские грамоты, в которых от Тауке требовалось принятия решительных мер для пресечения набегов.

Этим же побудительными мотивами руководствовался казахский хан и осенью 1691 г., направляя еще одно посольство в Тобольск, которое было усилено включением в его состав и представителей правящей верхушки Старшего жуза, что придавало посольству больший авторитет. Представителями хана Тауке являлись уже известные нам Туманчи и Кабай.

По всем признакам посольство должно было убедить царскую администрацию в благожелательном отношении к России казахских владетелей и их подданных, об отрицательном отношении к нападениям на сибирские слободы и заинтересованности в упрочении русско-казахских отношений. Полностью отрицая свою причастность к набегам на российские владения, которые ухудшали русско-казахские отношения, Тауке давал понять сибирской администрации, что она вправе предпринять ответные меры к налетчикам.

---

⁸¹ «Известия АН КазССР. Серия общественных наук», 1965, вып. 1, стр. 49.

В этом отношении не лишним будет заметить, что казахские владельцы по-разному трактовали политику Тауке к России. Если, например, Тауке придерживался тактики упрочения русско-казахских связей на паритетных началах, то султан Каип (будущий хан) и стоявшие за ним владельцы представляли эти связи близкими к своей полузависимости по отношению к России. Перед сибирской же администрацией Тауке стремился создать видимость единства в этом деле среди казахских владельцев.

Между тем, несмотря на меры, принимаемые Тауке и его окружением, Сары и Кильдей продолжали оставаться в плену, а Сары так и скончался вдали от Родины. Более того, тобольские власти, действуя в данном случае недальновидно и опрометчиво, недостаточно четко ориентируясь в сложной политической ситуации, делали все для противопоставления оставшегося в живых Кильдея хану Тауке. Именно в это время особо ощущается ухудшение русско-казахских отношений. Причем опять-таки сибирская администрация, не разобравшись в обстановке, считала хана Тауке организатором набегов на русские поселения⁸².

Между тем все источники, и в первую очередь русские, свидетельствуют, что лично Тауке не имеет никакого отношения к набегам, ибо они совершались под непосредственным руководством и при прямом участии его противников, а это шло вразрез со стратегической и тактической линией хана Тауке. И когда зимой 1689/1690 г. был совершен налет на российский купеческий караван во главе с Кашкой, а в сентябре 1690 г. у озера Ямышево произошло военное столкновение, хан Тауке направил по этому поводу объяснение сибирской администрации, в котором доказывал, что не имеет никакого отношения к этим инцидентам. «Город без воров, а лес без волков не бывает,— писал Тауке,— иные, бога не боясь, в украинских местах Кашку с караваном пограбили»⁸³. Тауке обещал изловить и наказать налетчиков.

В том же году «киргис-кайсацкая орда с каракалпакками... прикочевала к Сибири и разоряет Тарханский

⁸² «Древняя Российская вивлиофика», ч. VIII. М., 1789, стр. 377.

⁸³ Архив АН СССР, «Списки Тобольской архивы», ч. 2, № 12, лл. 165 об.—166, 171—173.

острог Тюменского округа», а в 1691 г. — слободы Царево-Городище (ныне Курган), Утяцкую (Тобольской губернии) и Куртамышевскую (Оренбургской губернии). Этим, однако, дело не ограничилось. В 1690—1692 гг. имели место нападения на г. Тару и ряд других пограничных слобод⁵⁴.

После этих столкновений сибирский губернатор С. Салтыков предпринял некоторые, хотя и недостаточно результативные, попытки к урегулированию вопроса о взаимных набегах. Взять хотя бы посольство в Туркестан к хану Тауке, направленное в июле 1692 г. в составе Андрея Неприпасова, Василия Кобякова, переводчика Юлуя Шаманаева и сопровождавших их лиц. Посольство это в условиях, когда в российском плену длительное время содержался Кильдей, а его соратник Сары там умер, могло лишь вызвать (и действительно вызвало) раздражение хана.

Тауке принял посольство публично, в присутствии представителей почти всех казахских родов. Кстати сказать, это является подтверждением изменения тактики хана, состоявшей в создании видимости решения вопросов о русско-казахских отношениях лишь при согласовании с авторитетными представителями казахской степи. Если раньше на переговорах с представителями российской администрации Тауке в какой-то степени делал попытки выявления виновников нападений на сибирские слободы, то теперь в переговорах с А. Неприпасовым и В. Кобяковым он не признавал никакой вины своих подвластных в стычках, возлагая всю ответственность за них на Россию.

Обстановка еще больше обострилась после того, как российское посольство не дало гарантии, что незаконно содержащийся в плену Кильдей будет освобожден, продолжая тем самым настаивать на виновности главным образом казахской стороны. Более того, оно продолжало добиваться безусловного освобождения русских пленных, угрожая войной в случае отказа. Не случайно казахские владетели, находившиеся в это вре-

---

⁵⁴ И. В. Щеглов. Хронологический перечень важнейших данных..., стр. 135; «Древняя Российская вивлиофика». М., 1788, ч. III, стр. 276, 278, 283—285. См. также: А. А. Ионин. Описание о постановлении городов и острогов Сибири. «Сибирский архив», 1913, № 9—11, стр. 464, 465, 468—469.

мя у хана, стали даже требовать разрыва всех отношений с сибирской администрацией.

Тауке, однако, не торопился осуществить эти требования, считая, что это нанесло бы значительный урон в первую очередь казахским ханствам. Именно поэтому он распорядился создать минимум условий для российских послов, обещая сделать все для возвращения посольства на родину⁸⁵. В действительности же за этим шагом скрывалось стремление держать послов в качестве заложников до возвращения Кильдея. Юридически Тауке обосновал задержание послов опасностью нападения джунгар и дальностью расстояния от российских владений.

Тем временем набеги на сибирские населенные пункты продолжались. Только в конце 1692 г. было совершено два налета на Ялымскую волость и другие селения Тарского уезда. В середине 1693 г. были произведены опустошительные набеги на русские селения в районе Тобола и Иртыша. Особенно разорительными были нападения на Шипицину слободу, где наряду с большим числом пленных казахов удалось заполучить письмо от Кильдея, в котором он настоятельно рекомендовал казахским владельцам освободить российских послов. В особенности сильным был налет летом 1693 г., который привел к разгрому русско-татарского отряда во главе с Василием Шульгиным в районе озера Семискуль⁸⁶, что в какой-то степени способствовало тому, что сибирская администрация изменила свое отношение к вопросу о задержании Кильдея. К тому же ей стало известно о том, что и посольство А. Неприпасова задерживается казахскими владельцами в основном из-за невозвращения Кильдея.

В октябре 1693 г. тобольская администрация получила распоряжение от своего правительства о направлении в казахскую степь «к Тевки-хану служилых лю-

---

⁸⁵ Интересные сведения об этом посольстве см.: Н. Г. Аполлова. Присоединение Казахстана к России, стр. 116, 167 и др.; Е. Е. Экономические и политические связи Казахстана с Россией..., стр. 52—67 и др. См. также: «Расспросные речи в Сибирском приказе казака Василия Кобякова о пребывании его в Туркестане», «Дополнения к актам историческим», т. X, 1867, стр. 385—390.

⁸⁶ А. П. Чулошников. Казахский союз и Московское государство в конце XVII в. «Известия АН СССР. Серия общественных наук», 1936, № 3, стр. 525.

дей ис казаков, знающих добрых людей» для обмена заложников, но опять-таки с обязательным условием отпуска российских послов первыми.

В рассматриваемый период на общем фоне недоброжелательного отношения к российским представителям в казахской степи прослеживалась тенденция установления дружественных отношений с Москвой, хотя тогда она не могла серьезно повлиять на казахских владетелей. Здесь имеется в виду Тюркуби (тесть Кильдея) — один из видных инициаторов набегов на сибирские поселения, но на которого в какой-то степени повлияло упоминавшееся письмо Кильдея о возвращении российских послов на родину с «честною», как условия для возврата Кильдея⁸⁷.

Надо, однако, иметь в виду, что в степи постоянно действовали антироссийские силы, которые нейтрализовали устремления пророссийских настроенных элементов из числа казахских владетелей. В этом отношении наиболее наглядным является высказывание тобольского татарина Теушко Мергеня в адрес Тюркуби: «А как де их (российских послов.— В. Б.) отпустят и твоему де зятю мурзе Кильдею у Тевки-хана в Орде не бывать и с Руси де его не отпустят»⁸⁸. Это и подобные высказывания оказывали серьезное воздействие на казахских владетелей, которые в конечном счете стали настаивать на задержании А. Неприпасова и сопровождавших его лиц до тех пор, пока в казахскую степь не возвратится Кильдей.

В это же время и Тауке под действием письма Кильдея направил в Тобольск своих послов, возвратив с ними некоторых членов российского посольства. Тауке подобрал для этой миссии надежного человека — Тайкомура Култубая Аталыкова и втайне от своего окружения в начале октября 1693 г. направил его в Тобольск. С ним уехали и члены посольства А. Неприпасова Александр Алемасов и переводчик татарин Юлуй Шаманаев, а также купцы из Туркестана во главе с Ялсеитом Шукуровым со своими товарами. Касаясь посольства Тайкомура, прежде всего следует отметить,

---

⁸⁷ «Дополнения к актам историческим», т. X, стр. 379, 387.

⁸⁸ «Известия АН СССР. Серия общественных наук», 1936, № 3, стр. 528.

что его «допросная речь» окончательно убедила тобольскую администрацию в слабости ханской власти и желании подавляющего большинства казахов укреплять дружественные отношения с Россией. Тайкомур имел задание сообщить тобольской администрации, что единственным условием возвращения посольства А. Неприпасова является освобождение Кильдея. В случае невыполнения этих условий казахский хан угрожал окончательно разорвать русско-казахские отношения. Это должно было привести к тому, что «от него, Тевки-хана, впредь посланцев не будет и на русских людей будет мыслить всякое зло»⁸⁹. Такая позиция, занятая Тайкомуром, должна была, по мнению Тауке, привести к окончательному разрыву отношений с Москвой или же, наоборот, к их улучшению.

Однако и в данном случае главная ставка Тауке делалась на возможное улучшение этих отношений, «когда и по вашей и по нашей милости посланцы и торговые люди будут ездить, и впредь бы вам и нам были добрая слава и меж нашими государствами по вашей и по нашей милости всякие люди во всяком добре поконлись»⁹⁰.

Он ставил в известность русского царя о том, что не поддерживает действий той казахской верхушки, которая совершает нападения на своего соседа: «...Мы такому худому воровству и недоброму делу не рады, и не надобно, и не любим, что меж царствами такие дурости чинятся»⁹¹. По заявлению Тайкомура, которое он сделал в тобольской воеводской избе, Тауке неоднократно собирал своих султанов и требовал прекратить бессмысленные набеги на российские пограничные селения. Он же вел борьбу с теми владельцами, по вине которых производилось задержание российских послов. Ему даже удалось ограничить власть султанов за счет усиления влияния родовой знати — биев и батыров.

Рассматривая ход русско-казахских отношений в конце XVII в., следует учитывать, что и российская сторона была заинтересована в их укреплении не ме-

---

⁸⁹ «Дополнения к актам историческим», т. X, стр. 387.

⁹⁰ «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.», стр. 15.

⁹¹ В. Я. Басин. Из истории русско-казахских дипломатических отношений в XVI—XVII вв., стр. 49.

нее казахского хана Тауке и его окружения. Для создания реальных, необходимых предпосылок к укреплению своих позиций в казахской степи российскому правительству нужно было прикрыть свои тылы, обезопасить свои границы от набегов. Вот почему царское правительство, получив известие о прибытии в Тобольск казахского посольства во главе с Тайкомуром, распорядилось немедленно освободить Кильдея, выдав ему ценные подарки, что и было осуществлено тобольской администрацией.

Освобождение Кильдея приурочивалось ко времени возвращения на родину Тайкомура и направления к Тауке российского посольства в составе тобольских казаков Федора Скибина и Матвея Трошина в 1694 г.⁹² То, что в состав российского посольства не были включены «дети боярские», свидетельствует о неуверенности тобольской администрации в его благополучном исходе в виду создавшихся чрезвычайно напряженных отношений между Россией и Казахстаном.

Проехав по казахским степям свыше двух с половиной тысяч километров, посольство, как и следовало ожидать, было встречено казахской верхушкой весьма прохладно. Она потребовала от хана Тауке не вести переговоров с российскими посланниками. Это еще больше обострило обстановку. В результате в марте 1695 г. Тауке вынужден был распорядиться задержать в Туркестане посольство А. Неприпасова, а также Ф. Скибина и М. Трошина⁹³.

А далее события развивались следующим образом. В октябре 1695 г. члены российских посольств, за исключением А. Неприпасова и переводчика Уразая, скончавшихся в Туркестане, совершили побег в Бухару; причем значительная роль в их побеге принадлежит хану Тауке, который тайно от своих политических противников обеспечил членов посольства ярлыками на право проезда в Бухару⁹⁴.

⁹² Н. Г. Аполлова. Присоединение Казахстана к России, стр. 188.

⁹³ А. В. Панков. Из истории торговли Средней Азии с Россией с 1675—1725 гг., стр. 47—48. «Древняя Российская вивлиофика», ч. III. М., 1788, стр. 287; В. Я. Басин. Из истории русско-казахских дипломатических отношений в XVI—XVII вв., стр. 49.

⁹⁴ «Дополнения к актам историческим», стр. 379—381, 388.

Преодолев многочисленные препятствия, Ф. Скибин, М. Трошин и другие в 1697 г. возвратились в Тобольск. Основываясь на сведениях посольств, в соответствии с «боярским приговором» от 10 января 1696 г. и грамотой Петра I от 14 февраля 1697 г. была составлена карта, на которую нанесли путь посольств от Тобольска до Туркестана и оттуда через Бухару на Яик, Волгу и через Уфу в Тобольск.

От членов посольств стало известно ориентировочное разделение границ между Казахстаном, Хивой и Бухарой. В частности, по их данным, казахские жузы занимали северную часть степи и отделялись на юге от среднеазиатских оазисов предгорьями Тянь-Шаня. Ф. Скибин и другие члены посольств сообщили, что Средний и Старший жузы находились в зависимости от джунгар лишь «со среднего течения Сырдарьи до гор Тянь-Шаня, включая город Туркестан», где располагались казахские кочевья во главе с ханом Тауке. Что касается нижнего и частично среднего течения Сырдарьи, то здесь располагалась полуоседлая народность каракалпаки. На левобережье Сырдарьи, западнее ее низовьев, лежали владения хивинского хана (они распространялись и на пески Кызылкумов). Наконец, к западу от средней Сырдарьи до среднего течения Аму-дарьи располагалась Бухара⁹⁵.

Представляют интерес сообщения посольства Ф. Скибина о том, что казахи в основном жили по кочевьям, что у них очень мало пахотной земли и что в городах жили в основном пленные бухарцы, которые «свинец де плавят и порох де чинят». Заслуживают внимания описанные Ф. Скибиным и М. Трошиным встретившиеся на их пути казахские города Сыгнак, Ок-Карген, Сузак, Туркестан, Отрар, Сайрам и другие (всего 20 городов)⁹⁶, которые являлись «постоянным яблоком раздора между казахскими и узбекскими феодалами, что тормозило развитие производительных сил края» и губительно сказывалось на хозяйстве земледельцев и кочевников⁹⁷. Сыгнак, Туркестан и Сайрам

⁹⁵ «Русский архив», 1867, год V, стр. 395—402.

⁹⁶ «Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР», стр. 265.

⁹⁷ Г. Ф. Дахшлейгер. Казахские ханства в XVI—XVII вв., стр. 173, 175.

«являлись крупными торговыми центрами, игравшими роль посредников между кочевниками-казахами и оседлым населением Средней Азии»⁹⁸. Что касается города Сузака, то в XVII в. он превратился в своеобразный стратегический пункт в борьбе с Джунгарией.

Довольно интересные сведения о Казахстане этого периода приводит Н. Г. Аполлова, ссылаясь на русско-го казака Василия Кобякова, посланного из Тобольска сибирским губернатором С. Салтыковым к Тауке для выяснения причин набегов казахов на слободы Тобольского уезда в составе посольства Ф. Скибина и М. Трошина. В своих «расспросных речах» в Сибирском приказе Кобяков рассказал о том, что у хана Тауке «под владением... казачьих городов 25, в которых живут торговые бухарцы». При этом Кобяков отметил: «А города у них, Тевки хана, все сделаны из сырого кирпича... А хлеб у Тевки хана родица многое число, пшеница и ячмень и проса, а хлеба сеют озимые и яровые. А рогатова скота и коров у них, казаков, нет, а баранов и овец и лошадей многое число, а питающа скотом»⁹⁹.

Обмен посольствами на рубеже XVII—XVIII вв. не только расширил политические и торговые связи с казахскими ханствами, но и оказал неоценимую услугу географической науке, которая обогатилась новыми сведениями о крае. Как известно, сведения российских посольств, пролившие новый свет на топографию и гидрографию Аральского и Каспийского морей и земель по Сырдарье и Амударье, позднее вошли в «Книгу Большого Чертежа».

Между тем к концу XVII в. сложившиеся взаимоотношения между казахскими ханствами и российскими пограничными линиями нельзя было считать нормальными. По существу на границе с Сибирью господствовала весьма напряженная обстановка. Только в 1695 г. зафиксировано несколько столкновений отрядов казахских владетелей с жителями сибирских сел¹⁰⁰. Набеги повторялись и в последние годы века. Не случайно в

---

⁹⁸ С. К. Ибрагимов. Указ. соч., стр. 40.

⁹⁹ «Дополнения к актам историческим», т. X, стр. 389—390. См. также: В. В. Бартольд. Очерк истории Семиречья. «Памятная книжка Семиреченского статистического комитета», вып. 11, 1898, стр. 164.

¹⁰⁰ «Дополнения к актам историческим», т. X, стр. 382.

1699 г. томские, красноярские и кузнецкие служилые люди в своих «расспросных речах» в Сибирском приказе сообщали о нападениях «киргизских воровских людей» на эти населенные пункты «повсягоду и почасту», результатом которых был угон скота и убийство людей¹⁰¹. Еще в марте и июне 1681 г. царскими грамотами кузнецкому воеводе Петру Дубровскому было разрешено не взимать ясака с кузнецких служилых людей в виду понесенных ими больших потерь «от недавних набегов киргизов и белых калмыков»¹⁰². И хотя в данном случае это были не казахи, а предки современных киргизов, их нападения резко обостряли русско-казахские отношения, ибо направлявшиеся в степь для «мщения» русские отряды, как правило, обрушивались на тех казахов, которые не были причастны к этим нападениям, а настоящим виновникам удавалось скрыться без наказания.

В этих условиях следует констатировать окончательный провал политики Тауке установить на том этапе устойчивые связи с Россией. Хан Тауке во всем обвинял неуклюжие акции тобольской администрации, предпринимавшей попытки задержки Кильдея, что явилось официальным поводом для антироссийских выступлений. В связи с этим Тауке предпринял меры, направленные на ухудшение положения русских военнопленных.

Но было бы ошибочно считать, что царское правительство не реагировало на нападения на российские селения.

Кроме направления посольств и создания укрепленных линий со стороны царского правительства предпринимались и другие меры для обеспечения безопасности своих границ. В частности, 23 марта 1683 г. правительница России Софья Алексеевна направила грамоту кузнецкому воеводе П. Дубровскому о наказании тех, кто совершал налеты на селения Томского и Красноярского уездов. Принимались меры и по охране купеческих караванов. В июне 1699 г., например, специальным воеводским наказом русскому дворянину Феофи-

---

¹⁰¹ Н. Г. Аполлова. Присоединение Казахстана к России, стр. 188, 165.

¹⁰² «Акты исторические», т. V, № 67, 70, стр. 99, 103.

лову предписывалось возглавить военный отряд для сопровождения судов, идущих за солью на озеро Ямышеву. 5 января 1701 г. в наказных статьях керчинскому воеводе, хотя и предписывалось не начинать «неприязненных действий против киргизов, калмыков и других», однако в случае их нападения «на ясашных людей в Сибири» воевода должен был направлять против них воинские команды и информировать об этом правительство¹⁰³.

В то же время российская администрация приняла меры к изоляции казахских ханств путем противопоставления им джунгар, хунтайджи которых Цеван-Рабтан, сломив к этому времени сопротивление своих политических противников, в 1697 г. узурпировал джунгарский престол. Свою деятельность он начал войной с казахским ханом Тауке в 1698 г., которая положила начало новой полосе вооруженных столкновений между джунгарскими и казахскими владетелями. С этого времени опасность со стороны Джунгарии постепенно превратилась в главную для самостоятельного существования Казахстана в связи со стремлением ойратов расширить свои кочевья. Немалое значение имело также домогательство различных феодальных группировок Джунгарии и Казахстана поставить под свой контроль все караванные пути и центры торговли¹⁰⁴.

В этих условиях казахская степь оказалась почти изолированной на международной арене. Крайне обострились противоречия с ее могущественным северным соседом Россией. С востока и северо-востока угрожала Джунгария. Находившийся в декабре 1698 г. в Тобольске джунгарский посол Калабай сообщал уже о летнем военном походе джунгар против казахов в район бассейна рек Чу и Талас, принесшем значительный ущерб казахам, потерявшим несколько тысяч убитыми и до десяти тысяч плененными.

Именно в это время подавляющее большинство окружения Тауке начинает убеждаться в бесперспективности нападений на российские пограничные поселения, которые не только не компенсировали затрат, но и в

¹⁰³ Там же, № 288, стр. 250; ПСЗРИ, т. IV, № 1822, п. 50, стр. 123.

¹⁰⁴ И. Я. Златкин. История Джунгарского ханства, стр. 323—387.

большинстве случаев приносили им прямые убытки. Поэтому все больше обнаруживается тенденция вести дело на мирное урегулирование нерешенных вопросов между Казахстаном и Россией. Хан Тауке предпринял новые попытки к улучшению отношений с Россией. В частности, в 1702 г. было принято решение о направлении на Ямышевское озеро специального казахского посольства, которому, однако, не суждено было осуществиться из-за угрозы перехвата его джунгарскими владетелями. Кстати сказать, угроза эта затем переросла в настоящее бедствие для казахского народа.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

УСТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМАТИЧЕСКИХ РУССКО-КАЗАХСКИХ СВЯЗЕЙ И ИХ ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ

1. Начало присоединения Казахстана к России

Казахстан в XVI—XVIII вв. являлся страной, народ которой занимался главным образом кочевым скотоводством. Родовые объединения кочевали на определенных территориях с хорошими пастбищами и водопоями. Разумеется, это не значит, что у казахов еще в XVI в., не говоря уже о XVII—XVIII вв., не было зимних стоянок.

Что касается земледелия и домашней промышленности, которые тесно переплетались со скотоводческим хозяйством, то они были развиты слабо. Земледелие, например, существовало лишь в той части степи, которая примыкала к «культурной полосе Туркестана и находилась вблизи караванного пути»¹. Городские поселения располагались на юге страны.

В общественном строе казахов в то время господствовали раннефеодальные и патриархально-родовые отношения. Главной хозяйственной единицей являлся аул — союз ряда кровно-родственных семей, во главе которого стоял аксакал (старейшина), а иногда влиятельное лицо наистарейшего рода.

Несколько аулов составляли объединение во главе с представителями знати — биями и батырами. Они распределяли кочевья; лучшие пастбища доставались господствующей верхушке. Рядовым скотоводам (шаруа), имевшим мизерное количество скота, выделялись самые плохие пастбища.

---

¹ А. П. Чулошников. К истории феодальных отношений в Казахстане в XVII—XVIII вв., стр. 500.

Родовое начало поглощало почти все личные права рядовых членов казахского общества. Родона начальники, стоя во главе родов, чинили суд и расправу над своими соплеменниками.

Хотя казахские роды были склонны к спокойной пастушеской жизни, их властители «постоянно увлекали в борьбу из-за власти и народные массы в новые распри между собой... и с соседями»².

В политическом отношении Казахстан в то время состоял из трех жузов, во главе которых стояли ханы, не подчиняющиеся друг другу. Не было единства и в самих жузах, в которых шла постоянная междоусобная борьба за власть и пастбища³. Политическими властителями степи являлись ханы Тауке (умер в 1715 г.), Каип (убит в 1718 г.), Абулханр (убит в 1748 г.) и др. Власть этих ханов, в виду отсутствия экономической базы для ее централизации была номинальной. Казахские ханы действовали разрозненно и нецелестремленно. «Они (ханы. — В. Б.), — писал И. И. Неплюев, — пред другими салтанами, кроме предпочтения, во власти своей почти никакого преимущества не имеют и по состоянию народному усилиться и абсолютным сделаться им не только трудно, но и невозможно, ибо через одни интриги и военное искусство один над другим преуспевают, почему и титул ханский достают»⁴.

К этому следует добавить угрозу захвата казахских жузов Джунгарским ханством, особенно усилившуюся в первые десятилетия XVIII в. Джунгарская экспансия сразу же обнаружила хозяйственную, политическую и военную слабость казахских жузов. Джунгары, хотя и ненадолго, сравнительно легко захватили часть Старшего жуза и значительно ослабили связи между остальными владениями казахской степи.

---

² А. Добросмыслов. Сведения о народах, населявших нынешнюю Тургайскую область до присоединения киргиз Малой орды к России. «Тургайские областные ведомости», 1899, 12 марта, № 11.

³ Об этом см.: Н. Г. Аполлова. Указ. соч.; С. З. Зиманов. Указ. соч.; А. Еренов. Очерки по истории феодальных земельных отношений у казахов. Алма-Ата, 1960; С. Е. Толыбеков. Общественно-экономический строй казахов в XVII—XIX вв. Алма-Ата, 1969; В. Ф. Шахматов. Казахская пастбищно-кочевая община. Алма-Ата, 1964.

⁴ АВПр, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1748, д. 3, л. 214.

Яркой иллюстрацией положения, сложившегося в это время в казахских жузах, служат следующие слова батыра Букенбая, сказанные им в беседе с А. Тевкелевым в Орской крепости 20 июня 1748 г.: «Когда Киргис-кайсацкая орда в подданство Российской империи была не принята, не ото всех ли сторон они по своим поступкам всегда беспокойства принимали, почти ото всех повсюду бегая, как зайцы от борзых собак, разорялись и свой скот, бегая, сами бросали, а иногда случаются в самой необходимой нужде жен и детей брося, только сами уходили... Когда зюнгорские калмыки нападут, побегут в сторону, а башкирцы нападут, то уходили в другую сторону, а волжские калмыки и яицкие казаки и сибирское войско нападут, тогда они уже бегать и места себе не находили, принуждены были от своего непостоянства кто куды попасть мог успеть разбредись...»⁵.

С начала XVIII в. все более усиливается обмен посольствами между Россией и другими странами Востока. Это посольства «дворянина Трушникова с казаками» в Северный Тибет в 1714—1716 гг., экспедиция 1719 г. под руководством Колмакова, Урусова и Сомова для исследования озера Нор-Зайсан и Черного Иртыша, двукратная поездка в Джунгарию (в 1713 и 1720 гг.) в качестве посла Ивана Чередова, а также Унковского и Угрюмова (в 1722 и 1732 гг.) и др. Все они объективно способствовали развитию русско-казахских отношений, поскольку поддержание связей с государствами Азии делало неизбежными контакты представителей российского правительства с казахскими владетелями.

В это же время усиливается поток российских посольств в Казахстан и казахских в Россию. Среди них в особенности следует отметить посольство «хана Каипа и народа» во главе с Бекбулатом Екешевым и Байдаулетом Буриевым в сентябре 1716 г., ответное посольство во главе с сыном Тобольского боярина Никитой Белосусовым в октябре 1716 г., посольства Бориса Брянцева в конце 1717 г., Абулхайра во главе с Шабу и Багадуrom в октябре 1718 г. и др.⁶

---

⁵ Там же, л. 135.

⁶ Об этих посольствах см.: В. Я. Б а с и н. Казахстан в системе внешней политики России в первой половине XVIII в.

В результате этих посольств появилась реальная возможность для подписания соглашения между российской администрацией и казахскими владетелями о совместной борьбе с джунгарами. Казахи получили возможность торговать в районе Ишима. Так, в грамоте, посланной казахскому хану весной 1717 г. из Казани, говорилось: «А ежели от них (казахов.— В. Б.) торговые люди присланы будут, то они примутца благодарно и торг им будет свободный безо всякие обиды и в городах какие вам подлежат товары в вашу сторону, покупку и отпуском запрещения никакого не будет»⁷.

В постановке вопросов экономической политики относительно казахских ханств казанская администрация стояла на тех же позициях, что и сибирская — установление дружественных и союзнических отношений с казахами, имея в виду возможное использование их против Джунгарии. Однако казанская администрация с самого начала развивала более активную переписку, добиваясь, очевидно, если не полного, то хотя бы частичного подданства казахских ханств и превращения их вассалов русского государства. Это видно из грамоты казанского губернатора П. С. Салтыкова от 29 марта 1717 г., отправленной в казахскую степь с посольством Федора Жилина. В ней предлагалось казахскому хану в «знак своей же верности прислать посланцев своих и письменное веление с подписанием рук своих, что по закону своему в правоверности своей при его пресветлейшего царского величества державе мирна жить и служить вы желаете»⁸.

Такой неожиданный оборот дела совсем не входил в расчеты казахской феодальной верхушки, и, по-видимому, не без связи с этим произошла откочевка из Туркестана в сторону Сибири многих знатных и богатых казахских владетелей и приближенных Каип-хана. Поэтому же Каип-хан озлобился и против российских посланцев, задержанных им под разными предлогами почти до конца 1718 г.⁹

В этой связи следует рассматривать и набеги в

---

⁷ «Памятники Сибирской истории XVIII в.», кн. II. СПб., 1885, стр. 155.

⁸ Там же, стр. 156—157.

⁹ Там же, стр. 159.

1717—1718 гг. на казанский уезд смешанных казахско-каракалпакских отрядов под предводительством выходца из России татарина Сеита и его племянника Абдремана Таукина. По этой же причине вплоть до конца 1718 г. не были присланы в русские поселения купцы из казахской степи.

Лишь со стороны Сибири не прекращался обоюдный обмен посольствами, постоянно подчеркивавшими взаимное стремление к миру и развитию торговых сношений друг с другом. Но и здесь, несмотря на более сдержанную политику российской администрации, происходившие переговоры мало удовлетворяли казахских владетелей, ибо и они оставляли еще открытым вопрос о непосредственной и реальной поддержке казахов в их борьбе с Джунгарией.

Под этой нечеткостью действительной позиции Российского правительства относительно ожидаемой от него военной помощи скрывалась старая, давно испытанная политика царизма зондирования условий для использования казахов прежде всего в собственных интересах. Поэтому не следует удивляться, что, как только положение несколько выяснилось и в Тобольск, а затем и в Казань начали поступать сведения о политической слабости казахских ханств, царские власти стали меньше интересоваться поддержанием дальнейших сношений с казахской степью в связи с невозможностью использования ее в качестве силы при разрешении вопросов среднеазиатских политических взаимоотношений, в которые втягивалось тогда российское государство.

В конце концов сам же Каип открывал перед царскими властями свою слабость, когда в письме к князю Гагарину, изъявляя готовность «идти на хунтайджи», обращался, однако, с просьбой «силы прислать, и силы пришлют, и мы готовы и воеватца или миритца, вместе быть и при его великого государя здоровье и счастье обеих бы земель в добродетели и в угомоне быть»¹⁰. То же самое он повторил и в письме к казанскому губернатору П. С. Салтыкову. Не случайно российская администрация довольно равнодушно встретила и отказ хана Каипа признать над своей страной в ка-

¹⁰ «Памятники Сибирской истории XVIII в.», кн. II, стр. 167.

кой бы то ни было форме российский протекторат, чего она еще так недавно добивалась. Прибывшие в Казань в декабре 1718 г. казахские посланцы во главе с Тайкомуром Култубаевым были выслушаны местной администрацией без всяких возражений, когда они сообщили лишь об одном желании хана находиться в союзнических отношениях с Российским государством, сохраняя вечный мир, но нисколько не намекая на какие-либо отношения подданства. Чтобы показать, насколько поддержание связей с казахами стало мало интересоваться местные российские власти, стоит обратить внимание хотя бы на письмо Абулхайра Петру I, в котором он сообщает о готовности служить российскому государю «не токмо на конях», но и «пешей рад»¹¹. Это заявление Абулхайра, однако, нисколько не было поощрено местными российскими властями и не нашло никакого отклика в ответной грамоте, отправленной Абулхайру в январе 1719 г.¹²

В условиях, когда истинное положение неудавшегося союзника достаточно выяснилось, российская администрация легко выбрасывала его из своей политической игры. Это и нашло свое отражение в упомянутой выше грамоте, в которой говорилось, чтобы «впредь с ним, контайшою, он, Каип-хан, управлялся, как ему по своему намерению достойно»¹³.

В этот период в особенности после смерти Петра I несколько ослабли связи России с казахскими ханствами, среднеазиатскими и другими восточными государствами.

Так завершился первый этап взаимоотношений царской России с казахскими ханствами.

Было бы, однако, неправомерным делать из всего этого вывод о полном игнорировании правительством Петра I казахских ханств как объекта его азиатской политики. Изменились лишь формы взаимоотношений и ослабла непосредственная заинтересованность в постоянных связях. По существу и в эти годы казахская степь не уходила совсем из поля зрения российской

¹¹ См.: В. Я. Б а с и н. Казахстан в системе внешней политики России в первой половине XVIII в., стр. 73.

¹² АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1718, д. 1, лл. 10 об.— 12 об.

¹³ Там же, л. 12.

дипломатии. По крайней мере, мысль о ней как воротах в Среднюю Азию не оставляла Петра I и во время Персидского похода, и после возвращения оттуда, и при разработке им нового плана российской политики по отношению к Средней Азии. Трудно сказать, шла ли тут речь о ближайшем и непосредственном подведении «всех киргис-кайсацких орд в российское подданство», как это хочет представить в своих последних воспоминаниях А. Тевкелев, но во всяком случае установление с казахскими ханствами прочных и определенных отношений признавалось совершенно необходимым. Тем более в этом ощущалась потребность в связи с тем, что с 20-х годов XVIII в. снова участились набеги казахов на русские поселения, вынудившие царское правительство послать против них специальные воинские команды. Одновременно со второй половины тех же 20-х годов возобновились башкирско-казахские взаимные нападения. Между тем, не ослабив причин нападений, нечего было и думать об осуществлении плана Петра I по отношению к Средней Азии. Этот план был тесно связан с дальнейшим упрочением российского господства в Башкирии и имел своей целью «путь в полуденную Азию отворить». Конечно, Петр I не мог рассчитывать на какой бы то ни было успех без предварительного урегулирования политических контактов с казахской степью.

Такова была предпосылка нового этапа русско-казахских взаимоотношений. Но в данный момент он не получил своего практического выражения в связи со смертью Петра I и общей заминкой в развитии восточной политики России. И только в 30—50-х годах в уже заметно видоизмененном варианте план Петра I получил некоторое осуществление.

Это были годы, когда создавшаяся обстановка требовала активизации процесса присоединения Казахстана к России. Именно в это время российское правительство предприняло решительные акции по проникновению в казахскую степь, а затем и закреплению там своих позиций.

Выше уже отмечалось, что одним из факторов, тормозивших развитие экономики Казахстана, явилась опасность извне. «С самого начала своего владения,— читаем мы в журнале капитана Унковского, — он, кон-

тайша (имеется в виду Цеван-Рабтан.— В. Б.), войска содержит против Казачьей орды около тридцати тысяч и многих оных казахов повоевал»¹⁴. Эту угрозу можно было устранить лишь путем упрочения русско-казахских связей.

Ряд казахских владетелей, в частности Абулхаир и его окружение, уже тогда понимали, что предотвратить нападение со стороны Джунгарии может лишь такое государство, как Россия. Вот почему тема борьбы с джунгарами и просьба об оказании Россией помощи в этом деле не сходят со страниц писем, которые направляли казахские владетели российскому правительству. Эта же тема является главной в заданиях казахским посольствам, направлявшимся в Россию. Однако казахские господствующие классы захлестывала усобица, борьба за власть в крае, нередко завершавшаяся вооруженными столкновениями. Все это ослабляло Казахстан и в конечном итоге, когда хорошо подготовленные в военном отношении джунгары напали на жузы, казахи, по существу, оказались неподготовленными к отпору.

Именно на это обстоятельство обратил внимание в мае 1734 г. начальник Оренбургской комиссии И. Кирилов в своем представлении Анне Иоанновне, указав, что когда Старший, Средний и Младший жузы жили в согласии, «то имели во владении своем знатные провинции и города Туркестан, Сайрам, Ташкент, и иные к ним принадлежащая местечка», лежащие вдоль Сырдарьи. Когда же эти жузы «вошли не в согласие, то зенгорской калмыцкой владелец Контайша у них все оные провинции отнял. С той обиды все те киргискайсацкие орды с зенгорскими калмыками в непристойной войне и могли б тех калмык одолеть, ежели б обще согласились, а у них один как с войной пойдет, а другой оставляет, и так свое владение у калмык теряют»¹⁵.

В связи с вторжением в казахские жузы джунгар для казахов сложилось чрезвычайно тяжелое положение

¹⁴ «Посольство к зюнгорскому хунтайджи Цеван-Рабтану Ивана Унковского». «Записки ИРГО по отделению этнографии», т. X, вып. 2, 1887, стр. 193.

¹⁵ «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.», стр. 107—108.

ние, которое достигло своей кульминации в 1723 г. Как известно, этот год вошел в историю как «Актабан шуб-рунды» («Великое бедствие»). Джунгарские войска во главе с Шуно-Дорба, сыном Цеван-Рабтана, нанесли сокрушительное поражение казахам. Несмотря на сопротивление казахов, которое возглавили батыр Младшего жуза Тайлан, Среднего — Бокенбай (во главе объединенных казахских сил стоял отличившийся своей храбростью и полководческими данными Абулхаир), и победы казахов над джунгарами у речки Буланты (приток Сары-Су) в 1726 г. и к югу от озера Балхаш в 1729 г.¹⁶, нашествие джунгар не было приостановлено. Дело в том, что в этих сражениях участвовали не все вооруженные силы Джунгарии, а лишь ее часть. К тому же отдельные эпизодические поражения джунгарских войск в целом не могли подорвать производительные силы Джунгарии, которые, как известно, были значительно мощнее казахских. В то же время нашествие джунгарских феодалов до основания потрясло экономическую и политическую жизнь казахского общества и соседствующих с ним народов — каракалпаков, узбеков и др. Для казахского же народа оно стало подлинным национальным бедствием. «Преследуемые повсюду свирепыми джунгарами,— пишет Ч. Ч. Валиханов,— киргисцы, подобно стадам испуганных сайгаков..., бегут на юг, оставляя на пути свое имущество, детей, стариков, домашний скерб и исхудалый скот, и останавливаются: Средняя орда — около Самарканда, Малая — в Хиве и Бухаре... Не находя в среднеазиатских песчаных степях сытных пастбищ и вступив во вражду с новыми соседями, киргисцы обращаются к границам могущественной России, чтобы искать ее помощи и покровительства»¹⁷.

¹⁶ Я. Гавердовский. Обзорение киргиз-кайсацких степей. ЛОИИ, отдел рукописей, д. 34329, ч. II, лл. 52—52 об. См. также: Н. Г. Аполлова. Присоединение Казахстана к России, стр. 135—136.

¹⁷ Ч. Ч. Валиханов. Собр. соч., т. I. Алма-Ата, 1961, стр. 427. В этой связи приведем еще одно заслуживающее внимания свидетельство В. Н. Витевского: «Киргизы Малой и Средней орды,— пишет он,— теснимые с юго-запада калмыками, с севера башкирами и сибирскими казаками, с востока зюнгорами, придвинулись в начале XVIII ст. к русским границам и просили Петра I о принятии их в русское подданство, но Петр I, занятый

Между тем вторжение джунгар в Казахстан создало чрезвычайно сложную обстановку не только для казахского народа, но и для волжских калмыков (западной ветви джунгар) и азиатских владений России. С одной стороны, волжские калмыки были заинтересованы в поражении казахов, рассчитывая таким путем оттеснить их от богатых пастбищ между Уралом и Волгой. Но победы джунгарских войск над казахскими вели к тому, что казахские скотоводы вынуждены были отступать на запад — к Уралу и Волге, что создавало угрозу для кочевий волжских калмыков. Сложность обстановки усиливалась еще и тем, что российское правительство оказывало помощь волжским калмыкам (как своим подданным) в борьбе с казахами, так как Россия не была заинтересована в переходе казахов на правый берег Урала. Россия была вынуждена отстаивать от джунгар далеко протянувшуюся Иртышскую линию и в соответствии с указом Петра I от 19 января 1721 г. ни в коем случае не обострять отношений с последними и даже установить с ними торговые связи. Усиление же Джунгарии за счет обессиленных казахских ханств заставило Петра I уделить серьезное внимание данному вопросу. В виду этого для получения сведений о событиях за Иртышом к джунгарскому владетелю был направлен посол Иван Унковский, прибывший туда в конце 1722 г.

Единственный выход, который видела наиболее дальновидная правящая казахская верхушка в сложившейся обстановке, состоял в принятии российского протектората. От решения этого вопроса по существу зависела судьба казахского народа. Поэтому ходатайство о российском протекторате становится основной задачей казахских посольств в России и русско-казахской дипломатической переписки. Все это знаменовало качественно новый этап в отношениях между Россией и казахскими ханствами.

Значительную роль при решении вопроса о российском протекторате казахских ханств сыграл видный военный и политический деятель хан Абулхаир, сумев-

---

войной со Швецией, отклонил на время их пожелание». См. В. Н. Витевский. Иван Иванович Неплюев. Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г., вып. 1. Казань, 1889, стр. 134—135.

ший лучше других правильно оценить сложную внутреннюю и международную ситуацию, в которой оказались казахские ханства, и ранее других понять, что устранить угрозу со стороны Джунгарии и прекратить внутренние усобицы можно лишь с помощью военной мощи России в условиях включения Казахстана в ее состав.

Еще в начале 1725 г. в Петербург было направлено казахско-каракалпакское посольство, которое от имени казахских и каракалпакских владетелей обещало оказывать помощь России в борьбе с любым врагом. «Мы, нижайшие рабы Ваши,— говорилось в письме от 15 января 1725 г. на имя русского царя,— ежели что повелено от Вашего величества к услужению будет, на что склонность наша служить Вашему величеству главами нашими готовы... единогласно о сем объявляем»¹⁸.

Ответом на это посольство явилась встреча в 1726 г. в каракалпакских степях российского посланника мурлы Максюты Юнусова с Абулхаиром, в ходе которой шли переговоры о принятии казахами российского протектората. Абулхаир тут же направил в Петербург посольство во главе с Койбагаром Кобековым с заданием добиться «протекции» России, подобно волжским калмыкам. Иначе говоря, перед посольством Койбагара Кобекова ставилась задача добиться разрешения права кочевок между владениями башкир и р. Уралом, «чтобы был обеспечен свободный проезд в Россию, безопасность от яицких казаков и башкир, а также разрешено было произвести размен пленных в Уфе». Казахи просили возвратить пленных в обмен на русских пленных и обещали «служить во всякой верности и по указам е. в., когда наряды имеет против каких неприятелей»¹⁹.

Однако миссия Койбагара Кобекова окончилась неудачно, ибо, как указывалось в решении Коллегии иностранных дел, «пользы, чтоб под протекцию е. и. в. быть, не находится»²⁰. Такое решение связано с тем, что

---

¹⁸ А. Бирзе. К истории каракалпаков в XVIII в. «Красный архив», 1938, т. 6(91), стр. 240. См. также: С. Камалов. Каракалпаки в XVIII—XIX вв. Ташкент, 1968, стр. 36.

¹⁹ В. Лебедев. Из истории сношений казахов с царской Россией в XVIII в. «Красный архив», 1936, т. 5(78), стр. 188.

²⁰ АВПр, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1726, картон I, лл. 38 об.—39 об.; ЦГИА СССР, ф. 1374, оп. 2, д. 1823, л. 24.

принятие казахов под российскую «протекцию» повлекло бы за собой ухудшение взаимоотношений с Джунгарией. Поводом же для отказа послужило отсутствие доказательств о полномочии посольства Койбагара Кобекова. Но эти переговоры подготовили почву для упрочения русско-казахских связей.

Несмотря на неудавшуюся попытку, Абулхайр-хан оставался на той точке зрения, что калмыки и башкиры, давно уже находившиеся под российской «протекцией», были ограждены от разорительных набегов соседних владетелей. Как указывается в «Книге Азиатского департамента», Абулхайр рассчитывал, что с принятием российской «протекции» «он и над зюнгорцами реванш получить сможет»²¹, то есть со временем отобрать казахские земли, захваченные джунгарами.

В сентябре 1730 г. в Уфу прибыло посольство Абулхайра во главе с Сейткулом Койдагуловым и Кутлумбетом Коштаевым, которое вручило послание Анне Иоанновне с просьбой о включении Казахстана в состав Российской империи. «Мы, Абулхайр-хан, — указывалось в послании, — с подвластным мне многочисленным... народом Среднего и Малого жузов, все преклоняемся перед Вами,... желаем Вашего покровительства»²².

В послании Абулхайра обращает на себя внимание тот немаловажный факт, что хан делает упор на весьма напряженные взаимоотношения казахов с башкирами. Это же подтверждается и «кондициями» (условиями) «протекции» казахов, в которых говорится, что башкиры «с ними (казахами. — В. Б.)... не мирятся». Между казахской и башкирской степью имели место существенные противоречия, которые наносили большой ущерб обеим сторонам. В «Книге Азиатского департамента» приводятся сведения о том, что наблюдалось много нападений казахов на башкирские земли особенно в 1715 г.²³ Не случайно поэтому Абулхайр рассчитывал, по-видимому, на то, что принятие российско-

²¹ «Книга Азиатского департамента № 21», л. 78 об. «Красный архив», 1938, т. 2(87), стр. 134.

²² АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, оп. 122/I, 1730—1731, д. 6/н, л. 45 об.

²³ «Красный архив», 1938, т. 2(87), стр. 144. Имеется в виду набег Абулхайра на Ново-Шешминск.

го подданства устранил эти противоречия. Характерно, что и в «кондициях» мы встречаем слова: «...дабы повелено было им (казахам.— В. Б.) с оными башкирцами быть в миру и соединении»²⁴.

Таким образом, надо полагать, что стремление казахов и башкир оградить себя от взаимных нападений (угон скота, лошадей, разорение населения и т. п.) явилось также одной из причин, ускорившей решение вопроса о принятии казахами российского протектората. Одновременно с этим Абулхаир рассчитывал в случае принятия российского подданства опереться на могущественную Россию против Джунгарии, расширить торговлю с нею, получить право пользоваться пастбищами между Волгой и Уралом. Иначе говоря, в это время «тяга под владычество России имела единственную причину — поиски выгодного сюзерена-покровителя»²⁵, что являлось благоприятным выходом из создавшегося тяжелого положения для казахского народа в связи с внешнеполитической опасностью и внутренними распрями.

При этом, однако, не надо упускать из виду весьма важные побудительные мотивы Абулхаира использовать подданство России в корыстолюбиво-эгоистических целях — укрепление единоличной власти в крае при помощи российского оружия, что шло вразрез с интересами других крупных казахских владетелей, видевших в Абулхаире своего ближайшего соперника. Этим в основном и объясняется сопротивление некоторых казахских султанов, биев и старшин курсу Абулхаира на принятие российского протектората. Каждый из них в отдельности хотел бы воспользоваться этим поводом для утверждения своего могущества в степи.

Что касается правительства России, то оно прежде всего рассчитывало с принятием казахов в российское подданство превратить территорию Казахстана в опорную стратегическую базу для осуществления своей внешней политики на Востоке. Вместе с тем оно имело в виду, что в связи с этим будут созданы условия, при которых казахи должны будут выполнять поручения

---

²⁴ «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.», стр. 49.

²⁵ П. Г. Галузо. Аграрные отношения на юге Казахстана в 1869—1914 гг. Алма-Ата, 1965, стр. 11.

военного характера. В частности, оно рассчитывало использовать казахских ханов для подавления башкирских и калмыцких восстаний, ибо, как указывал Ф. Энгельс, «натравливать народы друг на друга, использовать один народ для угнетения другого, чтобы таким образом продлить существование абсолютной власти,— вот к чему сводилось искусство и деятельность всех существовавших доселе правительств и дипломатов»²⁶.

В этой связи уместно привести выдержку из донесения И. Кирилова Анне Иоанновне: «Понеже калмыки давно подданные е. и. в. также и башкирцы, а к тому ныне прибыл третий народ киргиз-кайсацкий, а один з другим весьма несогласные, да и впредь всегда их в том содержать надобно и, ежели калмыки какую противность покажут, то можно на них киргизцев обратить..., а напротив того, буде многие кайсаки что сделают, то на них калмык и башкирцев послать и тако друг друга смирять и к лучшему послушанию приводить без движения российских войск»²⁷.

Мысли Кирилова перекликаются с высказываниями А. Тевкелева, который в апреле 1733 г. доносил в Коллегию иностранных дел: «А оные киргиз-кайсаки, также калмыки и башкирцы, признаются одного состояния — народ дикой и легкомышленной, ежели паче чаяния... из них который один учинится российской стороне противным, то можно другие два народа против оного одного противника послать и можно надеяться, что без затруднения к тому российского войска оного противника ими самими усмирить можно»²⁸. Иначе говоря, здесь сравнительно легко нашел применение принцип «разделяй и властвуй».

Царское правительство рассчитывало, что принятие казахов под свой протекторат обезопасит юго-восточные границы России, ибо «они (казахи.— В. Б.) в верности себя содержать будут и тамошние подданные (яицкие казаки, башкиры, калмыки.— В. Б.) в покое от них останутся, а хотя б того не учинили (т. е. если казахи не примут российский протекторат.— В. Б.), то иного из

²⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 5, стр. 160.

²⁷ См.: «Красный архив». 1938, т. 2(87), стр. 131—135.

²⁸ «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.», стр. 100.

того не видно, кроме, что по старому будут неприятельскими»²⁹. В частности, когда, например, через восемь лет после описываемых событий, в 1741 г., военные отряды Джаныбека находились «под волскими калмыками», он сообщил российскому послу поручику Гладышеву о сосредоточении войск персидского шаха Надира у Сулака с целью овладения Астраханью. Джаныбек высказал свое пожелание, что в случае получения разрешения от императрицы он может, «собравшись с киргискайсаками, тотчас от персичкой армии всех лошадей» стбить «и тем оную несколько обессилить»³⁰.

Царское правительство надеялось также и на то, что казахи будут обеспечивать безопасность продвижения российских и среднеазиатских торговых караванов и способствовать присоединению к России «соседей своих хивинцов и аральцов»³¹. Нельзя не учитывать и того, что правительство рассчитывало на возвращение российских пленных. К тому же, как указывается в «Книге Азиатского департамента», если казахам отказать в их просьбе, «то тем еще напаче озлоблены быть могут»³². Имелось также в виду получение обещанной дани.

Таким образом, через политику царского правительства по отношению к Казахстану с самого начала просматриваются экономические и военно-политические интересы Российской империи.

Наиболее крупным дипломатическим шагом Российского государства в этом направлении явилось посольство А. И. Тевкелева в Казахстан в ответ на посольство Абулхаира от 8 сентября 1730 г. Посольство его главе с А. И. Тевкелевым, которому еще Петр I дал поручение, невзирая на большие издержки, «хотя бы до миллиона», должно было принять меры для осуществления весьма важной исторической миссии — юридического закрепления присоединения Казахстана к России. Тевкелев от имени императрицы Анны Иоан-

---

²⁹ «Книга Азиатского департамента № 21», л. 76. «Красный архив», 1938, т. 2(87), стр. 133.

³⁰ «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.», стр. 195.

³¹ Там же, стр. 108.

³² «Книга Азиатского департамента № 21», л. 76. «Красный архив», 1938, т. 2(87), стр. 134.

новны привез властителѣм казахской степи дары и предложение о покровительстве.

Российскому послу поручалось поехать «через внутренние башкирские земли... и о состоянии оной, так же и о той, где те киргиз-кайсаки живут, и о расстоянии между ними, о реках и обо всем протчем при возвращении своем подлинное известие» привезти³³. Правительство совершенно справедливо считало, что лишь после этого можно будет более или менее объективно судить об этом крае и народе.

Посольство Тевкелева должно было отправиться совместно с Кутлумбетом Коштаевым и Сеиткулом Койдагуловым, посланцами Абулхайра. В его задачу входили подробное установление причин, побудивших Абулхайра просить российского подданства, «и нет ли ему какова и от которой стороны опасения», передача Абулхайру грамоты о приеме казахов в состав Российской империи.

Тевкелеву также поручалось обратить внимание Абулхайра и на то немаловажное обстоятельство, что казахи включаются в состав России именно по их просьбе и с их согласия, что российское правительство «в неотменной своей милости их (казахов.— В. Б.) содержать будет и надеется взаимно, что и он, хан, и все войско... в такой непоколебимой верности содержать себя будут, как то по вашему обещанию и верным подданным обыкновенно чинить надлежит»³⁴.

В инструкции посольству требовалось привести Абулхайра и других ханов, султанов и старшин к присяге на верность России «по всей вере на алкаране». Предусматривалось, что в случае, если возникнет ситуация, при которой Абулхайр или кто-либо из других ханов, султанов или старшин, а возможно и все вместе, откажутся привести себя к присяге, Тевкелев должен был «к тому их склонять», иначе говоря, принять все от него зависящее для осуществления своей миссии.

Чтобы получить гарантию в верности России, Тевкелеву вменялось в обязанность добиться направления

³³ «Книга Азиатского департамента № 21», л. 77. «Красный архив», 1938, т. 2(87), стр. 134; «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.», стр. 62.

³⁴ «Материалы по истории политического строя Казахстана», т. I. Алма-Ата, 1960, стр. 13.

в Россию аманатов. В случае, если Абулхаир по каким-либо причинам отказался бы дать аманатов, русскому послу не надо было на этом настаивать «и в молчании оставить и более не домогаться»³⁵.

Вопреки сложившейся традиции в дипломатической практике того времени, когда послы не имели права самостоятельно решать те или иные вопросы и должны были придерживаться лишь пунктов инструкции, А. И. Тевкелеву были предоставлены неограниченные права и полномочия. В зависимости от обстановки он мог самостоятельно выдвигать условия и единолично решать вопросы о целесообразности принятия выдвигаемых требований Абулхаиром. Характерным является и то обстоятельство, что российское правительство акцентировало внимание Тевкелева на необходимости вести переговоры о подданстве казахов, каракалпаков и кого бы то ни было другого лишь при условии, если «онные подлинно пожелают быть в подданстве... и о том сами будут писать или через посланных своих об оном намерении... обявят»³⁶.

Тевкелеву предписывалось ежедневно вести «журнал», куда записывать свои впечатления обо всем виденном. Особое внимание обращалось на необходимость описания жилищ, кочевий, городов и деревень башкир, «их правление, и состояние, и промыслы, и пожитки, такожде и о внутрь той земли, где живут, и о расположении оной, и нет ли еще каких других народов, с которыми они граничат... генерально описать всю внутри их землю»³⁷. Эти слова инструкции обращают на себя внимание в том смысле, что существовала угроза возникновения восстания в башкирской степи. Поэтому ему надо было знать о башкирах буквально все, даже о тех народах, «с которыми они граничат».

Послу давалось задание определить расстояние между башкирской и казахской степями, наиболее удобные пути сообщения, описать рельеф местности. Перед ним ставилась задача получить сведения о состоянии казахской степи, о количестве городов, стоя-

---

³⁵ «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.», стр. 43.

³⁶ АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, д. б.н., лл. 138—139.

³⁷ «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.», стр. 43 —

нок, мест кочевков, числе людей, их занятия, вероисповедания, количестве скота, в каких взаимоотношениях находятся ханы со своими подданными, а также отношение подданных к хану, с кем они граничат, о взаимоотношениях с соседними народами и странами, о торговле. «И тому всему,— говорится в инструкции,— не токмо чинить записку, но и чертеж велеть делать»³⁸. Дело в том, что необходимость упрочения позиций России в казахской степи требовала от нее не столько вооруженной силы, сколько, как указывает Н. И. Конрад, «определенного комплекса знаний о тех странах, куда она проникала. Комплекс этот состоял из сведений о странах Востока в их современном для той поры состоянии с добавлением необходимых сведений об истории и культуре»³⁹.

После почти трехмесячного пребывания в пути посольство А. И. Тевкелева 4 июля 1731 г. прибыло в Уфу, где ему были приданы геодезисты А. Писарев и М. Зиновьев, несколько башкирских старшин, 60 человек сопровождающих, 200 лошадей и 12 верблюдов. Прежде всего надо было определить более краткий и точный маршрут движения. Для этого встречались со старожилами, хорошо знающими местность и не раз ездившими в казахскую степь. Уточнялись лица, непосредственно знавшие хана Абулхаира и его приближенных.

В ставку Абулхаира, находившуюся на Иргизе, Тевкелев прибыл 5 октября 1731 г. в сопровождении почетного эскорта и охраны из 200 казахов во главе с султаном Нуралы. Послу была предоставлена отдельная кибитка недалеко от резиденции Абулхаира. Лошадей и верблюдов посольства определили в ханский табун.

В нашу задачу не входит подробное описание событий, связанных с пребыванием посольства А. Тевкелева

---

³⁸ В инструкции Коллегии иностранных дел говорилось: «И еще все Тевкелеву разсматривать и разведывать и записывать искусным способом, не давая никому знать, что чинит по указу или по инструкции, но якобы сам собой, хотя ведать для себя, дабы о сем, что он делает по указу, не только тамошние народы, но и из тех, кои с ним, Тевкелевым, посланы будут, не признали». См.: «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.», стр. 44.

³⁹ Н. И. Конрад. Запад и Восток. М., 1966, стр. 9.

в казахской степи. Это нашло уже более или менее полное освещение в нашей литературе⁴⁰. Отметим лишь, что посольство Тевкелева сыграло решающую роль и открыло новую страницу в развитии русско-казахских отношений. Оно способствовало тому, что стали ярче видны перспективы казахско-русского сближения, нагляднее обозначились противоречия в казахском обществе, определилась расстановка сил, лучше проявились группировки, стремящиеся к российскому протекторату и противостоящие им, а также отношение к российскому подданству широких народных масс. Посольство Тевкелева также способствовало осуществлению курса на присоединение к Российскому государству всей казахской степи, окончательно завершённое во второй половине XIX в.

2. Присяга «четырёхсот»

Период, последовавший после посольства Тевкелева, характеризуется бурной дипломатической перепиской по различным вопросам хозяйственной и политической жизни, развернувшейся между Коллегией иностранных дел и правителями казахских жузов, в особенности Младшего и Среднего. В основном они касались сооружения крепости на р. Ор, причин задержки выплаты ясака российскому правительству, вторичной посылки в казахскую степь российского посольства во главе с Тевкелевым, нападения на караван полковника Гарбера и др.

Большое внимание как с той, так и с другой стороны уделялось направлению посольств с различными заданиями. В этом отношении следует выделить русско-казахские переговоры в Оренбурге и деятельность дипломатических миссий в казахской степи, которые имели целью получить как можно больше всесторонних и достоверных сведений о событиях в жузах, состоянии внутренних связей между жузами, внешнеполитической деятельности правящей казахской верхушки, настроениях населения, взаимоотношениях между раз-

---

⁴⁰ См.: Н. Г. Аполлова. Присоединение Казахстана к России; В. Я. Б а с и н. Казахстан в системе внешней политики России в первой половине XVIII в.

личными слоями казахского общества и т. п. Посольства снабжались подробными инструкциями, регламентировавшими деятельность членов посольств и самих послов.

Попытаемся рассмотреть, как развивались события после отъезда посольства А. Тевкелева из казахской степи.

Как известно, в 1734 г. была создана Оренбургская экспедиция, в задачу которой входило управление некоторыми территориями казахских жузов, Каракалпакии и Башкирии, вошедшими в состав России. Мы уже упоминали о том, что Абулхаир неоднократно ставил перед российским правительством вопрос о строительстве крепости у впадения Ори в Урал. Начальником Оренбургской экспедиции К. Кириловым в начале 1734 г. было сделано представление в Коллегию иностранных дел по поводу этого строительства¹. В частности, им был поставлен вопрос о заблаговременной заготовке «на екатеринбургских заводах... тысяч на 20 работников лопаток, кирок, тележек и протчего»², о чем предлагалось информировать Абулхаира. По предложению Кирилова руководителем этого строительства следовало назначить Тевкелева. Касаясь строительства города, И. Кирилов подчеркивал, что кроме всего прочего «город закроет за собою башкирцев, все набеги воровских киргиз-кайсаков, которые теми местами проходили, пересечет», обращалось внимание на то, что строительство города будет способствовать развитию «внутренней комерции», купеческие караваны будут ходить из Туркестана и Ходжента не в Бухару, а в глубь России, в район Ори и Урала. В случае представления иностранным купцам определенных привилегий, они начнут селиться в новом городе, а это будет способствовать развитию торговли. «А хотя бы паче чаяния,— писал Кирилов,— ничего дальнего владения и богатства не получим, да ничего ж и не потеряем, но всегда от нового города прибыль станетца на нашей стороне».

¹ Е. Я. Люстери́к, Е. Г. Шапо́т. О некоторых проектах организации русско-индийской торговли в XVIII в. «Ученые записки Ленинградского госуниверситета им. А. А. Жданова». Серия востоковедных наук, вып. 9. Л., 1960, стр. 21—22.

² АВІР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1734, д. 4, л. 2.

В этом же представлении И. Кирилов дал краткую характеристику Каракалпакии. Он подчеркивал, что принятие в российское подданство каракалпаков явится полезным не только для них, но и для России. К такому выводу Кирилов пришел, в частности, потому, что, во-первых, «каракалпацкой народ имеет хлебопашество и родится у них довольно пшеницы, проса и ячменя, который хлеб у них киргис-кайсаки на бараны и другой скот меняют», и, во-вторых, из-за выгодного географического расположения — близ Аральского озера по реке «Сыр, где пристани быть надлежит для российских купеческих караванов, кои имеют ходить от... Новгорода до Бухар и до Бадахшана, и в Индию, и наипаче через те места, ежели какие нечаянные противные случаи не помешают, удобно разсыпанные бухарские владения одно под другим в вечное е. и. в. подданство приводить».

В представлении дается подробное описание недр Казахстана, которые необходимо было изучить «прежде, нежели Водокшан случай допустит завладеть». Кирилов сообщает о том, что у казахов и каракалпаков есть «во владенье горы подле Сырдарьи», которые называют свинцовыми, «и берут свинцу столько, сколько хотят, и льют пули», что в свинце имеется примесь серебра, что сера и селитра, имеющиеся в достатке в Казахстане, могут «удовольствовать» потребности России в порохе. Обращалось внимание императрицы и на то, что казахская степь может стать поставщиком лошадей «на всю российскую кавалерию за дешевую цену на сукна российских фабрик», «а лошади киргис-кайсацкие и башкирские — добрыя и крепкия»³.

И. Кирилов также поставил вопрос о строительстве крепости и на Аральском море у устья Сырдарьи. Предполагалось сделать для крепости «пушек... десяток пять или шесть, да малых мартирцов десятка два на суды, фюльконет ста полтора с принадлежностями и с амуницией». Донося императрице об имеющихся здесь полезных ископаемых, И. Кирилов писал: «А когда на озере

---

³ «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.», стр. 110—112.

Аральском пристань и суды заведут русския, то гораздо способно по несколько сот тысяч пудов вывозить»⁴.

10 июня 1734 г. Анна Иоанновна предписала Кирилову «стараться завести на Аральском море пристань и вооруженные суда, для чего построить вначале несколько шлюпов на Яике и, разобрав их, держать со всеми снастями во всегдашней готовности. Когда же город построится и связь с киргиз-кайсаками и каракалпаками утвердится, то разобранные суда в зимнее время с согласия Абулхайра и знатнейших старшин перевезти на Аральское море и, опять собрав, вооружить пушками». Эти суда были построены в Оренбурге и укомплектованы матросами во главе с капитаном Эльтоном, но переброска их на Аральское море не состоялась из-за кончины И. Кирилова в 1737 г.

И. Кирилов дал веское обоснование необходимости присоединения к России Бадахшана, который находился во владении Самаркандского, а затем Бухарского ханств. «Водокшанская провинция,— читаем в его представлении,— нужно в российское владение для многова в ней имеющегося богатства...» Он предлагал использовать эти богатства «так, как из Америки гишпанцы и португальцы получают», причем «без движения больших российских войск»⁵.

Заметим, что представление И. Кирилова о казахских жузах являло собой «план больших мероприятий... решения широких государственных задач»⁶, программу колониальной политики царского правительства в отношении Казахстана и других восточных стран на ближайшие десятилетия. По существу это было продолжением внешней политики Петра I в восточном вопросе, который в свое время говорил: «От Астрабад до Балха и Бакшана только 12 дней ходу, а там, во всей Бухарии, середина всех восточных комерций и тому пути никто помешать не может». Это же подтверждал и сам И. Кирилов: «Отворение свободного с товарами пу-

⁴ АВПр, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1734, д. 4, лл. 10, 14.

⁵ Там же, ф. Главный архив 1—3, д. 12, л. 1255. См. также: А. Левшин. Описание киргиз-кайсацких... орд и степей. СПб., 1832, ч. 2, стр. 115, 128; «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.», стр. 111.

⁶ Н. Г. Аполлова. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII — начале XIX в. М., 1960, стр. 98.

ти в Бухару, Бадакшан, в Балх и Индию император Петр Великий весьма домогался, не жалея ни казны, ни людей»⁷.

В Петербурге весьма внимательно отнеслись к проекту Кирилова. В особенности поддержал и дал ему ход будущий канцлер А. П. Бестужев-Рюмин. Представление И. Кирилова было тщательно изучено Коллегией иностранных дел, а 18 мая 1734 г. Анна Иоанновна утвердила инструкции начальнику Оренбургской экспедиции, то есть И. Кирилову, о взаимоотношениях с башкирами, казахами, Джунгарией и Хивой⁸.

В инструкции, в частности, говорилось о том, чтобы иметь постоянного представителя русской администрации «в ордах новоподданных народов при ханах..., которых не токмо на собственное их обращение смотреть, но и разведывать, не имеют ли каких противных нашей стороне согласей с такими народы, которые еще не подданные, или каких себе недовольств, и буде усмотрять в том, что ни есть худобы, то от того пристойными представлениями отвращать и ведомости в город давать, а из города, буде в явной противности, то башкирцами или из них новых, одну на другую орду поднимая, смирять, а своих людей в таких случаях беречь, а ежели такое произошло неудовольство, о том надлежащее направление чинить»⁹.

В ней ставилась задача регулярной и всесторонней информации Коллегии иностранных дел о положении не только в казахской степи, но и в сопредельных с нею странах, для чего предусматривалось «из башкирцов или киргисцов посылать под образом торгу надежных людей». В отношении Джунгарии императрица предписывала избегать вооруженных конфликтов, в то же время не допуская «нападения на сибирския места» и «ограждая от всяких податей, которые они (джунгары. — В. Б.) с наших подданных сибирских народов, приходя легкими партиями, берут».

⁷ «Русская мысль». Ежемесячное литературно-политическое издание. Год одиннадцатый, кн. XI. М., 1890, стр. 183.

⁸ А. Добросмыслов. Принятие киргизами Малой и частью Средней орды русского подданства и управление ими при посредстве ханов (с 1730 по 1824 г.). «Тургайские областные ведомости», 1899, 12 марта, № 11, стр. 5; ПСЗРИ, 1830, т. IX, № 6576; «Русско-индийские отношения в XVIII в.», стр. 8.

⁹ «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.», стр. 115.

Что касается Хивы, то необходимо было оказывать всяческое содействие Абулхаиру в его борьбе с нею, но не войсками, а «порохом и ружьем, также и людьми, где потребно будет, только такими, которые из башкирцов и татар выберутся охотники»¹⁰. В случае же, если Абулхаир стал бы требовать российские войска, то на это ему следовало отвечать, что их дадут лишь после сооружения города у впадения Ори в Урал и крепости (пристани) на Аральском море.

10 июня 1734 г. Анна Иоанновна прислала Абулхаиру грамоту о согласии на постройку города в устье р. Орь для защиты «Абулхаир-хана, и старшин, и всего войска, також де и других киргис-кайсацких и каракалпацкого в наше подданство пришедших орд ханов и старшин, и всего ж войска и посольства от наших и ваших неприятелей»¹¹. В тот же день на место строительства города выехали И. Кирилов и А. Тевкелев. Вместе с ними находился сын Абулхаира султан Ералы¹². Абулхаиру было наказано «при первом случае во время строения города, так и всегда от внезапных неприятельских нападений всякое охранение чинить, и о худых и противных чьих намерениях и замыслах нашим статскому советнику Кирилову и полк. Тевкелеву и войскам нашим, где как случай допустит, заблаговременно ведомости подавать и других упомянутых подданных наших ханов и старшин и войско в том утверждать»¹³.

В тот же день к хану Среднего жуза Самеке (Шемяке) была направлена царская грамота в ответ на его повторную просьбу о российском протекторате. Напомнив хану, что в 1731 г. им было подписано обязательство о вхождении в состав России, которое он нарушил, совершив несколько нападений «на наших подданных башкирцов», Анна Иоанновна сообщила ему о неограниченных полномочиях И. Кирилова и А. Тевкелева,

---

¹⁰ Там же, стр. 116.

¹¹ А. Левшин. Указ. соч., стр. 117—120.

¹² «Книга Азиатского департамента № 21», л. 85 об. «Красный архив», 1938, т. 2(87), стр. 136.

¹³ «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.», стр. 117. О строительстве города у впадения Ори в Яик см.: Н. Г. Аполлова. Экономические и политические связи Казахстана с Россией..., стр. 95—112.

находящихся в районе строительства города, принимать присяги от желающих получить российский протекторат. Нападения на башкирские земли ему были прощены, а признание им протектората России вновь было подтверждено, но в связи со смертью Самеке эта грамота ему не была вручена ¹⁴.

Новый хан Среднего жуза Кучук и султан Барак в конце декабря 1735 г. в своем письме на имя Тевкелева подтвердили верность казахов Среднего жуза России и просили направить российское посольство в Средний жуз. Вопрос ставился так, что российское посольство должно было находиться в Среднем жузе длительное время («как у Абулхаир-хана»); это правящая верхушка жуза намеревалась использовать для упрочения своих позиций.

Между тем Абулхаир продолжал настаивать на ускорении строительства города в устье Ори. В конце 1734 г. он направил специальное письмо Анне Иоанновне, в котором разъяснял причины своего бессилия в отношении казахов, сообщал почему в 1733 г. не представлены в качестве ясака лисьи и корсачные шкурки. Он напоминал, что «киргис-кайсацкие... народы указу моего не слушают» и даже ропщут на него за то, что отправленные им в Петербург султаны Ералы и Нияз со старшинами вот «уже третий год, как отсюда отъехали, а назад не возвратились» ¹⁵. Абулхаир еще раз подчеркнул, что, если будет построен город, его власть упрочится и он «киргис-кайсацких народов в подданство» приведет.

И это были не просто обещания. Именно в результате деятельности, которую активно развернул Абулхаир, в 1736 г. приняли присягу на верность России батыр Среднего жуза Джаныбек со своими людьми, султан Барак, родной брат хана Среднего жуза Самеке Абулмамбет со своими улусами. В то же время Абулхаир поднял вопрос об отмене пошлин с казахских купцов ¹⁶.

Из ответной грамоты императрицы Абулхаиру от 24 февраля 1736 г. видно, что российское правительство

---

¹⁴ А. Добросмыслов. Тургайская область. Исторический очерк, т. I. Тверь, 1902, сноска 12.

¹⁵ «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.», стр. 121.

¹⁶ Там же, стр. 125—126.

сталося довольным действиями хана. В этой же грамоте сообщалось хану о направлении к нему султанов Ералы и Нияза с сопровождавшими их старшинами. Вместо них в качестве аманатов были направлены сын Абулхаира султан Ходжи-Ахмет в сопровождении племянника Абулхаира султана Клыча Мухаммеда, являвшегося полномочным представителем казахского хана при императрице.

Характерно, что именно в это же время уже стала ясно проявляться общность классовых интересов российских помещиков-крепостников и казахских феодалов. Это подтверждается активным участием Абулхаира в подавлении башкирского восстания в 1735 г. под предводительством Карасакала. В этом отношении наиболее достоверным источником является донесение И. Кирилова в Коллегию иностранных дел от 23 октября 1736 г.¹⁷, в котором он, опираясь на сообщения «казака-нагайца» Кубека и Бабека, «дворового служителя хана Абулхаира», сообщает: «И как хан (Абулхаир.— В. Б.), так и салтан и старшины везде единогласно объявили верность свою показать в службе на воров-башкирцов.

И с тем прислал хан... Байбека (Бабека.— В. Б.), а салтаны и старшины других, кои обретаются в Самаре. И до приезде его, Кубека, и в бытность в орде, из Средней и Меньшей орды кайсаки войной ходили на Сибирскую и Нагайскую дороги и многих башкирцов побили и разорили, а других в плен взяли... А... Абулхаир-хан... намерен еще над ворами-башкирцами поиски чинить по первому зимнему пути...»¹⁸. В то же время было обещано изловить руководителя башкирского восстания Карасакала, если он будет обнаружен в степи. Это обещание было подтверждено также и во время переговоров Урусова с Абулмамбетом, Аблаем и другими казахскими владетелями в августе 1740 г.

В этом отношении мы можем сослаться еще на один весьма убедительный документ. 3 сентября 1755 г. хан Нуралы направил письмо оренбургскому губернатору И. Неплюеву, в котором сообщал о поиске и выдаче участников башкирского восстания, бежавших в казахские

¹⁷ АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1736, д. 2, лл. 13—14.

¹⁸ Там же, лл. 13—14.

степи от преследования царских карателей. В письме Нуралы с большим цинизмом сообщает о количестве убитых и раненных ближайшими помощниками хана башкир, в числе которых находились женщины, старики и дети, скрывавшиеся у казахских шаруа. Нуралы писал Неплюеву: «Из онаго... мое усердие изволите усмотреть, что я то из моей к е. и. в. верности учинил»¹⁹. За эти «подвиги» Нуралы получил особые привилегии на кочевание в районе Яика²⁰, а хан поставил в известность Неплюева о том, что в его усердии царские власти могут не сомневаться.

Таким образом, то, чего добивался царизм — наравливание малых народов друг против друга, было достигнуто. Царское правительство, искусно опираясь на противоречия между ними, смогло использовать казахов против башкир во время башкирского восстания.

Правительство требовало от Абулхаира принятия мер для охраны российских торговых караванов. Понимая, что это сулит ему значительные выгоды, Абулхаир в августе 1738 г. обратился через В. Татищева с посланием к Анне Иоанновне, в котором предлагал свои услуги в этом отношении. Абулхаир не упустил случая еще раз заверить императрицу в своей верности присяге. В знак этого 3 августа 1738 г. 15 человек во главе с Абулхаиром и 4 августа 100 человек во главе с султаном Нуралы прибыли в Оренбург (Орск), где их принял Татищев, назначенный в 1737 г. руководителем Оренбургской комиссии, которая, кстати сказать, была предназначена для подавления башкирского восстания, «и в верной службе присягу учинили». Поэтому Абулхаир писал Елизавете Петровне в сентябре 1743 г.: «Мы со всей ордой в подданство пришли»²¹. В своей грамоте от 19 сентября 1738 г. Анна Иоанновна выразила удовлетворение таким поведением Абулхаира.

В это же время наблюдаются первые признаки, свидетельствующие о стремлении казахов (в особенности Среднего жуза) добиться разрешения у царского

¹⁹ «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.», стр. 538—540.

²⁰ Там же, стр. 542.

²¹ «Материалы по истории политического строя Казахстана», т. I. Алма-Ата, 1960, стр. 32—33; «Книга Азиатского департамента № 21», лл. 87 об.—88. «Красный архив», 1938, т. 2(87), стр. 138.

правительства на перекочевку к российским населенным пунктам для меновой торговли. Начальник Оренбургской комиссии князь В. Урусов доносил 22 октября 1739 г. в Коллегию иностранных дел о том, что 17 октября 1739 г. к нему явились казах Байдаулет и татарин Сарысахай с письмами от прапорщика Этыгерова, направленного в Средний жуз российским правительством для наблюдения за событиями в степи, и влиятельного батыра этого жуза, первого тархана Джаныбека, зятя Абулхайра. Джаныбек просил разрешения прикочевать в район Черного озера (близ Яика) для торговли в Яицком городке.

Вместе с тем В. Урусов высказал свое сомнение, действительно ли казахи нуждаются в том, чтобы «на Яике покупать на пропитание хлеб и харч», так как «прежде киргисцы хлеба никогда не покупали и нужды в том не имели». Урусов опасался, не ли у них «какого худоба намерения». Но и отказывать им нельзя было, чтобы не вызвать активизации антироссийских устремлений. Однако, чтобы не допустить распыления российских вооруженных сил и не дать повод для подхода больших групп казахов к Яику и Яицкому городку, Урусов сообщил Джаныбеку, что русское правительство во избежание нападения на казахов калмыков во главе с Дондук Омбо, а также, чтобы «российским купцам в их купечестве» не были «помешательства», может разрешить казахам торговать в районе р. Яик лишь во вновь построенном «по прошению Абулхайр-хана» городе Оренбурге, да и то небольшими группами, в 50 человек, и при условии, чтобы они «никаких наглостей не делали». А чтобы казахи не сосредоточивались у Яицкого городка, Урусов распорядился их товары покупать в Оренбурге по более высоким ценам, нежели в Яицком городке, а в районе Яицкого городка русские товары продавать дороже, чем в Оренбурге. Одновременно Урусов направил распоряжение прапорщику Этыгерову всеми возможными средствами получить сведения об истинных причинах прикочевки казахов к Яику и действительно ли они стремятся в район Кубани, как об этом сообщил Сарысахай, связной Этыгерова. В то же время «обретающемся на Яике майору Дурасову» Урусов велел «иметь в войске крепкую осторожность, дабы им какого нечаянного вреда от них

(казахов.— В. Б.) не причинилось»²². И хотя Урусов требовал от Дурасова не чинить казахам «обманов и озлоблений», в данном случае налицо явное стремление царского правительства не допустить казахов в район Яика.

Посол Джаныбека сообщил, что в Среднем жузе принимаются меры для розыска и возвращения товаров, которые были отобраны летом 1739 г. у казанских купцов, причем, если эти товары не будут найдены, их заменят соответствующим количеством скота. Байдаулет поставил в известность Урусова и о стремлении Джаныбека возвратить российских пленных. Без сомнения, в этом отношении хороший пример подал Абулхаир, который в 1738 г. через геодезиста Шишкова «российских пленных без размену немалое число» возвратил. Из этого следует, что, хотя в степи и было неспокойно, а проведение торговых операций связывалось с определенным риском, налицо были обнадеживающие симптомы возможности стабилизации положения в Казахстане.

Но если взаимоотношения с казахами Младшего и западной части Среднего жуза налаживались, в чем взаимно были заинтересованы обе стороны, то совершенно иное положение сложилось в восточной части Среднего жуза. Именно с востока в это время надвигалась серьезная опасность джунгарского вторжения. Сарысахай, например, сообщал Урусову, что летом 1739 г. к владениям хана Абулмамбета, султанов Аблая и Барака подошло значительное число джунгар. Возникла угроза захвата казахской территории.

Анализ событий свидетельствует, что планы царской России совпадали с интересами многих казахских владетелей, надеявшихся при помощи российских вооруженных сил упрочить свое положение. Вот почему в это время наблюдается взаимное устремление к улучшению взаимоотношений. Следует, однако, учитывать, что интересы эти совпадали не полностью. Казахская верхушка хотела сохранить возможно больше самостоятельности, а царская администрация стремилась максимально ее ограничить.

---

²² АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1739, д. 2, л.л. 7—11.

Положительную роль в укреплении русско-казахских отношений сыграли переговоры начальника Оренбургской комиссии князя Урусова с султанами Нуралы и Ералы, а также представителями Младшего и Среднего жузов батырами Джаныбеком, Букенбаем и Исетом, проходившие с 19 августа по 1 сентября 1740 г. Несколько позже в них приняли участие прибывшие в Оренбург хан Среднего жуза Абулмамбет (1734—1770) и султан Аблай (с 1771 по 1781 г. был ханом Младшего жуза), который, по справедливому замечанию Ч. Валиханова, к этому времени являлся «самым сильным из владельцев Средней орды»²³. Заметим, что в казахской степи были и более выдающиеся личности, пользующиеся авторитетом среди казахского народа, но из-за серьезных противоречий, а также соперничества Аблай делал все для того, чтобы не допустить их к участию в переговорах в Оренбурге. К таким лицам можно отнести прежде всего известного в Среднем жузе бия Казбека, который, будучи занятым войной с Джунгарией, направил письма через своих старшин в адрес Оренбургской администрации, но Аблай не допустил их к Неплюеву, а письма утаил, чтобы Казбек-бий «с каракисецким улусом в российской стороне в зрении не был».

Послы, прибывшие в Оренбург для переговоров, были встречены с большими почестями. 22 августа в лагерь послов, расположенный в «семи верстах» от Оренбурга, было направлено 24 гренадера, 60 мушкетеров «с трубами и литаврами», «шесть лошадей заводных в богатом уборе». Из лагеря в Оренбург впереди ехал урядник «с двенадцатью гранадирами, конюшей, лошади заводные, затем драгуны, за драгунами трубы и литавры, затем салтаны и близ их капитан и переводчики, а за ними ево (Абулхаира.— В. Б.) киргизцы..., капрал и двенадцать гранадир... Полки и казаки все стояли в параде и держали ружье у ноги, и ...не доехав сажен за пятьдесят,... отдана салютация из семи пушек».

«Мы,— говорили казахские послы,— приехали о разных делах доносить и научиться, коим бы образом

---

²³ Ч. Ч. В а л и х а н о в. Собр. соч., т. I, стр. 427.

наших своевольных людей от худых поступок дурачества удерживать...»²⁴

В этот же день 106 старшин, сопровождавших султанов Нуралы и Ералы и батыра Джаныбека, «через ахуна по их махOMETанскому закону» полковником князем Еделевым были приведены к присяге на верность России. В ходе бесед султан Нуралы подтвердил, что казахи в любой момент готовы силой оружия помогать российским войскам: «Ежели б-де указом е. и. в. повелено было и нам служить против ея неприятелей, то-де и мы готовы».

Представителя Среднего жуза Джаныбека интересовало, где кочует Дондук Омба. Этот вопрос поднимался им постольку, поскольку российская администрация выдвигала угрозу нападения на казахов Дондук Омба как аргумент против прикочевки их в район Яицкого городка.

Много внимания во время переговоров было уделено вопросам безопасности продвижения торговых караванов. Имелся в виду, в частности, российский торговый караван в сопровождении воинской команды во главе с артиллерийским полковником Гарбером, который в 1732 г. отправился через Астрахань в Хиву и Бухару. Как известно, в казахской степи караван подвергся нападению, оказался в осаде и через несколько дней был вынужден сдаться. Караван разграбили, а Гарбера с незначительной частью отряда и «небольшим остатком из того каравана отпустили назад»²⁵. Был выяснен волновавший тогда российскую администрацию вопрос о налете на ташкентский торговый караван во главе с майором К. Миллером. Этот караван состоял из «казенных и купеческих товаров на двадцать тысяч рублей» и направлялся из Оренбурга в Ташкент в сопровождении казахского конвоя. В его составе находился подпрапорщик Алексей Кошелев, который должен был описать тракт и провести географические и гидрографические исследования. Караван был ограблен на территории Старшего жуза, люди уведены в плен, а К. Мил-

---

²⁴ «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.», стр. 188, 648—649.

²⁵ «Книга Азиатского департамента № 21», лл. 80—81. «Красный архив», 1938, т. 2(87), стр. 135.

лер спасся лишь благодаря покровительству Джаныбека.

Российская делегация настаивала на возвращении товаров разграбленных караванов или компенсации их стоимости. Казахские послы сообщили, что грабители находятся на территории Старшего жуза. Хан Абулхаир накануне отъезда в Оренбург направил в Старший жуз нарочных с письмом, в котором требовал возвратить награбленное. Аналогичные действия предпринял и батыр Джаныбек, потребовав от грабителей возврата товаров и предупредив их, что в противном случае, если «указом повелено будет, то он готов иттить на них войною и всех их рубить».

Урусов, высказав свое удовлетворение такими действиями казахских владетелей, в то же время предложил воздерживаться от применения силы. Он дал понять, что не плохо было бы поймать кого-либо из главарей грабителей и держать в качестве заложника до тех пор, пока не будут возвращены товары. Джаныбек и другие представители казахской степи согласились с этим предложением. Более того, они привели с собой несколько человек, участвовавших в грабежах караванов, которых решили использовать при поимке их главарей.

Во время переговоров были обсуждены вопросы о возвращении товаров и других ограбленных караванов, а также «каким... образом утвердить безопасность, чтобы караваны впредь беспрепятственно ходить могли, дабы оную безопасность твердо основать, чтоб впредь грабительств быть не могло». Обе стороны пришли к соглашению, что каждому торговому каравану следует придать надежную охрану из представителей знатнейших улусов и чтобы эта охрана не занималась вымогательством, а для надежности оставлять аманатов; в числе охраны могут быть русские воинские команды до 30 человек с легкими пушками.

Таким образом, главное требование российской администрации состояло в предоставлении купцам всех государств возможности вести свободную торговлю.

На переговорах были затронуты вопросы и «о примирении калмыцких ссор». Речь шла о преодолении казахско-калмыцких противоречий, связанных с угоном табунов лошадей и пленением людей, а затем и взаим-

ным мщением. А взаимные налеты повторялись очень часто. Особенно в этом отношении выделяется 1738 г., когда имели место нападения двух казахских воинских отрядов «на самого хана Дондук Омбу», у Волги, по дороге Астрахань — Кизляр, результатом которых явился захват 2000 калмыцких кибиток²⁶. По сообщению Н. Г. Аполловой, в том же году готовился крупный поход казахов «в верховья реки Кумы, на улусы калмыцкого хана Дондук Омбо»; по указанию Абулхаира было собрано ополчение в составе 22 400 человек, состоящее из отрядов Джаныбека, Батыра, Есенбая, Есета, Буkenбая и Алтая. В свою очередь калмыцкий хан Дондук Омбо стремился к мщению, было набрано двадцатитысячное войско во главе с его сыном Галдан Норби. Но поход не удался из-за измены последнего своему отцу. Несмотря на это «калмыки под ...киргис касак равномерные подбеги чинили»²⁷.

Примечательно, что батыры Младшего жуза Буkenбай и Исет, участвовавшие в переговорах, обещали принять меры к прекращению войны с калмыками. В то же время они заметили, что если калмыки не прекратят нападений, то им будет трудно удержать казахов от ответных мер. Посланцы Абулхаира передали Урусову просьбу хана о разрешении направлять послов к Дондук Омбо, «чтоб учинить примирение и затем бы уже никаких ссор не взчинить». Урусов одобрил этот план и высказал готовность оказывать в этом всяческое содействие.

Во время встреч Урусов дал понять казахским послам о возможности использования казахов «в регулярной е. и. в. службе». Это был первый признак того, что российское правительство всерьез заинтересовано в упрочении своих позиций в Казахстане, решив использовать для этого и представителей казахской верхушки на государственной службе.

Коснулись также вопроса о возвращении россий-

---

²⁶ «Красный архив», 1938, т. 2(87), стр. 137. См. также: К. Киреева-Канафиева. Дореволюционная русская печать о Казахстане. Алма-Ата, 1963, стр. 54; «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.», стр. 142, 144, 162, 553.

²⁷ Н. Г. Аполлова. Присоединение Казахстана к России, стр. 100; «Красный архив», 1938, т. 2(87), стр. 137.

ских пленных, находящихся в казахской степи, и пленных казахов, содержавшихся в Тобольске, Астрахани и других городах. Джаныбеку были представлены данные о примерном количестве российских пленных «в киргис-кайсацкой орде..., также и о всех грабительствах». Джаныбек обещал принять меры для возвращения всех российских пленных, находящихся в Среднем жузе, заявив при этом: «Какие-де мы верные подданные будем, когда уже российских людей, разумея в том числе и татар, не дадим?»²⁸.

Сложнее обстояло дело с возвращением пленных калмык. По откровенному заявлению Джаныбека, всех их невозможно возвратить, так как многие из них проданы на рынках Хивы и Бухары. К тому же, по поступившим к Джаныбеку сведениям, калмыки готовили на осень 1740 г. «великим числом на киргис-кайсацкие улусы» нападение.

Джаныбек поставил вопрос о присвоении ему тарханского звания, «чтоб он с русскими своими людьми властнее поступать, а дураков и воров наказывать мог». Здесь налицо явно эгоистические устремления Джаныбека, который хотел с помощью российской администрации укрепить свое положение в степи. «Будут у меня на спине кости потверже и грудь де моя, как каменная гора зделается», — говорил он Урусову. Это пришлось по вкусу начальнику Оренбургской экспедиции, надевавшемуся найти в лице Джаныбека верную опору для проведения своей политики в казахской степи. Урусов обещал добиться через Петербург присвоения Джаныбеку тарханского звания.

28 августа 1740 г. Урусов принял с большими почестями хана Среднего жуза Абулмамбета и его двоюродного брата султана Аблая. Секретарь Оренбургской комиссии статский советник П. Рычков (1712—1777) зачитал их речи, написанные в традиционном стиле той эпохи. Хан и султан подтверждали желание казахов Среднего жуза быть в верности российскому престолу. В речах акцентировалось внимание на вопросе о принятии казахов «в непобедимое защищение высочай-

---

²⁸ «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.», стр. 146—147, 150.

шей е. и. в. милости и в число совершенных и истинных подданных».

Тут же Абулмамбет и Аблай в соответствии с ритуалом присягу «учинили, заключа оную обыкновенную по их закону заклинянием и целованием курана, а потом поднятием оного на головы», после чего Урусов вручил им сабли в серебряной оправе. Сабли были вручены также батырам Младшего жуза Букенбаю и Исету. Затем присягу приняли 128 старшин, а на следующий день, 29 августа, ее приняли еще 165 старшин Младшего жуза.

Таким образом, 28 и 29 августа 1740 г. присягу на верность России приняли 399 самых видных владетелей Младшего жуза, пользовавшихся безраздельным влиянием, властью и авторитетом среди широких масс кочевников. В числе их были и те владетели, которые присягнули на верность России в период пребывания в Казахстане А. Тевкелева.

После принятия присяги между Урусовым, с одной стороны, и Абулмамбетом и Аблаем, с другой, состоялась дружеская беседа, в ходе которой султан Аблай высказал свои верноподданнические чувства в отношении России. «Наши-де предки,— говорил он, назвав многих ханов,— были честные и знатные люди и всегда знатных у себя приятелей имели, потому-де и нам так же поступать надлежит...» Он выразил желание, чтобы Урусов был ему, Аблаю, «большим братом»²⁹.

Казахские послы проявили особый интерес к международному положению России. И это не случайно. Нужно было иметь полное представление о государстве, которому казахи вверяли свою судьбу. Разумеется, это государство в первую очередь должно было быть сильным. Вот почему Урусов уделил особое внимание разъяснению политических событий, происшедших за последние десятилетия. Он рассказал, например, о русско-турецкой битве при Азове, взятии Очакова, об эпизодах из Северной войны и др. Была произведена показательная стрельба из пушек. Любопытно, что меньше чем за минуту было «тринадцать зарядов выпалено». Как заявил Урусов, «у нас из пушки могут десять раз

---

²⁹ «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.», стр. 152—157.

выпалить, пока их киргис-кайсак ружье заправит». Эти сведения заслуживают внимания в том отношении, что они проливают свет на состояние русской артиллерии в середине XVIII в. и говорят о ее довольно высоком уровне.

В то же время представители казахской степи впервые получили здесь элементарные сведения по географии, о частях света, различных странах и т. п. Характерно, что Абулмамбет просил Урусова обо всем этом написать на татарском языке и передать ему, на что было дано согласие. Более того, Урусов обещал распорядиться сделать в Самаре «такую книжицу», в которой подробно освещались бы некоторые вопросы географической науки, и переслать в казахскую степь. Обращает на себя внимание, что уже тогда, во время встреч, хан Абулмамбет заявил: «Мы теперь видим, что не видывали, ...слышим, что не слухивали, а знать... все оное... весьма надобно, и можем... тем пред всеми нашими народами хвалиться»³⁰.

Итак, переговоры, которые велись в Оренбурге с 19 августа по 1 сентября 1740 г., были направлены на урегулирование взаимоотношений между Россией и казахской степью, улучшение казахско-калмыцких отношений, дальнейшее упрочение российского влияния в Казахстане.

В этой связи возникает настоятельная необходимость уточнить некоторые весьма важные моменты. В литературе существует мнение, что Младший жуз был присоединен к российскому государству в 1731 г. И это действительно так, но не совсем точно. Следует учитывать, что с этого времени лишь начался активный процесс присоединения. Утверждать же, что он тут же был завершен, означало бы отрицать историческую действительность.

Многочисленные источники показывают, что процесс присоединения начался задолго до 1731 г., а любое утверждение о дате присоединения других казахских жузов к России является условным, ибо это был весьма длительный и сложный процесс, изобиловавший как взлетами, так и падениями, и продолжавшийся, как нами уже отмечалось, до второй половины XIX в.

---

³⁰ Там же, стр. 154—155, 162.

Здесь, на наш взгляд, следует вести речь о времени начала этого процесса; тогда, разумеется, надо исходить из какой-то определенной даты.

Для подтверждения сказанного обратимся к фактам. 1731 г. считают датой присоединения Младшего жуза к России на основании указа Анны Иоанновны от 19 февраля 1731 г., последовавшего в ответ на письмо Абулхаир-хана от 8 сентября 1730 г. с просьбой о покровительстве³¹. Однако просьбы о покровительстве и принятии казахов в состав России в адрес русских царей поступали и до Абулхаира. Так, например, еще в 1594 г. хан Тевеккель обратился с просьбой о принятии российского подданства, а в 1595 г. к нему было направлено российское посольство во главе с Вельямином Степановым с грамотой Федора Иоанновича об удовлетворении его просьбы³². Однако 1595 г. никто не считает датой присоединения казахской степи к русскому государству. Аналогичные просьбы казахских ханов и грамоты русских царей об их удовлетворении исходили в XVII в. и в начале XVIII в., но и то время не считается датой присоединения края к России.

В конце 1733 г. посланцы Старшего жуза Аралбай, Аразгельды, Кодар-бий, Тюля-бий, Сатай-батыр, Кангильди-батыр и Буляк-батыр обратились с просьбой к Анне Иоанновне о принятии их и «также и всей орды (Старшей. — В. Б.)... в подданство» российское, а императрица 10 июня 1734 г. подписала указ об удовлетворении их просьбы³³, однако 1734 г. также не считается датой присоединения Старшего жуза к России. Юридически присоединение этого жуза было оформлено в 1847 г., а фактически состоялось во второй половине XIX в. Это же можно сказать и о Среднем жузе. 15 декабря 1731 г. А. Тевкелев, находившийся в Младшем жузе, направил послов к хану Среднего жуза Самеке с предложением принять российское подданство. Самеке выразил желание «быть в подданстве всероссийском»³⁴,

³¹ АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, оп. 122 1, 1730—1731, д. 6 н., л. 45 об; 1762—1775, д. 2, л. 2.

³² «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.», стр. 3—14, 35—41.

³³ Там же, стр. 101, 128; «Красный архив», 1938, т. 2(87), стр. 137.

³⁴ «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.», стр. 64.

однако официально не считается, что Средний жуз вошел в состав России в 1731 г., хотя Н. Г. Аполлова говорит именно об этой дате ³⁵.

История знает и другие прецеденты. В 1700 г. к Петру I явился посланец хивинского хана Шахнияза, который обратился с просьбой о принятии Хивинского ханства в российское подданство. Царь грамотой от 30 июня 1700 г. удовлетворил эту просьбу. В 1703 г. хивинский хан Араб Мухаммед, сын и преемник Шахнияза, повторил это ходатайство, а Петр I направил ему новую грамоту, в соответствии с которой «поволил его, хана, со всеми сущими под его владением принять под свою высокодержавную руку в вечное пользование» ³⁶. Однако это не является основанием того, чтобы считать присоединение ханства к России в 1700 или в 1703 г. Датой присоединения этого ханства к Российскому государству является 12 августа 1873 г., когда Хива была занята российскими войсками ³⁷.

Источники свидетельствуют, что Тевкелеву удалось получить «клятвенные обещания на русское подданство» и направить их 5 января 1732 г. в Коллегию иностранных дел от Абулхаира, Самеке, Барака, Нуралы, Букенбая и 27 других виднейших представителей казахской феодальной верхушки ³⁸. Именно это событие положило начало подлинному присоединению Казахстана к России. После этого началась серия русско-казахских встреч, которые вели к увеличению численности казахских владетелей и их подданных, присягнувших на верность России.

3. С дипломатическими миссиями в казахскую степь

Вернемся, однако, к рассмотрению событий, развернувшихся в то время в казахской степи. Наиболее знаменательными из них являлись миссии Д. Гладышева, Р. Уразина и К. Миллера, которые в определенной сте-

---

³⁵ Н. Г. Аполлова. Присоединение Казахстана к России, стр. 245.

³⁶ «Полное собрание законов Российской империи», т. IV, № 1932.

³⁷ «История Узбекской ССР», т. II. Ташкент, 1968, стр. 28—29.

³⁸ АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1733, д. I, л. 145 об.

пени повлияли на сближение российского государства с казахскими ханствами.

5 сентября 1740 г. в казахскую степь было направлено российское посольство в составе поручика Оренбургского драгунского полка Д. В. Гладышева, геодезиста И. Муравина, инженера Назимова, переводчика Усмана Арасланова и сопровождающих их лиц. На посольство, кроме всего прочего, возлагалась задача исследовать место для строительства города-крепости по рекомендации Абулхаир-хана.

2 ноября 1740 г. посольство прибыло в ставку Абулхаира. Во время бесед хан стремился убедить Гладышева в необходимости постройки города в районе Сырдарьи, который должен стать опорным пунктом для борьбы с Джунгарией. Он также рассчитывал, что со строительством города повысится его авторитет и сила не только среди своего народа, но и перед иностранными государствами, в частности, персидским шахом.

Как сообщал впоследствии Д. Гладышев, место, рекомендованное Абулхаиром, не подходило для строительства города, так как вокруг него не имелось лесов, сенокосов, удобных пашен, «земля песчаная, с ылом и дождя не бывает». К тому же, по мнению Гладышева, прибытие из России строительного отряда на место закладки города вызвало бы подозрение у местного населения о наступательных операциях против степи. Гладышеву было ясно, что хотя «тамошние все народы» явно не препятствовали строительству города, Абулхаир всячески стремился скрыть от них свое намерение.

Поездка посольства Гладышева в ставку Абулхаира совпала с весьма напряженной обстановкой, сложившейся в связи с опасностью для казахской степи со стороны Персии, которая «тамошних областей народ... к себе приласкают». Еще 18 августа 1740 г. шах Надир, воспользовавшись набегами хивинского хана Ильбарса (1728—1740) на Хорасан и его категорическим отказом признать свою зависимость от Персии, форсировал Амударью и превратил Мерв в свою опорную базу «для планируемых им походов в Среднюю Азию и даже Китай», в конце сентября овладел Самаркандом и примерно в октябре двинулся против Ильбарса¹.

---

¹ См.: С. Р. Кишмишев. Походы Надир-шаха в Герат,

Захватив Хиву, Надир создал «угрозу для южных районов Младшего и Среднего жузов, зимовки которых располагались в бассейне р. Сырдарьи»².

Абулхаир, используя «усобицы в Хивинском ханстве и разгром войска хивинского хана Ильбарса иранским шахом Надиром»³, поставил перед собой цель утвердиться ханом в Хиве. Встав во главе трехтысячной армии казахов, каракалпаков и незначительного числа аральцев, Абулхаир вместе с Гладышевым и его спутниками переправился на левый берег Сырдарьи⁴, где их встретил хивинский старшина Авесть-Мирап с двадцатью сопровождавшими его лицами и сообщил об опасности, возникшей для хивинского хана в связи с нападением персидских войск.

6 ноября они прибыли в опустевший городок Гурлян, жители которого разбежались «от страха персидского шаха». В ночь с 6 на 7 ноября Абулхаир со своим войском двинулся в Хиву, овладел ею и стал именовать себя хивинским ханом. При встрече с Гладышевым он заявил: «Я благодарю бога, что Хива теперь в подданстве е. и. в. и я в оной ныне ханом»⁵.

Было, однако, ясно, что из-за малочисленности войска долго продержаться в Хиве Абулхаиру не удастся. Уже 11 ноября, опасаясь подхода сил персидского шаха, он вынужден был покинуть город и, переправившись на правый берег Амударьи, прибыл в Аральское владение в районе местечка Кунград, в кочевья рода шекты. Таким образом, возникла реальная опасность нападения персов на казахские кочевья.

В этих условиях Абулхаир обратился к российской

Кандагар, Индию и события в Персии после его смерти. Тифлис, 1889, стр. 212, 272; М. М. Абрамов. Из политической истории Самарканда во второй четверти XVIII в. «Общественные науки в Узбекистане», 1967, № 3, стр. 36—38.

² Н. Г. Аполлова. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII—начале XIX вв., стр. 92, 117. См. также: «Красный архив», 1938, т. 2(87), стр. 140—141.

³ Н. Г. Аполлова, Г. Ф. Дахштейгер. Экономическое развитие и политическое положение Казахстана во второй половине XVIII в. В кн.: «История Казахской ССР», т. I. Алма-Ата, 1957, стр. 258.

⁴ В. Я. Басин. Из истории освоения водных путей в Казахстане в XVIII—XIX вв. «Известия АН КазССР. Серия общественных наук», 1964, вып. 3, стр. 19.

⁵ «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.», стр. 178.

администрации «за посредничеством в сношениях с шахом Надиром», следствием чего явилось посольство Мансурова в Хиву и в ставку к шаху Надиру. Вмешательство российской администрации сыграло известную роль в устранении непосредственной опасности для казахов со стороны Надира⁶.

Впоследствии Гладышев сообщал своему правительству, что после убийства в 1730 г. аральского хана Шараказы осталось три его сына — Артык, Сейдали и Куразали. Но ни один из них не был избран в ханы, так как, не имея авторитета, они также могли быть убиты. Учитывая, что хан Младшего жуза Абулхаир находился под российской протекцией, аральцы решили пригласить на ханство его сына султана Нуралы, рассчитывая на его авторитет и помощь, которую они смогут получить в случае необходимости от России. Именно в это время, в ноябре 1740 г., после долгих лет споров между аральцами решился вопрос о принятии султаном Нуралы титула аральского хана. Одновременно от казаха Байбека были получены сведения о намерении туркмен «притить под владение... аральского Нуралы-хана»⁷.

Российский посол сообщил и о ходе поимки Карасакала. Как выяснил Гладышев, казахские шаруа не только не имели намерения поймать руководителя башкирского восстания, скрывавшегося в казахской степи, но приняли меры для того, чтобы ни при каких обстоятельствах он не был выдан царскому правительству. Как писал Гладышев, «Меньшая и Средняя орды все без остатку согласились пропасть, а его (Карасакала — В. Б.) не отдать». Это же он подтвердил во время своего пребывания в казахской степи в 1741—1742 гг., когда им были получены сведения о том, чтобы Карасакала ни в Россию, ни в Джунгарию не отдавать «и при случае за него всем помереть»⁸.

Гладышев был первым русским послом, которому Абулхаир высказывал свое крайнее недовольство неприсылкой к нему российских войск и затяжкой строи-

⁶ М. П. Вяткин. К истории распада Казахского союза. В кн.: «Материалы по истории Казахской ССР», т. II, ч. 2 (1741—1751). Алма-Ата, 1948, стр. 10.

⁷ «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.», стр. 180.

⁸ Там же, стр. 181.

тельства города в районе Сырдарьи. Абулхаир угрожал, что в случае, если не будет выполнено это требование, «то-де он, хан, более уже терпеть не может и отдастся в подданство зюнгорским калмыкам, куда-де уже он для того от себя послал киргисца Кутлубетя»⁹. Более того, направленные в 1741 г. в Петербург посланники Абулхаира с прошением о строительстве города, угрожали, что в случае, если в распоряжение хана не будут направлены российские воинские отряды, они обратятся к турецкому послу с просьбой о подданстве¹⁰. Это была уже попытка Абулхаира произвести открытый нажим на правительство России.

Попытаемся выяснить причины такого поведения хана Абулхаира. Показания поручика Д. Гладышева о поездке к Абулхаиру свидетельствуют об отсутствии у хана авторитета среди казахского народа. Пользуясь тем, что его сын Нуралы являлся аральским ханом, Абулхаир «более согласия имеет с аральским народом»¹¹. Несколько позднее, в апреле 1742 г., это подтвердил и сам Абулхаир в жалобе Оренбургской комиссии на хана Абулмамбета и султанов Барака и Батыра за их непослушание¹². Абулхаир считал, что для поднятия его авторитета в казахской степи необходимо, чтобы он опирался на реальную силу. Хан предлагал накануне одного из приемов руководителями российской администрации казахских владетелей в Оренбурге встречать их и «принять с тысячью человек солдат и с музыкою, понеже лежкомысленные дураки чрез то удобнее сдержаны быть могут в руках».

Абулхаир просил нового руководителя Оренбургской комиссии генерал-лейтенанта Л. Я. Соймонова, заменившего князя Урусова, прибыть для исполнения обязанностей в Оренбург «с великим войском».

Для пресечения «противных намерений» хана Абулхаира и «всего тамошнего народа» Гладышев предлагал принять ряд мер. В частности, по его мнению, следовало взять у Абулхаира дополнительных аманатов не только из числа его сыновей, но и представителей влиятельных фамилий крупнейших казахских родов. Как и Кирилов

⁹ Там же, стр. 182.

¹⁰ «Красный архив», 1938, т. 2(87), стр. 138.

¹¹ «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.», стр. 181.

¹² АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1742, д. 4, лл. 11—19 об.

в 1734 г., Гладышев предлагал приставить к хану постоянного представителя российской администрации, который следил бы за событиями в казахской степи, контролировал и направлял действия хана и подвластного ему народа, «ибо сей народ такой, если от кого по прошениям своим удовольствие и благия советы получают, то они того весьма почитать и слушать тщатся»¹³. В то же время в его задачу должно было входить предотвращение всяких антироссийских поползновений со стороны различных влиятельных группировок в казахской степи. По существу же он должен был являться полномочным представителем царского правительства при ханском дворе. Это, по мнению Гладышева, пресекло бы «своевольные нравы» жителей степи¹⁴.

Гладышев предлагал принять меры для наказания тех представителей российской военной и гражданской администрации, которые мешали осуществлению торговых операций с казахской степью. В качестве примера российский посол привел случай, происшедший в Оренбурге, когда зимой 1740 г. майор Микулин и поручик Дырин «с командой» причинили большие обиды казахским купцам, прибывшим в Оренбург для торговли, насильно отняв у них несколько любимых жен-калмычек¹⁵. Кстати, факты эти не единичны. Так, в 1742 г. имел место ряд нападений царских солдат под предводительством офицеров Максюты и Сухарева из Омской крепости на казахов атагайского рода Среднего жуза, в результате которых было убито 11 и взято в плен 43 казаха, захвачено 28 верблюдов, 1500 лошадей и т. п.¹⁶ В то же время имел место угон башкирами казахских лошадей. Такие недружелюбные акты вели к откочевке казахов, с одной стороны, и к мщению — с другой.

Российский посол считал необходимым пригласить Абулхаира в Оренбург для переговоров. Если Абулхаир прибудет в Оренбург, «то на него в верности еще надежду иметь можно, — писал Гладышев, — если же не бу-

---

¹³ «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.», стр. 183.

¹⁴ В 1742—1743 гг. постоянным представителем царского правительства при хане Абулхаире являлся И. Муравин.

¹⁵ «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.», стр. 183—184.

¹⁶ Там же, стр. 567.

дет, то о верности его надежда под сомнением оставаться может»¹⁷.

Находясь в казахской степи, посольство Гладышева провело некоторые изыскательские работы, в частности, была составлена «Новая ландкарта тракта от Оренбурга до города Хивы и части Аральского моря и впадающих в него рек, части же Сырдарьи, Кувандарьи и Улударьи», в которой показаны первые достоверные контуры Аральского моря и описано казахское население этого района¹⁸. Этой картой пользовались целое столетие.

Таким образом, посольство Гладышева впервые официально поставило перед своим правительством вопрос о неблагонадежности Абулхаира, отсутствию у него авторитета среди своего народа и необходимости принятия экстренных мер для упрочения здесь российского влияния.

Тем временем для казахского народа продолжала оставаться угроза со стороны Джунгарии. Как сообщал в Петербург генерал-лейтенант Урусов, джунгарское войско в составе 30 тыс. человек произвело несколько вылазок против казахов и «четырежды их разбивало». Более того, султана Среднего жуза Аблая вместе с «2000 человек... в полон взяли», «а от того оной же орды Абулмамбет-хан с своим улусом чрез реку Орь переправился и приближался к Оренбургу». В связи с этим правительство предписало Урусову впустить в крепость лишь Абулмамбета «с несколькими из знатных при нем людей», «а войско его не токмо в крепость, но и в российские границы далее не пропускать»¹⁹.

Как видно, Абулмамбет и его приближенные нашли

---

¹⁷ «Поездка из Орска и обратно, совершенная в 1740 — 1741 гг. поручиком Гладышевым и геодезистом Муравичевым», СПб., 1851, стр. 18.

¹⁸ АВИР, ф. Главный архив 1—9, д. 3, 1826—1833, л. 214: «Географические известия», 1850, стр. 586—588. См. также: Л. С. Берг. Аральское море. Опыт физико-географической монографии. СПб., 1908, стр. 61. Новые сведения об Аральском море дал в 1752 г. геодезист Крашенинников в приложениях к «Карте приобщения, на которой часть Каспийского и Аральского морей со смежными к ним местами», но она была опубликована лишь в 1880 г. См.: Л. С. Берг. Очерки по истории русских географических открытий. М.—Л., 1949, стр. 201.

¹⁹ «Красный архив», 1938, т. 2(87), стр. 138.

защиту у российской администрации, тем самым были спасены от пленения или же уничтожения. Это был по существу первый конкретный шаг оренбургских властей по защите казахской верхушки от внешней опасности, надолго запомнившийся в казахской степи. По этому поводу знатный бий алчин-карасальского рода Тлявберган на одном из старшинских съездов в 1750 г. заявил: «...последнее нападение на нас от зюнгорских калмык Сары-Манджи мы живот свой около Орь-реки и по Яику спасли. А ежели б в то время такое высочайшее защищение от е. и. в. над нами... не было, то б-де и мы давно уже с обеих сторон изогнаны и разорены были б вовсе...»²⁹

Тем не менее владельцы Среднего жуза вынуждены были обещать джунгарскому хунтайджи своих аманатов, хотя уже было ясно, что безнаказанно для Джунгарии разорительные набеги на казахские земли не пройдут. Россия твердо стояла на том, чтобы закрепить свои позиции в казахской степи.

Для укрепления русско-казахских связей в соответствии с инструкцией Оренбургской комиссии в августе 1741 г. поручик Гладышев вновь направился в казахскую степь. Вместе с ним находился предприимчивый и энергичный английский купец Роман (Реональд) Гок, сведения которого по его возвращении явились весьма полезными для российской администрации. Кстати сказать, Гок имел при себе царские грамоты к хану Абул-хаиру, ряду каракалпакских старшин и, в частности, к батыру Уразаку, а также к казахскому батыру Джаныбеку.

В казахскую степь посольство направилось из Озерной крепости 10 октября 1741 г., куда оно прибыло из Самары, покинув ее 3 августа. На восьмые сутки прибыли в район нынешнего Соль-Илецка, где располагались улусы найманского рода Среднего жуза во главе со старшиной рода батыром Кунаком. Здесь были осмотрены соляные копи и определено место для строительства города. Через четыре дня направились к кочевьям батыра Джаныбека близ урочища Каракаил, куда прибыли в начале ноября 1741 г. В том же месяце двинулись на Сырдарью, по прибытии на которую 21

---

²⁹ «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.», стр. 515.

декабря расстались с Гоком, который продолжал путь вдоль Сырдарьи.

24 декабря, после переправы через Сырдарью, у Гока состоялась встреча с султаном Батыром, кочевавшим с улусами алчинского рода Младшего жуза на территории Каракалпакии. Вместе с улусом он двинулся по хивинской дороге до р. Даматай, на Кувандарью и далее по хивинской дороге к каракалпакскому старшине батыру Уразаку в урочище Карамул, близ устья Куван, впадающей в Аральское море, куда и прибыл 6 января 1742 г.

17 января произошла встреча Гока с ханом Абулхаиром, на которого, кстати сказать, поступили жалобы от каракалпакцев за то, что улус хана угоняет каракалпакских лошадей. По показаниям того же Гока, и каракалпаки в долгу не оставались, отбив, в частности, в феврале 1742 г. у султана Барака большой табун лошадей. Это дало повод для примирения хана Абулхайра с султаном Бараком после ссоры, происшедшей 4 февраля между ними ввиду неповиновения Барака повелениям хана.

Заслуживает внимания сообщение Гока, основанное на данных, почерпнутых от казахов, о наличии в степи в районе Эмбы «невнятной, черной невести и с великим довольством, которой к получению в России способ есть все водою, а именно: из Эмбы в Каспийское море, а из того моря — в Астрахань»²¹. Следовательно, еще в середине XVIII в. российское правительство получило достоверные сведения о наличии в казахской степи богатейших запасов нефти.

Вернемся, однако, к посольству Д. Гладышева. 7 января 1742 г. оно прибыло к Абулхайру, кочевавшему за Сырдарьей на территории Хивинского ханства, вблизи Амударьи, а на следующий день ему вручили подарки от Оренбургской администрации. При встрече с Абулхаиром 9 января последний сообщил Гладышеву о приезде посланцев джунгарского хунтайджи Галдан-Церена (1727—1746), которые потребовали от хана покориться хунтайджи. А чтобы подкрепить эту покорность, ст Абулхайра потребовали направления в Джунгарию аманатов (сына и детей знатных старшин). Как

---

²¹ Там же, стр. 211.

сообщил Гладышеву Абулхаир, без согласия на это российского правительства он не намеревался выполнять требования джунгарских послов. В случае же, если джунгары «станут его впредь обижать..., он для своей обороны принужден приехать в Оренбург».

Однако при встрече Гладышева с джунгарским посланцем зайсангом (князем) Кошку, которая состоялась 10 января 1742 г., выяснилось, что еще в 1740 г. Абулхаир прислал к Галдан-Церену своих послов во главе с батыром Кутлумбетом с просьбой, чтобы хунтайджи разрешил ему владеть городами Туркестаном и Ташкентом, а за это хан обещал принять джунгарское подданство. Для подкрепления своих заверений Абулхаир обещал направить в качестве аманата к Галдан-Церену своего сына, за которым Кошку и приехал к Абулхаиру. Когда же Гладышев в беседе с Кошкой осведомился, известно ли джунгарскому хунтайджи, что Абулхаир является подданным России, джунгарский посланец ответил: хунтайджи «не силою к себе одного хана с ордою к себе в подданство влечет, но оной хан сам самоизвольно того просит». Заметим, что хунтайджи знал о российском подданстве казахов, иначе чем можно объяснить, что в 1741 г. им было направлено в Петербург специальное посольство в составе 50 человек, в задачу которого входило просить у российской императрицы «на киргис-кайсацкие орды в причиняемых ими, зюнгорцам, обидах сатисфакции (удовлетворения. — В. Б.)»²².

Следовательно, казахская степь и Абулхаир, в частности, оказались в чрезвычайно сложной обстановке. Если даже отбросить то, что Галдан-Церену было небезразлично, отдаст ли Абулхаир добровольно Джунгарии часть своих владений, или их придется завоевывать силой, совершенно очевидно, что казахский хан для стабилизации положения заигрывал с Россией и Джунгарией. С одной стороны, Абулхаир рассчитывал путем обещаний и посул как России, так и Джунгарии извлечь для себя побольше выгод. В частности, он считал, что, если России станет известно о подготовке Абулхаира к принятию джунгарского подданства, российская администрация ускорит строительство крепо-

---

²² См.: АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1742, д. 2, л. 9.

сти на р. Сырдарье, что, по мнению Абулхаира, усилит его позиции в казахской степи и создаст условия для противостояния нашествию джунгар. С другой стороны, заигрывание с Россией создало бы у джунгарских правителей видимость надежной поддержки Россией Абулхаира в борьбе с Джунгарией, что также должно было, по его мнению, ослабить нажим джунгар.

Если к этому прибавить, что некоторые казахские старшины «противной партии» «Абулхаир-хана журят и бранят, для чего он, хан, к России приближается», то станет ясно, что такая политика Абулхаира в тот период привела бы к укреплению его весьма шатких позиций. Наконец, не следует сбрасывать со счета и то важное обстоятельство, что обещание аманатов и ясака джунгарскому хунтайджи было ничем иным, как поиском средств для своей защиты в условиях, когда джунгарские войска наступали на казахские степи, разоряя и уничтожая казахов.

Из бесед с Кошку Гладышев узнал, что захваченный Джунгарией Старший жуз с 1733 г. вынужден был ежегодно направлять своих аманатов джунгарскому хунтайджи. То же самое случилось и со Средним жузом, который в 1741 г. подвергся опустошительному набегу со стороны джунгар. Это же подтвердила в отношении Младшего жуза побывавшая в 1742 г. в казахской степи группа башкир во главе с Аккушем Кусебаевым. По их данным, к казахам Младшего жуза прибыли три представителя Джунгарии и просили «к себе в аманаты знатных людей десять человек..., в том числе Абулхаир-хана, Барак-салтана, Джаныбек-батыра..., детей их по одному сыну», за что обещали возвратить из плена султана Аблая. Эти же сведения подтверждаются донесениями поручика князя Уракова, находившегося долгое время в Казахской степи у хана Среднего жуза Абулмамбета ²³.

От джунгарского посланника Гладышев получил заслуживающие внимания российского правительства некоторые сведения о вооружении джунгарской армии. Он сообщил о 3000 походных пушках, «которые на верблюдах возят», 50 «ломовых», 30 мортирах, которые

---

²³ «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.», стр. 203—205, 210, 215—216.

были созданы под руководством плененного джунгарам зимей 1715—1716 гг. шведа Иоганна Густава Рената, находившегося в воинской команде И. Д. Бухгольца. Кроме литья пушек Ренат научил джунгар плавить железную руду, организовал производство снарядов. Некоторых джунгар он «своему языку обучил и книги артиллерийской науки им оставил, по которым они в учреждение той артиллерии и поступают»²⁴.

Батыр Мунняк высказал Д. Гладышеву свое предположение, по которому в случае, если джунгары будут продолжать разорительные набеги, казахи намерены двинуться на Кубань, чтобы спасти себя от уничтожения. Не случайно калмыки перехватили казахских посланцев на Кубань, чтобы не допустить сговора между казахами и ногайцами. Дошло до того, что еще в 1740 г. к командиру Оренбургской экспедиции генерал-лейтенанту князю Урусову обратился калмыцкий хан Дондук Омба с претензией на то, что российские власти не принимают эффективных мер для недопущения передвижения казахов на Кубань²⁵. В связи с этим астраханской губернской канцелярии было дано указание о мерах по запрещению продвижения казахов «на Кубань и с Кубани в кайсаки ни под каким видом»²⁶.

Во время пребывания Гладышева в казахской степи еще более стали ясны планы Абулхаира по упрочению своей власти. Он подчеркивал свою верность России, желание жить в Оренбурге (Орске) и держать при себе «под образом аманатства» хана Абулмамбета, султанов Батыра и Барака и «прочих знатных старшин». Абулхаир считал, что лишь в этих условиях «киргис-кайсацкий народ не отважится более мыслить ко вступлению в подданство зюнгорского владельца» и его можно будет «в послушании и страхе содержать». Наряду с этим Абулхаир еще раз обратил внимание на необходимость оказания ему помощи со стороны России в борьбе с джунгарами. В случае же, если хану эта помощь не будет оказана, он угрожал «по крайней нужде для получения себе спасения» уйти на Кубань. В этом еще раз проявилось стремление Абулхаира произвести

---

²⁴ Там же, стр. 194.

²⁵ «Красный архив», 1938, т. 2(87), стр. 137.

²⁶ «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.», стр. 195.

нажим на российскую администрацию, чтобы добиться передачи ему вооруженных отрядов для упрочения своего положения в казахской степи.

В это же время к Гладышеву явилось десять знатнейших каракалпаков, которые от имени 30 тыс. своих соотечественников объявили о желании принять присягу на верность России. В присутствии Абулхайра каракалпаками была učinена присяга «как за себя, так и за весь предписанный народ»²⁷.

В 1742 г. начальником Оренбургской комиссии был назначен тайный советник, сенатор И. И. Неплюев²⁸, о чем последний известил Абулхайра посланием от 6 мая 1742 г., переданным через послов Кутлумбета и Кожамбета. 15 июня 1742 г. Елизавета Петровна обратилась с грамотой непосредственно к Абулхайру через казахских посланников батыров Кутыра и Байбека, в которой императрица ставила его в известность о новом начальнике Оренбургской комиссии, «которого мы в знак императорской к тебе (Абулхайру.— В. Б.) и ко всему киргиз-кайсацкому народу милости определили к Оренбургской экспедиции главным командиром и во всем повелели ему поступать..., как и прежде бывший тамо наш генералитет то чинили». В этой же грамоте Абулхайру был дан ответ на постоянные его просьбы о строительстве города, сводившийся к тому, что ему «надобно... побожждать, ибо все то вдруг делать невозможно»²⁹.

Приступив к исполнению своих обязанностей, И. Неплюев в упомянутом послании Абулхайру, кроме всего прочего, дал рекомендации о его поведении в отношении к Джунгарии, в которых, кстати сказать, проскальзывала тревога по поводу того, что джунгары могут использовать казахов против России³⁰.

В частности, И. Неплюев не советовал Абулхайру давать аманатов и выплачивать дань джунгарскому хунтайджи Галдан-Церену без «высочайшего указа».

²⁷ Там же, стр. 196.

²⁸ 15 марта 1744 г. Елизавета Петровна подписала указ о преобразовании Оренбургской комиссии в Оренбургскую губернию. С этого же времени И. Неплюев—первый Оренбургский губернатор. ПСЗРИ, № 8901.

²⁹ АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1741—1742, д. 3, л. 47.

³⁰ ЦГИА СССР, ф. 1374, оп. 2, д. 1823, л. 34.

Выполнение этих рекомендаций должно было укрепить позиции России в казахской степи и в какой-то мере служить определенным предупреждением для джунгарских правителей. Аналогичные рекомендации И. Неплюева были направлены также хану Среднего жуза Абулмамбету и султану Бараку.

Идя по пути оказания конкретной помощи казахам в их борьбе с Джунгарией, 20 мая 1742 г. Правительствующий сенат принял указ о мерах защиты казахского населения и обороны крепостей в случае нападения джунгар. Предусматривалось «подданных ханов и салтанов с их людьми, сколько можно, охранять», увеличить гарнизоны в крепостях и по всей границе с Джунгарией. Решая вопрос об увеличении личного состава войск в этом районе, российское правительство исходило из того, что пребывание казахов в крепостях под защитой российских гарнизонов увеличит опасность со стороны Джунгарии, располагающей значительными вооруженными силами, в числе которых были артиллерийские и кавалерийские соединения. «Итак,— читаем мы в указе Правительствующего сената,— в том случае, когда утесненные от зюнгорца кайсаки к крепостям для защиты прибегнут, и зюнгорцы наступление учинят, то не только их, кайсаков, защитить, но и крепости оборонить будет некем»³¹.

В то же время учитывалось и то немаловажное обстоятельство, что значительные российские гарнизоны должны были явиться также и моральным фактором для создания устойчивого авторитета российского государства среди населения казахской степи. Именно с этой целью было решено Казанский, Уфимский и Шешминский полки не переводить в Астрахань, как это предусматривалось особым определением военной коллегии, а оставить при Оренбургской комиссии и передать в распоряжение И. Неплюева для использования их по его усмотрению. На этом этапе русско-казахских отношений российские войска предназначались лишь для стабилизации положения в казахской степи. Не случайно даже группа башкир во главе с Аккушем Кусебаевым, побывавшая в Казахстане, в 1742 г. сообщила: «А от российских де войск оные кайсаки опасения не

³¹ АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1742, д. 2, л. 4.

имеют... и российских де командиров весьма благодарят, что им з здешних сторон никакого раззорения не чинится». В свою очередь они не усмотрели никаких обид и от казахов по отношению к русским подданным, в частности к ним, башкирам³².

Абулхаир понимал, что его авторитет среди казахского народа во многом будет зависеть от результатов той политики, которую он будет проводить в своих отношениях с Россией. В то же время он не мог не учитывать того, что его авторитет среди своего народа будет находиться в зависимости от отношения к нему российских властей.

Поэтому не случайно при подготовке встречи между Абулхаиром и Неплюевым, которая должна была произойти в Орске, хан в своем письме от 8 апреля 1742 г. добивался от российской администрации встретить его с «церемониею... дабы... мой киргизский народ, видя то, могли принять себе в разум, в какой я милости нахожусь и какою честью российское войско встречает»³³. Пышная встреча Абулхаира входила в планы и российской администрации, так как в этом случае представлялась возможность показать широким массам казахского народа вооруженные силы России, что дало бы возможность несколько укрепить позиции Абулхаира и стабилизировать положение в казахской степи, тем более, что там продолжались массовые случаи увода российских подданных в плен и угона их скота из пограничных районов.

Нельзя не учитывать и того обстоятельства, что Абулхаир надеялся использовать российские войска для овладения Бухарой и Хивой. Он просил «войска российского ко мне со ружьем прислать», рассчитывая объединить их «с своими кайсаками». Абулхаир обращал внимание Неплюева на то, что готов и дальше верно служить российскому государству и выполнять любое задание Оренбургской администрации при условии, что она будет способствовать укреплению его, Абулхаира, власти. Идя навстречу царскому правительству и желая заручиться еще большим его расположением,

---

³² «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.», стр. 203—204.

³³ АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1742, д. 4, л. 51.

Абулхаир обещал выдать руководителя башкирского восстания Карасакала.

В упомянутом письме Абулхаира от 8 апреля 1742 г. российская администрация ставилась в известность, что в результате переговоров между казаками и волжскими калмыками, в которых участвовало по сорок человек с каждой стороны, было достигнуто соглашение о прекращении вооруженных столкновений «с таким договором, когда в нынешнее время младенец родился и возраст придет и конем станет владеть, до тех пор войны с обеих сторон не иметь»³⁴. Побудительные мотивы этой договоренности о перемирии Абулхаир связывал с пребыванием казахов и калмыков в российском протекторате.

Мы уже отмечали, что российские посольства снабжались подробными инструкциями, которые регламентировали их деятельность. В этом отношении наиболее характерными являются две инструкции, данные Оренбургской комиссией переводчику Р. Уразину, направленному в Средний жуз к хану Абулмамбету, который кочевал у истоков Илека (июнь 1742 г.), и майору Пензенского гарнизонного пехотного полка К. Миллеру, отправленному к джунгарскому хунтайджи Галдан-Церену (сентябрь 1742 г.). Эти инструкции проливают свет на вопросы, интересующие в то время российское правительство.

Переводчик Р. Уразин по прибытию к Абулмамбету прежде всего должен был пригласить хана Среднего жуза в Оренбург для встречи с Неплюевым. Так как российское правительство располагало довольно смутными сведениями об устремлениях Абулмамбета к джунгарскому подданству, Р. Уразину вменялось в обязанность получить достоверные данные об истинных намерениях хана Среднего жуза. Российский посланник должен был перепроверить сведения, полученные ранее от князя Уракова об антироссийской деятельности султана Барака и бия Казбека, которые неоднократно заявляли о джунгарской ориентации и всячески препятствовали встрече Абулмамбета с российской администрацией.

---

³⁴ Там же, стр. 201.

Наряду с уточнением истинного положения вещей Р. Уразину совместно с князем Ураковым следовало принять меры к тому, чтобы в случае, если все эти данные подтвердятся, помешать их осуществлению, «толкая им все то, в каком удовольствии он и киргис-кайсацкий народ... пребывает и какую пользу все они получают от оренбургского торгу и от дозволенного им по Яику близ новых крепостей кочевания и каким справедливым образом российские командиры с ними поступают, и что то указами е. и. в. всегда оным командирам подтверждается, также и никакой дани (как то зюнгорцы требуют) от них не требуется, и где хотят кочевать, им всегда дозволяется»³⁵.

В случае установления, что в казахской степи находятся джунгарские посланники, российские представители должны были всячески препятствовать их действиям и по возможности добиваться доставки этих послов в Орскую крепость, где им будет разъяснено, что хан, как российский подданный, не имеет права «с посторонними народами без указа е. и. в. в противные подданству ево договоры и обязательства вступать». Российские послы должны были предпринять меры для недопущения взимания дани с казахов представителями Джунгарии. В их задачу входило также убеждение казахских владетелей в том, что правительство намерено принять меры для защиты степи от Джунгарии.

Уразин и Ураков должны были получить достоверные сведения о внутренних противоречиях между «тамошними владельцами», причинах, их порождающих, о расстановке сил, имеются ли антироссийские настроения, в какой степени они проявляются, имеют ли носители этих настроений последователей, их количество и т. п. В то же время от послов требовалось сделать все от них зависящее по пресечению антироссийских настроений.

Хотя Уразин и Ураков направлялись к хану Среднего жуза Абулмамбету, при случае они могли встретиться с ханом Абулхайром и султанами Бараком и Батыром, в адрес которых у них имелись специальные грамоты. В данном случае задача состояла в том, чтобы добиться их приезда в Орскую крепость для перегово-

---

³⁵ Там же, стр. 218.

ров с российской администрацией, причем ввиду острых противоречий между Абулмамбетом и Абулхаиром, а также между Абулхаиром и султанами Бараком и Батыром, никто из них не должен был знать о том, что представители российских властей готовят между ними встречу. Российские власти уполномочили Уразина и Уракова в случае крайнего обострения напряженности в связи с агрессией Джунгарии принять меры к прикочевке казахских улусов к Орской крепости, где они смогут найти надежную защиту.

В задачу Уразина и Уракова входило также получение сведений о внешнеполитическом положении Хивинского ханства, создавшемся в связи со слухами о нападении на ее территорию персидского шаха. Это не исключало знакомства с внутренним состоянием ханства и, в частности, с положением султана Нуралы.

В той же инструкции ставился вопрос о возможности явки с повинной к российским властям руководителя башкирского восстания Карасакала, который, «ежели в добром намерении состоять будет», может надеяться на прощение.

Не менее интересная по своему содержанию в смысле уяснения позиций российского правительства в отношении восточных государств и к Казахстану является инструкция Оренбургской комиссии майору К. Миллеру от 2 сентября 1742 г., отправленному к джунгарскому хунтайджи Галдан-Церену³⁶.

Прежде всего отметим, что на том этапе развития России отмечается стремление ее правительства к решению возникших с другими государствами споров мирным путем. И в данном случае мы видим одну из тенденций к установлению мирных отношений с Джунгарией путем дипломатических переговоров, ибо только этим можно было достигнуть стабилизации положения в степи.

Посольство К. Миллера, состоявшее из прапорщика Пазухина, «геодезии ученика» Тохтарова, переводчика Ивана Ерофеева, капрала Тихона Дмитриева и шести яицких казаков, направлялось к Галдан-Церену в связи с военными действиями Джунгарии против Казахстана в 1741 г. и присылкой хунтайджи послов к ка-

---

³⁶ АВПр, ф. Главный архив 1—9, 1826—1833, д. 3, л. 215.

захским ханам в 1742 г. с требованием дани и аманатов. Следовательно, Россия, как сюзерен, заботилась в данном случае не только о Казахстане, своем вассале, но и о собственном престиже. Не случайно в инструкции Миллеру мы встречаемся с такими, например, положениями, как необходимость пресечь «непристойные требования (Джунгарии.— В. Б.) ...установить в том надлежащую спокойность». Более того в категорической форме надо было добиться согласия Галдан-Церена на отказ от своих требований получить казахских аманатов.

Миллер нацеливался на подробное изучение пути следования посольства. Он должен был «записывать реки, горы и другие знатные урочища, с чего б можно было карту сочинить и впредь о сем вашем тракте известие иметь». Послы обязывались при проезде через казахские улусы «чрез верных киргисцов» сообщить в Оренбург, «что где уведаете или усмотрите».

При встречах с казахскими владельцами Миллер и другие члены посольства должны были разъяснить им, что главной целью поездки к Галдан-Церену является достижение договоренности с джунгарским хунтайджи о прекращении военных действий против казахского народа. Заметим, что, если бы эта цель в действительности была достигнута, это подняло бы авторитет российского государства в глазах казахов и способствовало бы укреплению позиций России в казахской степи. Не случайно инструкция неоднократно требует от российских послов рассмотреть с Галдан-Цереном вопрос об «утверждении доброго и спокойного соседства как со стороны подданных е. и. в. киргис-кайсаков и ево (Галдан-Церена.— В. Б.) подвластных людей, ко взаимной пользе и благополучию обоих народов»³⁷.

Российская администрация, допуская, что возможны нападения казахов на джунгарские пограничные районы, требовала от хунтайджи рассматривать их как инциденты с Россией, а значит и разрешать их с российским правительством, не вступая ни в какие сношения с казахами, принявшими присягу о вхождении в состав России. В этом случае российская администрация будет добиваться прекращения этих нападений путем

---

³⁷ «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.», стр. 223.

строгого наказания виновников. В случае достижения договоренности по этому вопросу российское правительство получило бы юридическое признание Джунгарией российского протектората казахов.

В то же время российское посольство должно было обратить внимание джунгарского владетеля на то, что события, развивавшиеся в то время в казахской степи, свидетельствуют об антиказахских намерениях Джунгарии. Несмотря на это, российское правительство ставило вопрос так, что «ежели прежние ссоры рошислять, то и конца быть не может и для того б, оставя прежнее, настоящее время в рассуждение было взято, чтоб все до сего происходившие беспокойствия прекратить и пограничные народы со обеих тех сторон в безопасность ныне привести»³⁸. Иначе говоря, ставилась задача позабыть старые распри и открыть совершенно новую страницу мирных взаимоотношений. Для убедительности того, что в степи всякое может случиться, российские дипломаты должны были привести в пример случай, происшедший в 1739 г., когда казахами Старшего жуза был ограблен российский торговый караван и «пограбленное в их руках осталось», хотя было ясно, что дело здесь не в каких-то обидах, которые наносят джунгарам казахи, и что Джунгария вынуждена защищать от казахов свою территорию, а в плановом наступлении Джунгарии против Казахстана с целью захвата его территории.

К. Миллеру давалась установка сделать все зависящее от него для освобождения из джунгарского плена султана Среднего жуза Аблая с его спутниками. Чтобы облегчить осуществление этого важного задания, российские власти приняли меры для сосредоточения в одном пункте всех плененных казахами джунгар для обмена их на Аблая.

Иструкция ставила задачу достижения договоренности с Галдан-Цереном об обмене мнениями по интересующим их вопросам, а для решения наиболее важных проблем направлять друг к другу послов. В особенности обращалось внимание на установление границ между Джунгарией и казахской степью, что способствовало бы уменьшению напряженности в этом районе.

---

³⁸ Там же, стр. 224.

Кроме всего прочего, предусматривалось уточнить действительно ли в джунгарском подданстве Старший жуз «и еще какие орды и города оной владелец (т. е. Галдан-Церен.— В. Б.) под властью своею имеет, когда их себе покорил, как их содержит и управляет, берет ли с них дань, какую и почему».

Что касается возникновения непредвиденных обстоятельств, то в каждом отдельном случае Миллер должен был действовать в зависимости от обстановки «и здравому рассуждению», но чтобы все «было с пользою е. и. в. высочайших интересов, ибо все отсюда (из Оренбурга.— В. Б.) предписать невозможно»³⁹.

В связи с вторжением джунгарских войск на территорию Младшего и Среднего жузов в июле 1741 г. через посольство Миллера было направлено письмо начальника Оренбургской комиссии И. Неплюева Галдан-Церену с требованием не вмешиваться в дела казахов, вошедших в состав России. И. Неплюев официально ставил в известность Галдан-Церена о том, что казахи вошли в состав России, в чем убедились джунгарские послы Кошку и Бурун, присутствовавшие во время переговоров Неплюева с представителями казахской верхушки. Ставя в известность Галдан-Церена о направлении к нему российского посольства во главе с К. Миллером, И. Неплюев убедительно просил освободить плененных джунгарами султана Аблая с его людьми⁴⁰. Таким образом, можно с уверенностью сказать, что в освобождении Аблая из джунгарского плена большая роль принадлежала российской администрации. Но было бы наивным полагать, что это было сделано из альтруистических побуждений. Российское правительство рассчитывало использовать освобождение Аблая для упрочения своих позиций в Казахстане. Не случайно Н. Г. Аполлова, сообщая о переписке между Аблаем, царским правительством и Оренбургской администра-

³⁹ Там же, стр. 227.

⁴⁰ Во время переговоров в Орской крепости с 20 августа по 7 сентября 1742 г. И. Неплюев сообщил Абулхаиру, что Миллер «содержащегося у него (Галдан-Церена.— В. Б.) в полону Аблая-салтана и киргис-кайсаков с ним, Аблаем, взятых, освободил». См.: Н. Г. Аполлова, Г. Ф. Дахшлейгер. Начало присоединения Казахстана к России. В кн.: «История Казахской ССР», т. I. Алма-Ата, 1957, стр. 242; Н. Г. Аполлова. Экономические и политические связи Казахстана..., стр. 92, 391, 414.

цией, указывает, что Аблай выражал желание не нарушать «подданства России и по первой надобности оказывать ей военную помощь»⁴¹.

4. Наследники Абулхаира и царская администрация

В процессе присоединения Казахстана к России во взаимоотношениях между российской администрацией и казахскими владельцами наступил качественно новый этап, насыщенный событиями, сыгравшими значительную роль в дальнейшей истории края.

Проводя в жизнь программу своего правительства, российская администрация шла по пути усиления своего влияния в казахской степи, беспрекословного подчинения местных владельцев в политическом и экономическом отношениях. Естественно, такая политика не устраивала казахских владельцев. Каждый из них стремился использовать царские войска и русско-казахскую торговлю для защиты своих владений, укрепления личной власти и дальнейшего обогащения. Следовательно, интересы различных правящих казахских группировок не совпадали, что до предела накаляло вражду между ними. Эти противоречия очень ловко использовали царские власти, натравливая казахских владельцев друг на друга. Ярким примером этого являются взаимоотношения, сложившиеся между ханами Абулхаиром, Абулмамбетом, султаном Бараком и другими властителями казахской степи с оренбургским губернатором И. Неплюевым, о чем, в частности, красноречиво свидетельствует деятельность хана Абулхаира. Его власть была настолько слаба, что он не в силах был противостоять частым набегам своих подданных на российские пограничные линии, калмыков и башкир. Абулхаир, заинтересованный в упрочении своих позиций, зачастую, хотя и безуспешно, требовал у Оренбургской администрации предоставить в его распоряжение военные отряды.

Слабость ханской власти порождала в нем двуличие: то он угрожал откочевкой, то изливал свои верно-

---

⁴¹ Н. Г. Аполлова. Экономические и политические связи Казахстана..., стр. 414.

подданические чувства к российскому престолу. В то же время некоторые старшинские группировки во главе с Бараком видели в хане Абулхаире единственного виновника и главного пособника продвижения Российской империи в глубь казахской степи. Барак и другие крупные владельцы опасались усиления Абулхаира при поддержке царского правительства. Он встал на их пути, мешал осуществлению целей в междоусобной борьбе, превратился в их опасного противника. Вместе с тем, используя все возможности Абулхаира для упрочения российского влияния в Казахстане, И. Неплюев стал тяготиться ханом, ибо он не проявлял достаточной гибкости в проведении политики царизма, а иногда и мешал этому. Следовательно, в один поток слились две враждебные Абулхаиру силы — оренбургская администрация и старшинская группировка во главе с Барак-ом. И когда представился благоприятный случай, Абулхаир был убит¹.

С убийством Абулхаира возникла проблема избрания нового, удобного царской администрации хана. Как и предполагали в Оренбурге, «главным» ханом был избран старший сын Абулхаир-хана Нуралы. Избрание Нуралы состоялось 2 октября 1748 г. в ханской кибитке, а не публично, как это делалось обычно. В церемонии избрания нового хана принимали участие знатные бии десяти родов. 5 октября ханша Пупай, мать Нуралы, а также бии и батыры Младшего и Среднего жузов направили царице Елизавете Петровне письмо, в котором просили утвердить Нуралы ханом Младшего жуза. Аналогичные письма с ходатайством об утверждении Нуралы ханом Пупай направила 6 октября Тевкелеву и Неплюеву. Тем самым в казахской степи было признано право Петербурга на утверждение казахских ханов, что означало юридическое признание верховного правления за правительством России. Это была очередная серьезная победа российской дипломатии на пути осуществления своей политики на Востоке.

Идя еще дальше в этом направлении, оренбургские власти в декабре 1748 г. поставили перед своим правительством вопрос о назначении жалованья ханам Млад-

---

¹ Об этом см.: В. Я. Б а с и н. Казахстан в системе внешней политики России в первой половине XVIII в.

шего и Среднего жузов, рассчитывая, что это позволит им поставить ханов и других владельцев казахской степи в полную зависимость от России. «А тот хан, который определен будет е. и. в. указом и станет получать годовое жалованье,— писал А. Тевкелев 24 декабря 1748 г. в Коллегию иностранных дел,— то всемерно оную е. и. в. высочайшую монаршескую милость помня и чувствуя, в послушании быть должен и принужден служить верно»².

27 сентября 1754 г. Нуралы обратился к оренбургскому губернатору с просьбой о назначении ему ежегодного жалованья «за верную службу». Эту просьбу хан обосновал тем, что «киргис-кайсацкой народ, по степному состоянию и по древнему их обыкновению, никакого порядку не имеет, чтобы хану их какой сбор чинен был». В соответствии с представлением И. Неплюева канцлер А. Бестужев-Рюмин 25 августа 1755 г. уведомил Нуралы о назначении ему годового жалованья в сумме 600 руб.³ Заметим, что султан Аблай в своем письме А. Тевкелеву в сентябре 1758 г. также просил установить ему жалованье, которое грамотой Елизаветы от 31 августа 1759 г. было определено в 200 руб. в год (увеличено затем до 300 руб.).

Примечательно, что А. Тевкелев и П. Рычков в январе 1759 г. впервые выдвинули перед Петербургом идею о том, что в будущем «для многих государственных резонов полезнее б было, когда б ханские определения могли быть без выборов от народа (выделено нами.— В. Б.)..., но единственно по высочайшему е. и. в. соизволению... как то и в волских калмыках установлено»⁴. Они же предлагали назначать правителями в казахской степи лиц, угодных царизму. Это были признаки той политики, которая в итоге привела к ликвидации казахских ханств, к укреплению позиций Российской империи в Казахстане, а впоследствии, во второй половине XIX в., к прочному утверждению здесь власти царизма.

Между тем 17 октября 1748 г. из казахской степи в

---

² «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.», стр. 437.

³ АВПр, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1755, д. I, л. 3 и об.; «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.», стр. 416, 537, 568, 598.

⁴ «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.», стр. 580.

Оренбург прибыло посольство во главе с султаном Джаныбеком и батыром Байбеком. Они сообщили об обстановке в казахских улусах, создавшейся после убийства Абулхаира. Не оставалось сомнений, что подавляющее большинство казахов скорбит об убитом хане, а некоторые даже согласны сделать все от них зависящее для наказания султана Барака, убийцы Абулхаира.

Барак же, опасаясь мщения, ушел с тремя тысячами кибиток в урочище Сары-Су (в районе Туркестана), к границам Старшего жуза, который, как известно, находился тогда под владычеством Джунгарии.

Чтобы узнать о намерениях Барака, оренбургская администрация направила в его улусы посольство во главе с М. Араповым. Оно выехало туда 3 сентября 1748 г., но Барака там не оказалось — уехал «воевать с верхними каракалпаками, а жена — в город Туркестан для свидания с родственниками»⁵.

Посольство Арапова было любезно принято детьми Барака. Послам указали путь к Барaku в район устья р. Джидяли, впадающей в Сырдарью. Когда Барaku объявили, что прибывшие являются представителями оренбургской администрации, и подали ему письмо от И. Неплюева, султан «весьма рад был». На вопрос Барака, как в Петербурге относятся к убийству Абулхаира, Арапов в соответствии с инструкцией ответил, что он выехал из Оренбурга, не зная о смерти хана. Барак сообщил Арапову, что убил Абулхаира «за многие его воровства и грабежи азиатских купцов, ездивших для торгу в Оренбург, а особливо за учиненные ему, Барaku, наглые и многие обиды, которых-де он и снести стал быть уже не в состоянии». Указав, что «вора-де и везде бьют», Барак сообщил Арапову, что он уехал из Среднего жуза не потому, что испугался мщения, а чтобы овладеть местами, ранее принадлежавшими его отцу, хану Турсуну, «и ради завоеванья каракалпаков». И хотя он довольно далеко откочевал от пределов Среднего жуза, «только к здешней стороне весьма близок сердцем своим и в верности своей к е. и. в., яко подданной е. в., твердо состоит». Это же Барак подтвердил и в письме к Неплюеву, когда писал, что «где бы я не на-

---

⁵ Там же, стр. 485.

ходил, а всемиростивейшей государыне в верности находиться буду»⁶.

В то же время Барак направил к джунгарскому хунтайджи Псчан-Цагану (Цевен-Доржи) трех своих посланцев с просьбой оказать ему протекцию. Посланцы Барака сообщили хунтайджи, что казахи Младшего жуза якобы собрались на войну с джунгарами, а Барак, чтобы не допустить этого, «Абулхайр-хана убил»⁷.

Сыновья Абулхайра также послали своих лазутчиков в Джунгарию с известием об избрании ханом Нуралы, и что это избрание получит юридическую силу после утверждения в Петербурге. Они предлагали мир, дружбу. Нуралы просил не удовлетворять домогательств Барака. О своих переговорах с джунгарским хунтайджи он не поставил в известность оренбургскую администрацию ни в тот момент, когда они происходили, ни во время оренбургских переговоров в июле 1749 г.⁸ Это заставило Оренбург очень внимательно следить за поведением Нуралы.

Оренбургский губернатор надеялся, что старшинам предоставится возможность примирить стороны, тем более, что по казахскому обычному праву «хотя б кто и убил хана, есть способ платежом разделаться». К тому же и сам Барак велел находившимся вместе с ним биям Каратока, Утябаю и аталыку Козанай Мамету заявить в ставке ханши Пупай, что если суд биев признает «за неправильно убийство... Абулхайр-хана, то-де на их волю отдаюсь..., как-де они уже сами изволить присудят, или взять именование его или ему голову отрубят, что-де в их воле состоит»⁹.

Чтобы приблизить к себе Средний жуз и не дать ему подпасть под влияние джунгарского владельца, Тевкелев предложил усилить торговые связи с ним через Орскую крепость, временно сократив торговлю через Сибирь. Правда, против этого выступил И. Неплюев, аргументируя тем, что торговля в Орской крепости не выгодна для российских купцов, потому что им негде будет пасти приобретаемый у казахов скот, ибо в районной крепости пастбищ нет, что здесь часто бывают

---

⁶ Там же, стр. 486, 489.

⁷ Там же, стр. 429.

⁸ Там же, стр. 480.

⁹ Там же, стр. 422, 427.

наводнения, а также необходимостью предоставления конвоев для охраны купцов от возможных нападений¹⁰.

2 мая 1749 г. царское правительство предписало оренбургской администрации в случае нападения на казахов со стороны Джунгарии выделить для их защиты войска. Пошло оно и на то, что разрешило казахам в период наибольшей опасности для них со стороны джунгар кочевать по правой стороне Урала и находиться вблизи русских крепостей¹¹.

По просьбе ханши Пупай оренбургский губернатор в октябре 1748 г. направил представителем при хане казачьего урядника Федора Найденова.

Прибывшие в Оренбург зять хана Абулхаира Джаныбек и батыр Байбек в сопровождении 19 человек 22 октября 1748 г. выехали в Петербург для утверждения в ханском звании султана Нуралы с расчетом, что возвратятся на родину до того, как казахи «разъедутся вдаль»¹². Это было необходимо, чтобы как можно больше казахского населения узнало об утверждении Нуралы ханом указом императрицы.

В это же время между Оренбургом и ставкой Нуралы развернулась бурная переписка, содержание которой сводилось к взаимному заверению в преданности и обещанию оказывать помощь друг другу. И. Неплюев ставил в известность Нуралы и Пупай о том, что в любой момент любая российская крепость в случае необходимости будет предоставлена в их распоряжение. Затем последовали официальное приглашение Нуралы посетить Оренбург летом 1749 г. и взаимный обмен подарками.

Следует, однако, заметить, что Нуралы не особенно надеялся укрепить свою власть, так как видел серьезных соперников в лице султанов Батыра, Барака и сына последнего Каипа, в то время занимавшего ханский престол в Хиве. Недаром же Зовсан, слуга Пупай, сообщил российскому послу Исмаилу Абдрезякову, что «самовольный и необузданный народ (имеются в виду казахи.— В. Б.)» принял участие в избрании ханом Батыра. И хотя в этих выборах, происходивших 15

¹⁰ АВВР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1749—1762, лл. 1—10.

¹¹ «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.», стр. 446.

¹² Там же, стр. 442.

сентября 1748 г.¹³, участвовало всего лишь «до двадцати человек старшин», да и то ради получения подарков, но они являлись представителями 500 кибиток чеклинского, 200 — чумекейского и 300 — дюрткаринского родов. Наконец, как сообщил Матвей Арапов, старшины улусов кунратского племени от имени 10 тыс. человек заявили, что в случае, если «от Меньшей орды на него, Барака, нападение будет, то-де они ево, Барака, не только не выдадут, но за него и драться готовы»¹⁴.

Следовательно, хану Нуралы было чего опасаться. Поэтому он считал, что единственным средством упрочения ханского положения для него является физическое устранение соперников. Самому упрочить свое положение как хана Младшего жуза, Ералы сделать правителем Среднего жуза, а Ходжа Ахмета посадить в Хиве вместо Каипа (ставшего хивинским ханом лишь благодаря персидскому шаху), присоединить Хиву к России, и тогда «все что ни пожелает, в его воли будет» — таковы были замыслы Нуралы. Если учесть его стремление под любым предлогом получить в свое распоряжение российское войско (во время переговоров с Неплюевым в Оренбурге 11—25 июля 1749 г. Нуралы потребовал от оренбургского губернатора воинские отряды якобы для использования их против Барака)¹⁵, то станет ясно, что он воспринял основные направления политики Абулхайра, который, как известно, всю жизнь стремился получить хивинский престол и создать крепкую централизованную власть в Казахстане при помощи русских войск.

Но укрепление ханской власти Нуралы не входило в планы Российской империи. Мысли и чаяния царского правительства в этом отношении выразил И. Неплюев: «Надобно, чтоб Абулхайрханова фамилия не упала, но и еще чтоб более не усилилась». Российским властям было выгодно, чтобы султан Барак не только устоял, как противовес Нуралы, но «чтоб и не пропал, яко чрез него в обеих ордах равновесие при всяких случаях содержать и как ханскую фамилию, так и всех Средней

¹³ Н. Г. Аполлова. Присоединение Казахстана к России, стр. 214.

¹⁴ «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.», стр. 437, 472, 488.

¹⁵ Там же, стр. 423, 451—452.

орды владельцев в резонах и должности иметь было удобнее». А. Тевкелев и П. Рычков пошли еще дальше в этом отношении. Они рекомендовали Коллегии иностранных дел «самые удобнейшие и легчайшие средства..., через которые б владельцев и старшин..., одних против других побуждая, наперед ими ж самими их усмирять и обессиливать». Не случайно же в июле 1749 г. во время беседы в Оренбурге с тарханом Джаныбеком оренбургский губернатор рекомендовал ему встретиться с Бараком, чтобы уговорить последнего просить прощения у императрицы за убийство Абулхайра и затем возвратиться в казахские степи¹⁶.

Между тем 26 февраля 1749 г. Елизавета подписала грамоту об утверждении султана Нуралы в ханском звании. В указе подчеркивалось, что хан Нуралы должен будет верно «служить и во всем по указам нашим наирачительнейше поступать и исполнять» все распоряжения российской администрации, а правительство Российской империи казахский народ «в правосудии и спокойствии будет содержать»¹⁷. В этот же день у императрицы состоялся прием в честь казахских посланцев, на котором Джаныбек и канцлер А. П. Бестужев-Рюмин обменялись речами. Казахский правитель благодарил за утверждение Нуралы в ханском звании и просил содержать казахов «в прежней ...и. в. милости». Канцлер подчеркнул, что правительство России и впредь будет держать «весь киргизский народ своею императорскою высочайшею милостию»¹⁸.

8 июля 1749 г. в Оренбург для переговоров с Неплюевым прибыл Нуралы со своими братьями султанами Ералы, Ходжа Ахметом, Досалы (племянник Абулхайра, двоюродный брат Нуралы, воспитывался в Хиве и получил по тому времени приличное образование), Чингизом, тарханом Джаныбеком, батыром Букенбаем, многими старшинами и сопровождавшими их лицами. Здесь к ним присоединился султан Айчувак, находившийся в качестве аманата в Оренбурге. Вместе с ними приехал также представитель российской администра-

¹⁶ Там же, стр. 424, 587, 471.

¹⁷ «Материалы по истории политического строя Казахстана», стр. 39.

¹⁸ А. Добросмыслов. Тургайская область (исторический очерк). Тверь, 1902, стр. 87—88.

ции при казахском хане капитан Яковлев. Всего прибыло свыше тысячи человек из Младшего жуза и около двухсот — из Среднего. Они остановились в выделенном для лагеря месте на берегу Яика, примерно в пяти километрах от Оренбурга.

Нуралы сообщили об утверждении его в ханском звании. Церемония эта прошла пышно, с большой торжественностью. В центре лагеря расстелили огромный ковер «с золотом». Грамота императрицы была прочтена на русском и казахском языках. Во время чтения хан, стоя на коленях, принял присягу и «куран целовал, к которой присяге тут же и своими руками печать свою приложил».

В честь этого события, в соответствии с грамотой Елизаветы, хану были вручены присланные из Петербурга «сабля оправная с надписью», парчовая шуба на собольем меху и шапка из чернубурой лисицы. После присяги Нуралы на верность императрицы прибывшие с ханом старшины поклялись в верности Нуралы. Церемония сопровождалась «пушечною пальбою». Для угощения прибывших представителей из казахской степи было отпущено до «тысячи рублей». В действительности же, учитывая, что Петербург разрешил И. Неплюеву в данном случае действовать по своему усмотрению, израсходовали более двух тысяч рублей¹⁹.

Все это было сделано отнюдь не случайно. Прежде всего сам факт утверждения в Петербурге на ханский престол Нуралы поднимал авторитет нового хана, исключал возможность появления ханов, неугодных российскому правительству. К тому же пышные торжества и обильные угощения, которые были не под силу ни одному из правителей казахской степи, в какой-то степени еще больше убеждали обитателей улусов в том, что Россия — могущественное государство.

Русско-казахские переговоры велись с 11 по 25 июля. В основном они касались урегулирования спорных вопросов. Прежде всего нужно было разрешить старую, давно наболевшую проблему взаимного возвращения пленных, скота и имущества. Обе стороны изъяс-

---

¹⁹ «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв., стр. 445, 459, 461, 476, 479. См. также: В. И. Витевский. И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г., ч. III. Казань. Предисловие.

вили готовность идти друг другу навстречу в этом вопросе.

Много внимания было уделено проблеме безопасного продвижения торговых караванов через казахские улусы. Как заметил Нуралы, в прошлом недоразумения часто происходили из-за того, что купеческие караваны избегали заезжать в ставку Абулхаира, не получали ханский ярлык на право продвижения по степи и потому оказывались незащищенными от грабителей. Пришли к единодушному мнению о необходимости заезда купцов к хану, но при условии, если ханская ставка будет находиться не более чем в пяти днях езды от пути прохождения каравана. Если же расстояние будет больше, то они должны заезжать к ближайшему родственнику хана за получением разрешения на проезд через казахскую степь.

Что же касается предоставления российских войск в распоряжение Нуралы, то оренбургская администрация не поддержала этой просьбы, хотя и обещала в случае возникновения какой-либо опасности для казахских жузов немедленно направить войска по назначению. На первый взгляд может показаться, что Нуралы действительно укрепил бы с помощью российских войск свою ханскую власть. Ведь он заявил, что войска ему нужны «не для того, чтобы оным народ (казахский. — В. Б.) губить и разорять, но больше для страху киргисцам». В беседе с И. Неплюевым Нуралы заметил, что если ему дадут войска, «то чего б он, хан, не востребовал, то все исполнить не ослушаются»²⁰. Нуралы намекал на то, что с укреплением его власти России легче будет проводить свою политику в казахской степи. Но в том то и дело, что появление российских войск в казахских улусах не только не укрепило бы власть Нуралы, а наоборот, вызвало бы недовольство, раздражение и страх среди основной массы населения, привело бы к откочевке. Оренбургская администрация все это прекрасно понимала и не была заинтересована в откочевке казахских улусов, ибо такой ход событий вредно отразился бы на интересах Российской империи в этом районе. Этим объясняется отрицательное отношение

---

²⁰ «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.», стр. 454.

И. Неплюева к просьбе Нуралы, несмотря на упорное домогательство последнего.

На переговорах было подчеркнуто, что присоединение казахской степи к Российской империи привело к тому, что казахи «ничего не потеряли, но еще довольно благополучие приобрели»²¹.

В ходе переговоров решили вопрос и об аманатах. Царское правительство признало серьезной ошибкой долголетнее содержание в качестве аманата султана Ходжа Ахмета (умер в 1750 г.), так как это явилось поводом для антироссийских выступлений со стороны Абулхаира и его окружения. Именно поэтому стороны договорились заменить находящегося при российской администрации в качестве аманата султана Айчувака султаном Адилем — младшим братом Нуралы — и впредь замену аманатов производить через год.

На завершающем этапе переговоров Нуралы передал благодарственную грамоту с клятвой в верности Российскому престолу.

Во время этих переговоров И. Неплюев часто и подолгу беседовал с Джаныбеком и Букенбаем. От них он узнал о положении в Среднем жузе и, в частности, о кереевском роде, в котором до убийства Абулхаира правил султан Ералы, а также о найманском роде, где правил султан Барак, и о султанах Аблае — правителе аргынского рода, включавшего в свой состав семь других более мелких родов.

В отношении найманского рода Джаныбек высказал предположение, что с отъездом султана Барака в нем будет избран новый правитель. Тархан сообщил также, что, несмотря на события, потрясшие всю казахскую степь в связи с убийством Абулхаира, обстановка в найманском роде была спокойной, казахи этого рода «е. и. в. находятся в верности»²². Что же касается интересовавшего И. Неплюева Карасакала, причинявшего значительное беспокойство Оренбургской администрации, то, как сообщил Джаныбек, последний скончался. Это же подтвердил М. Арапов, возвратившийся из поездки к султану Бараку²³.

²¹ Там же, стр. 445.

²² Там же, стр. 469.

²³ Там же, стр. 488. О Карасакале см.: Ч. В а л и х а н о в. Собр. соч., т. I, стр. 431—436, 705.

Джаныбек сообщил также о местонахождении султана Барака в районе между Туркестаном и Ташкентом, в улусах Старшего жуза, и сказал, что «Средняя орда его возненавидела» за то, что «он такого хана убил, который приведением в подданство е. и. в. всему киргис-кайсацкому народу немалое благополучие приобрел и всегда об оном попечителен был»²⁴.

Тархан задал И. Неплюеву вопрос о том, что примет оренбургская администрация в случае нападения джунгар на Средний и Младший жузы. Неплюев ответил, что Россия в любой момент готова защитить казахов от поползновений джунгар, но при условии, если зачинщиками нападения будут не казахи, а джунгары. Таким образом, оренбургская администрация изъявила волю своего правительства, заинтересованного в недопущении вооруженных столкновений в казахской степи.

И это совершенно не случайно. Как известно, именно в это время Россия была втянута в войну между Австрией и Англией, с одной стороны, Францией и Пруссией — с другой, но действовала нерешительно²⁵. Сковав свои силы на Западе, Россия не могла уделять достаточно внимания событиям в казахской степи. К тому же назревала Семилетняя война (1756—1763). Если учесть, что в это же самое время хан Нуралы и его окружение готовили поход в Старший жуз, находившийся под властью Джунгарии, чтобы отомстить Бараку за убийство Абулхайра, что неминуемо должно было привести к вооруженному столкновению с джунгарами, станет понятным, почему оренбургская администрация не была заинтересована в военном конфликте в этом районе.

Джаныбека интересовала и организация торговли в Орской крепости. И. Неплюев признал необходимость торговли и обещал ходатайствовать о ее разрешении. В то же время он поставил тархана в известность о ряде неудобств, связанных с торговлей в Орской крепости, прежде всего напомнил о внезапных нападениях, из-за

---

²⁴ «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.», стр. 469.

²⁵ Об этом см.: С. В. Бахрушин и С. Д. Сказкин. Внешняя политика России в период 1726—1755 гг. В кн.: «История дипломатии», т. I. М., 1959, стр. 354.

которых торговый центр был перенесен в Оренбург. После соответствующих представлений И. Неплюева и выставленных им аргументов царское правительство отклонило предложение Джаныбека ²⁶.

Закончив переговоры, казахские послы разъехались по своим родным местам. Начались обычные будни, за которыми крылась бурная политическая борьба.

Еще 2 июля 1749 г. Нуралы, Пупай, Ералы, Ходжа, Ахмет и Айчувак обратились к Неплюеву с просьбой о сооружении гробницы Абулхаира на месте его погребения, находившегося на расстоянии «езды пяти дней от Орской крепости» ²⁷.

В противном случае ханша Пупай угрожала перевезти тело Абулхаира на его родину в Туркестан, что вызвало бы откочевку туда казахов Младшего жуза. Для строительства гробницы казахские владельцы просили выделить две или, в крайнем случае, одну тысячу работников, которые, по их мнению, смогли бы соорудить гробницу за 15 дней.

В конце 1749 — начале 1750 г. у Нуралы находился российский посланник Яков Гуляев. Хан и посол обсуждали различные вопросы, касавшиеся обеих сторон. Уточняли, например, детали строительства гробницы Абулхаира. И хан заявил Гуляеву: «Когда-де по высочайшему е. и. в. милосердию действительно построена будет (гробница. — В. Б.), то через то легкомысленный киргис-кайсацкой народ в лутшее постоянство и чувство и в страх привести могу». Тем самым Нуралы, возвращаясь к приемам своего отца, опять-таки давал понять оренбургской администрации, что его не покидает мысль об использовании российских властей для упрочения своих позиций в степи и осуществления своих далеко идущих целей. Хан просил построить ему с матерью «и со всею фамилией... по Илеку-реке при урочище Биштамак» городок, обещая безвыездно жить в нем зимой и летом. Братьев же своих Нуралы хотел сделать по «разным улусам управителями», что, по его мнению, способствовало бы установлению в степи порядка и беспрекословному выполнению указов императрицы, «а бес того-де киргис-кайсацкой народ, хотя пе-

²⁶ «Красный архив», 1938, т. 2(87), стр. 160.

²⁷ АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1749, д. 4, л. 238.

ред глаза, яко владельцу, почтение делают, а самым делом не слушают»²⁸. Иначе говоря, владетель казахской степи всячески старался убедить оренбургскую администрацию в том, что только упрочение абулхайровой ханской фамилии может облегчить проведение в жизнь планов царского правительства.

Для того, чтобы «искусно разведать и рассмотреть», действительно ли могут наступить какие-либо нежелательные для России последствия, если гробница Абулхайра не будет построена, в Оренбурге признали необходимым пригласить Я. Гуляева инженер-подпоручика Ригельмана²⁹. Последний должен был сообщить Нуралы, что его просьба о строительстве гробницы будет удовлетворена, но только после решения более существенных вопросов.

Во время пребывания в степи у Нуралы, Ригельман и Гуляев были представлены ханше Пупай. Они преподнесли ей ценные подарки и сообщили, что в соответствии с указом инженер-подпоручик Ригельман осмотрит место для строительства гробницы и сделает соответствующие расчеты. Это произвело на ханшу благоприятное впечатление, и в ходе беседы она заявила: «Хотя-де я для сиротства своего и рассуждала было, чтоб для лутчаго своего покоя и опасения, взяв с собой кости мужа, уехать в Туркестан и жить там до скончания жизни моей, но ныне, как слышу от сына моего Нуралы-хана, тако ж и от себя у нас высочайшую е. и. в. милость, оное свое мнение уже отменила»³⁰. Таким образом, российским посланникам удалось устранить повод для откочевки, которым в степи могли воспользоваться враждебные России силы.

Оренбург очень внимательно следил за взаимоотношениями казахского хана и джунгарского хунтайджи. Определенный к Нуралы 2 ноября 1749 г. по его просьбе «для письменных дел» ясачный татарин Алмухамед Нурмухаметов передал оренбургской администрации копию переписки казахского хана с джунгарским вла-

---

²⁸ «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.», стр. 494—495.

²⁹ АВПР, ф. Главный архив 1—9, 1826—1833, д. 3, л. 215.

³⁰ «Казахско-русские отношения в XVI—XVII вв.», стр. 514—515.

детелем³¹, из которой стало известно о планах Нуралы выдать замуж свою сестру за джунгарского хунтайджи. Правитель Джунгарии в одном из писем просил Нуралы отдать за него сестру, «по которому случаю возможно будет иметь нам неразрывный союз, и потому обещаюся я вас учинить и поставить на настоящее ханское место отца вашего, и препоручить вам полную власть, и всю орду вашу к вам преклонить в состоянии буду»³². Так российским властям стало известно о далеко идущих планах джунгарского правителя и существовании прямого контакта между казахской степью и Джунгарией.

Правда, когда Я. Гуляев осведомился у Нуралы о его плане выдать сестру замуж за джунгарского владельца, хан ответил, что намеревается отдать сестру, рожденную от наложницы Абулхайра, калмычки по происхождению, да и то лишь при условии, что хунтайджи поможет ему отомстить Бараку, а императрица благословит этот брак.

Кроме того, по словам Нуралы, джунгарский хунтайджи обещал в случае выдачи за него сестры Нуралы возвратить всех пленных казахов, освободить Ташкент и Туркестан и уйти из Старшего жуза³³. В действительности же это сватовство было лишь поводом для Нуралы, чтобы создать себе опору в лице джунгарского хунтайджи, если вдруг ухудшатся отношения с Оренбургом, и средством, при помощи которого, по мнению Нуралы, можно было воздействовать на оренбургскую администрацию. Когда Гуляев сообщил хану о крайне отрицательном отношении Оренбурга к данному сватовству, Нуралы принял известие с большим удовлетворением, почувствовав, что для российской администрации не безразлично, какие внешние и внутривосточные действия предпринимает казахский хан.

Реакция Оренбурга на действия Нуралы вселила в него уверенность в своей значимости, и он стал добиваться санкции на организацию карательных экспедиций против непокорных улусов, ибо был озабочен сла-

³¹ И. И. Крафт. Сборник узаконений о киргизах степных областей. Хронологический перечень грамот. Оренбург, 1898, стр. 28.

³² «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.», стр. 518.

³³ Там же, стр. 511.

бостью своей власти над казахами. Кстати, Нуралы имел не больше «силы и власти, как все другие солтаны и старшины»³⁴. Как сообщил Я. Гуляев, на одном из совещаний у ханши Пупай Нуралы и Ералы сказали, что «мы-де ныне после смерти Абулхаир-хана, яко зайцы, по разным островам разбитца можем, понеже киргисцы нас не слушают». Гуляев был осведомлен о том, что «киргис-кайсацкая орда более на Батыр-салтанову руку склонна, и в орде между собой разные и многие тяжбы и в смертных убийствах умножились»³⁵.

Разумеется, с точки зрения российского правительства определенная логика в требованиях Нуралы была, но оренбургская администрация, как мы уже отмечали, не была заинтересована в укреплении одного казахского владетеля за счет другого, хотя в чисто тактических целях Петербург проявил «склонность» к некоторым «благodeяниям». Так, царская администрация благоклонно отнеслась к идее строительства гробницы Абулхаира и невоспрепятствованию барымте.

Однако следует оговориться, что значительное число казахов из ханского окружения весьма враждебно отнеслось именно к этим действиям оренбургских властей. Не случайно же они заявляли: «На низу наших зимой кочующия на теплые места уже русские люди строить крепости начинают и наверх-де на летнем нашем кочевье, под видом яко над могилою Абулхаир-хана, постройтца хотят и тем же наши кочевья затеснить, и нас, яко башкирцов, окружать желают, токмо де мы тому, как башкирцы, терпеть не можем: оставя-де все наши кочевья, на другие дальние места откочевать можем, разве-де тот останется, кому бог велит». К тому же в самом строительстве крепостей казахи видели причину сокращения кочевий. «Народ наш,— писал Нуралы И. Неплюеву и А. Тевкелеву 14 сентября 1754 г.,— сумнительным их представлением мне докучают и говорят, что-де ныне при Илецкой соли построенная крепость и для-де того не только по Яику, но и по Илеку-реке кочевья иметь будет им невозможно»³⁶.

Российская администрация внимательно следила за

---

³⁴ АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1788, д. 1, л. 84.

³⁵ «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.», стр. 517.

³⁶ Там же, стр. 496, 533.

отношением казахов к ее действиям в Казахстане. Она была заинтересована в том, чтобы любые меры царских властей в степи, и уже во всяком случае те, которые в какой-то степени удовлетворяли просьбы казахской верхушки, расценивались шаруа как «особое благодеяние». Между прочим такая политика впоследствии, вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции, имела силу неписаного закона³⁷.

Значительное внимание в русско-казахских отношениях этого периода уделялось вопросу об обмене пленными и принятии некоторых мер по борьбе с пленением людей, которое приняло к тому времени большие размеры. Не было месяца, чтобы не происходили взаимные налеты и столкновения, в результате которых в плен уводилось много людей. Столкновения сопровождались потерями имущества, скота, травлей посевов. Характерным документом в этом отношении является письмо хана Нуралы оренбургскому губернатору от 18 января 1750 г.³⁸ Предлагая меры по возвращению русских пленных, находившихся в казахской степи, хан прежде всего преследовал интересы укрепления своей власти. Он, например, советовал задерживать наиболее состоятельных купцов из влиятельных казахских родов, приезжавших для торговли в Оренбург. В этом случае, по мнению Нуралы, для освобождения их казахи вынуждены будут обратиться к хану. Хан же, в свою очередь, обратится к русской администрации, которая по первой его просьбе должна их освободить. Но прежде, чем просить российские власти об этом, Нуралы потребует от своих подданных освободить русских пленных. Таким образом, Нуралы рассчитывал

---

³⁷ В этом отношении характерно высказывание генерала М. Г. Черняева в 1864 г., т. е. более чем через сто лет после описываемых нами событий, по поводу взятия русскими войсками Чимкента: «Чимкент едва ли известен европейцам даже по картам и овладение им не может наделать шуму, а имея с собой тысяч 5 киргиз, мы можем облечься в одежду защитников угнетенного народа (выделено нами. — В. Б.). Этого аргумента мне кажется достаточно для того, чтобы оправдаться перед англичанами, не оправдывающимися перед нами в своих действиях в Индии». См.: ЦГА УзССР, ф. 715, оп. 1, д. 28-6, л. 176. Хранится в Джамбулском облгосархиве в папке: «Материалы к истории Аулие-Атинского уезда», т. II, стр. 25.

³⁸ АВПр, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1750, д. 3, лл. 17—18 об.

разрешить проблему обмена пленными и одновременно усилить свою власть в степи, представ перед своими соплеменниками эдаким «всемогущим» ханом.

Немалое место в этот период занимает вопрос о дальнейшем распространении торговли с казахами и «с разными азиатскими народами». Именно в этом Неплюев и Тевкелев видели наилучшее средство к приведению казахов Младшего и Среднего жузов «в желаемое спокойствие»³⁹.

Развивая идею И. Кирилова об усилении торговых связей со Средней Азией, Индией и другими восточными государствами, И. Неплюев в соавторстве с А. Тевкелевым и при участии П. И. Рычкова разработал проект об учреждении в Оренбурге компании по торговле со среднеазиатскими ханствами и Индией, используя опыт посылки небольших торговых караванов с товарами в Балх, Бадахшан, Кабул, который был утвержден в январе 1751 г. Правительствующим сенатом. 15 февраля 1753 г. И. Неплюев сделал специальное представление в Главный магистрат о необходимости основания компании для торговли России с Балхом, Бадахшаном и Индией через Оренбург сроком на 15 лет, причем с условием, чтобы «кроме той компании никому другим в те места торговать не дозволять и не допускать»⁴⁰. Однако эти проекты освоения торговых караванных путей в Индию из Оренбурга, Тобольска, Тары и других российских городов через казахские степи не имели под собой реальной почвы из-за скудных, а иногда и совершенно неверных сведений о сухопутном пути в Индию. Так, например, на веру принимались фантастические слухи о возможности достижения Индии из Тары «верхами в 16-й день». К тому же феодальные усобицы в казахских жузах, среднеазиатских ханствах и Афганистане, лежащих на пути продвижения торговых караванов, а также разорение Индии персидским шахом Надиром и афганским — Ахмадом порой совершенно

---

³⁹ «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.», стр. 499.

⁴⁰ ЦГАДА, Главный магистрат, д. 6775, л.л. 1—1 об.; «Русско-индийские отношения в XVIII в.», стр. 8, 33—50, 85—95, 128—133, 135—136, 278—281, 283—284, 294—297, 380—389. К. А. Антонова. Предисловие к книге «Русско-индийские отношения в XVIII в.», стр. 17—18.

исключали их продвижение сухопутным путем даже в сопровождении военных команд.

Наряду с Оренбургом, где в основном торговали казахи Младшего жуза, большое значение придавалось развитию торговли на Уйской (Троицкая крепость) и Сибирской (Ямышевская крепость) линиях, куда удобнее всего было добираться казахам Среднего жуза, а также бухарским, хивинским, кашгарским и другим купцам. Ввиду того, что Средний жуз «пред Меньшою ордою гораздо люднее и богаче»⁴¹, оренбургская администрация вместе с Тевкелевым обращали внимание Коллегии иностранных дел на целесообразность развития торговли в Троицкой крепости, ближайшей к Среднему жузу. Здесь также учитывалось и то, что для торговых караванов, проходивших через Младший жуз в Оренбург, в то время путь через Средний жуз был гораздо безопаснее. К тому же полагали, что Троицкий торг будет бесполезен для российских купцов, торгующих в Сибири, в частности на Ирбитской ярмарке, при условии, если правительство разрешит им приезжать с товарами прямо в Троицкую крепость, минуя Верхотурье, так как при объезде через Верхотурье путь для российских купцов увеличивался более чем на две тысячи километров. Это означало бы и рост таможенных доходов, в первую очередь для Сибирской линии.

Все это вместе взятое способствовало открытию торговли в Троицкой крепости. Здесь стали строить меновой двор. Попутно заметим, что царская администрация не преминула воспользоваться и данным случаем для объявления «всему киргис-кайсацкому народу е. и. в. милосердия».

Чтобы купечеству известно было о новом торговом центре в Троицкой крепости, а также «чтоб едущим туда купцам нигде ни малой задержки не было», разослали специальные оповещения и приняли меры по охране товаров. Для взаимного развития торговли в перспективе ставился вопрос об уравнивании пошлинных сборов как на российские, так и иностранные товары, в том числе и из казахской степи⁴².

Увеличение торговых операций в Оренбурге, а так-

---

⁴¹ «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.», стр. 581.

⁴² Там же, стр. 500—507.

же в Троицкой и Ямышевской крепостях создало трудности, связанные с прохождением торговых караванов через казахскую степь, в которой они нередко подвергались нападениям. В связи с этим в развернувшейся переписке оренбургской администрации с казахскими владельцами акцентируется внимание на необходимости принять меры для безопасного продвижения караванов. Об этом мы читаем в письмах И. Неплюева и А. Тевкелева к султану Аблаю от 4 марта 1750 г. и в письме А. Бестужева-Рюмина Нуралы от 28 апреля 1752 г.⁴³ Сообщая Аблаю о вновь открывшемся торге в Троицкой крепости и приглашая казахов торговать в этом районе, они просят его обеспечить свободный пропуск торговых караванов среднеазиатских и других государств, а в случае, если потребуется, «за надлежащей и умеренной платеж снабдевать их и провожатыми» для безопасного пути через казахскую степь.

В то же время все иностранные купцы, в особенности кашгарские, во избежание проникновения в российские пределы джунгарской агентуры под видом купцов должны были продвигаться не от крепости к крепости, а степной стороной. Их должны были сопровождать специальные казахские команды для защиты от нападений. А чтобы избежать различных «неожиданностей» со стороны Джунгарии, в состоянии боевой готовности были приведены три армейских полка Сибирской линии и тысяча яицких казаков, что было подтверждено Государственной военной коллегией 23 и 31 января 1750 г.⁴⁴

В апреле 1752 г. от Нуралы последовал ответ относительно мер, принятых им для охраны торговых караванов. Меры эти в основном сводились к размещению на пути продвижения купеческих караванов воинских команд из числа казахов, в обязанность которым вменялось не допускать ограбления купцов. Попадавшие в руки команд грабители должны были подвергаться различным штрафам в зависимости от степени виновности. Это позволило хану Нуралы 14 сентября 1754 г. сообщить в Оренбург, что из «азиатских стран изо всех...

⁴³ АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1750, д. 3, лл. 51—54 об.; «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.», стр. 529—530.

⁴⁴ АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1750, д. 3, л. 26.

купцы за препровождением киргис-кайсак как вперед до Оренбурга, так и обратно во оные стороны беспрепятственной и свободной проезд и чрез то привозом товаров пользу свою всегда имеют»⁴⁵.

Между тем, царские власти продолжали курс на упрочение своих позиций в степи, всячески стремясь оттеснить казахские кочевья от создаваемых линий и строящихся на них крепостей⁴⁶. Задача состояла в том, чтобы превратить Младший и Средний жузы в вассалов России. Это была генеральная линия царского правительства, для осуществления которой оно мобилизовало различные средства. Одним из них явился так называемый «жесткий курс», предусматривавший военные меры: продвижение границ в глубь степи, строительство укрепленных линий, запрещение кочевок в районе Яика, Тобола, Илека, Ишима, Иртыша и т. п. По сообщению Н. Г. Аполловой, еще в 20—30-х гг. российское правительство положило начало того «наступления в глубь казахских степей, которое в дальнейшем выросло в крупную агрессию царизма..., чтобы превратить Казахстан в колонию Российской империи,... получить сырьевую базу для русской промышленности и связать транзитными путями русские рынки с восточными»⁴⁷.

Частью «жесткого курса» было запрещение казахам выпасать скот в районе реки Яика, о чем последовал рескрипт Елизаветы от 2 сентября 1756 г. Подобные меры узаконивались под видом недопущения со-

⁴⁵ «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.», стр. 533.

⁴⁶ Как это видно из донесения Тобольского обер-коменданта Павлуцкого сибирскому губернатору генерал-лейтенанту В. А. Мятлеву от 31 мая 1755 г., «начав от самого Каспийского моря по рекам Яику, Ую и Тоболу даже и до лежащей в ведомстве его оттуда вся крепостями, редутами застроена и оные форпосты учреждены и Звериноголовской крепостию первого на упомянутой Тобольской линии построенного связана и их киргиз-кайсацкому кочевью на степной стороне на всегдашнее время предлам учреждена». По данным С. Д. Асфендиарова, в 1752 г. военные линии полукольцом охватили Казахстан «от берега Каспийского моря до верховьев Иртыша». К этому времени были сформированы Уральское, Сибирское и Оренбургское войска, «наделенные землями и получившие ряд льгот». См.: Омский облгосархив, ф. 366, оп. 1, д. 25, л. 2; С. Д. Асфендиаров. История Казахстана (с древнейших времен), стр. 111.

⁴⁷ Н. Г. Аполлова. Присоединение Казахстана к России, стр. 245.

прикосновения казахов с башкирами и калмыками, которое якобы неминуемо должно было привести к столкновению между ними. Еще в 1741 г. генерал-лейтенант Л. Я. Соймонов, являвшийся в то время главным командиром Оренбургской комиссии, сообщал в Коллегию иностранных дел о желании казахов кочевать вблизи Яицкого городка. В 1742 г. из Петербурга последовало распоряжение ни в коем случае не допускать приближения казахов в район Яицкого городка, «дабы от такого их приближения между них и калмык всегдашних ссор происходить не могло». Это указание было подтверждено в 1745 г. Однако в тяжелую зиму 1748/1749 г., когда «от великих тогдашней зимы снегов и стужи» наступила бескормица и скот начал гибнуть, старшины в лице тархана Есета, бия Аджибая, батыра Алтая и мурзы Арала обратились в оренбургскую администрацию с просьбой о разрешении пасти скот на правом берегу Яика. Учитывая, что в данном случае казахские улусы «всесемейно и со скотом» будут находиться под наблюдением Оренбурга (а это могло бы стабилизировать положение), оренбургская администрация сочла возможным удовлетворить их просьбу, но при условии, что старшины обязуются не допускать столкновений.

Это разрешение упомянутая старшинская группировка истолковала как получение постоянной привилегии. И поскольку на левобережье в течение ряда лет степь выжигалась, казахи в 1751 г. уже постоянно перегоняли свой скот на правый берег реки, оставляя в крепостях и форпостах в залог аманатов от каждого улуса. Однако, несмотря на принятые меры предосторожности, стычки казахов с башкирами, калмыками и яицкими казаками продолжались. Зачастую они заканчивались человеческими жертвами, не говоря уже о пленении людей и угоне скота. По неполным данным, только в 1754 г., как указывается в жалобе калмык на казахов, последние угнали у них не менее 1500 лошадей. У казахов калмыками было угнано 124 лошади. По нашим подсчетам, только в 1756 г. калмыки угнали у казахов 577 лошадей, из которых 85 принадлежали Нуралы. В жалобах Нуралы и Айчувака оренбургскому губернатору хан и султан угрожали: если И. Неплюев не примет мер к возвращению калмыками лошадей,

они пошлют казахов компенсировать потери за счет отгона лошадей «из-под русских мест».

Значительные столкновения происходили и в районе Иртыша. 6 июня 1741 г., например, отряд казахов совершил налет на Тарский уезд, в результате которого только в деревнях Зубилово и Кочесово «пограблено пожитков более чем на тысячу рублей», пленено около 80 мужчин и женщин. Как видно из сообщения Тобольского обер-коменданта Павлуцкого сибирскому губернатору В. А. Мятлеву от 31 марта 1755 г., «в прошлых 1747-м, 753-м и 754-м и в протчих годах подбеги были воровские от урянхайцев и каракольцев, и от киргис-кайсаков неоднократно под Усть-Каменогорскую крепость и под форпосты и станцы и на Колыванской линии бывали, и отгон лошадам и нескольким людям вред чинен был. Также ежегодно многолюдные прикочевание киргис-кайсацкие и близости тех верх иртышских крепостей и форпостов с кошами, с табунами в осеннее и зимнее время, от которых по их легкомыслию и самовольстве противные поступки и воровства чинятся». В связи с этим, утверждал Павлуцкий, «Иртышская линия вновь прожектированной весьма нужная»⁴³.

Однако главные причины для этого запрещения крылись в том, что царскому правительству нужно было создать ряд укрепленных районов и прочно основаться в казахской степи.

Тем временем 3 ноября 1756 г. в Оренбурге от Нуралы было получено письмо, в котором хан выражал протест по поводу запрещения перегона казахского скота на правобережье Яика, присвоения яицкими казаками отбившихся казахских лошадей и избиения казахов. Письмо содержало угрозу «отлучения» от России в случае, если казахам запретят кочевать за Яик, так как это может привести к гибели казахского скота от бескормицы на левобережье. Во втором письме от 3 февраля 1757 г. звучат ноты отчаяния и готовность выполнить рескрипт Елизаветы, «хотя киргис-кайсаки... и гибель возымеют». Но здесь же хан обращает внимание Неплюева на то, что пойманных казахов «жестоко...

---

⁴³ См.: «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.», стр. 542—543. Омский облгосархив, ф. 366, оп. 1, д. 12, л. 5; д. 25, л. 19. Рук. фонд ИИАЭ АН КазССР, инв. № 1499, стр. 72, 92.

бить» приказывали, а на «Тополинском форпосте казаки нашего человека искололи, а другого били и огнем изожгли», и далее спрашивает: «Сей поступок недружеский... грабить, бить и огнем жечь, вы ли изволили чинить повелеть?».

Оба письма Нуралы прозвучали холостым выстрелом, ибо отказ от рескрипта Елизаветы не входил в планы царских властей. Слишком очевидным было, что в этом случае был бы нанесен удар по планам Российской империи. К тому же в контактах простых труженников — русских, казахов, башкиров и калмыков — местная администрация усматривала потенциальную возможность сплочения сил, противостоящих царской политике. В связи с этим 24 декабря 1757 г. последовала грамота Елизаветы хану Нуралы, в которой «великая государыня», содержащая «нашего подданного хана, и со всем народом в высочайшей нашей милости», подтвердила запрет казахам перегонять свой скот через Яик.

Аналогичное распоряжение Коллегии иностранных дел от 6 марта 1755 г. запрещало казахам Среднего жуза переходить на «жилую сторону Иртыша». А чтобы отнять у них «охоту и впредь то же делать», командиру Сибирской линии бригадиру Крофту предписывалось «в иртышские крепости воинских людей... приумножить», а казаки пусть довольствуются тем, что «на другой стороне Иртыша при здешней линии иметь безпрепятственно допускаются»⁴⁹. Как следует из соответствующих предписаний, а также указа Правительствующего сената за 1762 г., речь шла о том, чтобы не допускать казахов «ближе десяти верст к крепости». В случае же нарушения этого запрета предусматривалось «воинский отпор им чинить».

В соответствии с этим новый оренбургский губернатор А. Р. Давыдов, сменивший И. Неплюева 1 июля 1759 г., в программе своей деятельности одним из пунктов указал на необходимость «наблюдать, дабы отныне киргис-кайсаки конских своих табунов не только ниже Яицкого городка для избежания происходивших у них с яицкими казаками многих ссор и затруднений и для

---

⁴⁹ «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.», стр. 546—548, 661—662.

других государственных резонов, но и выше б Оренбурга на сю сторону Яика-реки не перегоняли». Ему не было дела до того, что это запрещение наносило чувствительный удар по казахскому народу, который, борясь за право перекочевок на правый берег Яика, защищал лишь право на свое существование.

Все это, естественно, явилось поводом для откочевки из-под Оренбурга (с согласия Нуралы) султанов Ералы и Айчувака со своими улусами в глубь казахской степи, за что хан получил выговор от канцлера М. Воронцова, ибо запрещение о перегоне скота на правый берег Яика не распространялось на самого хана Нуралы «и купно при нем находящимся»⁵⁰. Он и его окружение получили право перегонять скот на правобережье Яика при условии передачи оренбургским властям аманатов на время пользования пастбищами.

Предоставив казахским владельцам определенные привилегии, царская администрация получила в их лице серьезную опору для проведения своей политики в казахской степи. Первые изъятия казахских земель, произведенные оренбургскими и сибирскими губернскими властями, а также запрещение кочевок на правобережье Яика и в районе Иртыша вызвали недовольство казахских шаруа не только против российских колонизаторов, но и собственных владельцев. Именно в этом А. Ф. Рязанов и А. П. Чулошников видят основную причину участия некоторых казахских родов в крестьянской войне под предводительством Е. И. Пугачева и колеблющейся позиции, занятой в данном вопросе ханом Нуралы и его окружением⁵¹.

Возвращаясь к вопросу о политике так называемого «жесткого курса», следует отметить, что она имела и свою оборотную сторону. Лобовая атака как единствен-

⁵⁰ ЦГИА СССР, ф. 398, оп. 75, д. 18, л. 36; Омский облгосархив, ф. 366, оп. 1, д. 25, л. 2; «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.», стр. 594, 606.

⁵¹ См.: А. Ф. Рязанов. Сорок лет борьбы за национальную независимость казахского народа (1797—1838 гг.), Кзыл-Орда, 1926, стр. 178—179; А. П. Чулошников. К истории феодальных отношений в Казахстане в XVII—XVIII вв. «Известия АН СССР», отд. общественных наук, 1936, № 3, стр. 515; «Труды Оренбургской ученой архивной комиссии», вып. 1. Оренбург, 1889, стр. 249—252; ЦГВИА, ф. М. Воронцова, оп. 47, д. 64.67, лл. 625—627 об.

ное средство упрочения позиций в степи не могла дать желаемых результатов. Более того, она в какой-то степени мешала беспрепятственному проведению в жизнь политики царского правительства. Поэтому наряду с «жестким курсом» существовал и «мягкий курс», сущность которого сводилась к переговорам с казахскими владельцами, подкупу их, направлению в степь посольств, дипломатической переписке, усилению торговых связей, что в действительности представляло собой политику «кнута и пряника». Точнее говоря, царские власти подарками и угощениями привлекали на свою сторону более податливых, но слабых, а тех, которые проявляли упорство, подчиняли военными средствами. Но, подчеркиваем, там, где можно было обойтись без применения силы, царская администрация к ней не прибегала на том этапе развития русско-казахских отношений, потому что, во-первых, как только казахи узнавали о приближении российских войск, они уходили в глубь степи, и, во-вторых, что самое главное, правительство России считало применение мирных средств наиболее целесообразным для достижения своих целей.

Для подтверждения этого укажем на малоизвестный проект командующего Сибирскими линиями генерал-майора фон Веймарна от 22 сентября 1761 г., сущность которого состояла в конкретных предложениях по искоренению «киргизских бесполезных склонностей и обычаев и для удержания их во всегдашней к здешней (русской.— В. Б.) стороне верности, преданности лутчим и кратчайшим способом их, киргисцов, изнежить и к лутчему и спокойнейшему житию привыкать». Фон Веймарн считал, что устранить «от них дерзновенности и беспокойства» можно лишь при условии, что удастся не озлоблять казахов «и всякие правосудия и такие снисхождения им учинить, коими б казне никакое предосуждение впоследствии не могло», обращаясь с казахами «в их требованиях удовольствиями и ласкою»⁵².

Проектом Веймарна предусматривалось разрешить кочевку казахским улусам в районе российских границ,

---

⁵² «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.», стр. 630—631.

беспрепятственно возвращать всех пленных из казахской степи, а также скот и лошадей. В то же время в соответствии с проектом планировалось построить силами местных воинских команд для знатных старшин, в частности султану Аблаю и батыру Кулсаре, дома, а для мелкого скота и лучших лошадей — крытые сараи. Характерно, что по этому поводу по инициативе Аблая даже велась переписка с Веймарном. Кроме этого, ставилась задача организовать сенокосение.

Автор проекта рассчитывал, что в данном случае казахи настолько привыкнут «к лучшему житию», что в зимнее время в большие морозы будут вынуждены в домах оставаться и «от воровства воздерживаться». К тому же, если скот с раннего возраста содержать «в хлевах и конюшнях» и кормить сеном, то без значительных его запасов «тем де точно та скудость наведена будет, что единственно их постоянными и спокойными зделать и их принуждать может здешнего зашщшения и покровительства искать (выделено нами. — В. Б.)»⁵³. Следовательно, проект при всей его «доброжелательности» был рассчитан на использование оседлости казахов в интересах царизма, ибо в этом случае, находясь в совершенно безвыходном положении, они были бы вынуждены выполнять любые повеления российской администрации. Таким образом, проект Веймарна, хотя и предусматривал «мягкий курс» в отношении казахов, стражал интересы генеральной линии российского правительства на усиление влияния царизма в Казахстане. Вот почему руководство Сибирской губернии с одобрением отнеслось к этому проекту и 21 ноября 1761 г. ходатайствовало перед Петербургом о его утверждении.

21 марта 1762 г. Коллегия иностранных дел рекомендовала сибирскому губернатору Ф. Соймонову делать все необходимое, чтобы избежать «жесткого курса» в отношении казахов Среднего жуза и султана Аблая, в частности, и по возможности «лучше приласкать» их. Предусматривалось строительство домов для султанов и старшин недалеко от Сибирских линий. Эти рекомендации были утверждены Правительствующим

---

⁵³ Там же.

сенатом 14 мая 1762 г. Провести их в жизнь поручалось Веймарну.

В этой связи небезынтересно отметить, что, стремясь к созданию в казахской степи прочной для себя опоры в лице влиятельных султанов, биев и старшин, административный аппарат Оренбургской и Сибирской губерний шел еще дальше. Ф. Соймонов, например, в докладной записке в Коллегию иностранных дел от 2 октября 1762 г. ставил вопрос о том, чтобы довести сумму годового жалованья Аблаю «больше... получаемого тысячного числа рублей». В рапорте командира Сибирских войск генерал-поручика И. Шпрингера в Коллегию иностранных дел от 16 ноября 1764 г. указывается, что в 1761—1764 гг. султану Аблаю ежегодно только из крепости Святого Петра отпускалось 212 пудов зерна, муки, хлеба. Его брату султану Юлбарису, батырам Кулсары и Куляки за это же время выдавалось по 100 пудов в год, мурзе Байджигиту — 25 пудов «разным хлебом».

К этому следует добавить, что начиная с 1749 г. казахи систематически покупали муку у русских купцов, ибо, как писал оренбургский губернатор Д. Волков, «через хлеб скорее с той стороны сыщется польза, нежели через все другие способы»⁵⁴. Это же способствовало тому, что ряд казахских улусов, не принявших ранее российский протекторат, обращались с просьбой о его принятии. Так, в результате исходивших от сибирского губернатора И. Деколонга к «киргиз-кайсацким народам ласкательствам» в сентябре 1765 г. к нему прибыло 25 представителей от султана Среднего жуза Тауке с просьбой принять их улусы в количестве 10 тыс. человек в состав Российской империи⁵⁵.

Чтобы окончательно не отпугнуть казахов и не противопоставить их русским крестьянам, селившимся в районе линий, распоряжением Коллегии иностранных дел от 16 июня 1771 г. был разрешен пропуск казахов на внутреннюю сторону линий. с тем, однако, условием,

---

⁵⁴ См.: Омский облгосархив, ф. 366, оп. 1, д. 4, лл. 128—129, 136; АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1753—1767, кн. 15, л. 291; «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.», стр. 675; М. М. Громыко. Западная Сибирь в XVIII в. Новосибирск, 1965, стр. 176—177.

⁵⁵ «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.», стр. 681.

чтобы они кочевали в отдаленности от селений и больших дорог. Указами от 13 июля 1788 г. и 30 октября 1797 г. допускалось расселение их внутри российских владений. И «особыми повелениями» по частным просьбам некоторых старшин можно было отводить земли для них и подвластных им людей⁵⁶. Но, как совершенно правильно констатирует А. П. Чулошников, это была запоздалая уступка все разраставшемуся движению казахов под предводительством Срыма Датова⁵⁷.

---

⁵⁶ ЦГИА СССР, ф. 1264, оп. 1, 1819—1820, д. 54, лл. 17—18.

⁵⁷ См.: А. П. Чулошников. К истории феодальных отношений в Казахстане в XVII—XVIII вв., стр. 516.

ПОЛИТИКА РОССИИ В КАЗАХСТАНЕ
ПОСЛЕ РАЗГРОМА ДЖУНГАРСКОГО ХАНСТВА

1. Политические последствия разгрома
Джунгарии

Значительное место в истории русско-казахских отношений занимают события, связанные с падением Джунгарского ханства.

На Джунгарию, совершенно ослабленную внутренними усобицами и устремлениями захватить Монголию и Тибет, в 1756 г. была двинута многотысячная армия маньчжурского императора Хун Ли, что в конечном итоге в 1758 г. привело ее к полному поражению. По данным некоторых исследователей, маньчжуры истребили большинство ойратов — коренное население страны. Например, С. Д. Асфендиаров пишет, что в 1758 г. полководцы Чжао Хой и Фу Де на своем пути поголовно уничтожали ойратов¹. Истребляли всех, не щадя ни детей, ни женщин, ни стариков. Было убито более одного миллиона человек².

Зверства цинов заставили ойратов искать убежища у русских, казахов, киргиз; часть их ушла на Волгу. По справедливому замечанию Ч. Ч. Валиханова, «успешное покорение Джунгарии и Малой Бухарии» возбудило у маньчжуров «воинственный дух и жажду завоеваний»³.

Разорив культурные центры восточно-туркестанских оазисов, цины сделали попытку распространить свое влияние на отдельные области Средней Азии и Казахстана. Ими предпринимались также шаги по обложению данью местного населения. Однако подав-

¹ С. Д. Асфендиаров. Указ. соч., стр. 84.

² Н. Я. Златкин. Указ. соч., стр. 462.

³ Ч. Ч. Валиханов. Собр. соч., т. I, стр. 428.

ляющее большинство казахского народа, поддерживаемое Российским государством, воспрепятствовало домогательствам маньчжурских завоевателей. Достаточно сказать, что в 1757 г. при встрече российского посланника А. Тевкелова с ханом Младшего жуза Нуралы последний заявил о своей готовности выставить 30 тыс. хорошо вооруженных казахов для совместной борьбы в случае нападения цинов⁴.

Как показано в предыдущих главах настоящего исследования, еще задолго до этих событий наметилась тенденция сближения Казахстана с Российским государством. Она нашла свое отражение в большом потоке посольств, которыми обменивались Россия и Казахстан. Главной целью этих посольств было расширение торговых и политических связей между двумя странами. В особенности было заметно стремление казахских владетелей получить военную помощь от России в борьбе с иноземными завоевателями. Факты свидетельствуют, что Российское государство еще в конце XVI в. успешно осваивало верхний Иртыш, а к началу XVIII в. районы Бухтармы, Ульбы, Нарыма и озера Зайсан уже являлись территорией России. В этих местах русские вместе с казахами занимались мирным трудом — охотой, рыболовством, земледелием, скотоводством, рудным промыслом. Для защиты освоенных территорий казахских жузов от посягательств извне Россия построила ряд крепостей и укрепленных линий. Так, Иртышская линия была выдвинута до Бухтармы, а от нее тянулась к Бийску и Кузнецку.

К этому времени уже было юридически оформлено добровольное вхождение казахских жузов в состав Российской империи, а многие владетели Среднего жуза принимали присягу на верность России.

Несмотря на подписание Кяхтинского договора (1727 г.), на русско-китайской границе продолжались столкновения, незаконный переход границы и грабежи, часто завершавшиеся человеческими жертвами. Нередко прерывались торговые связи из-за угона скота. Так, например, в 1733 г. маньчжурские власти потребовали выдачи перебежчиков и 23 873 голов скота;

---

⁴ «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.», стр. 554, 576—577.

российская администрация добивалась возвращения угнанных ими 25 784 голов скота. Только в течение 1753 г. из-за этого торговля прерывалась три раза⁵.

В особенности обострилась обстановка после разгрома цинами Джунгарии.

20 июля 1758 г. командир Сибирских линий генерал-майор Карл фон Фрауендорф сообщал, что маньчжуры «намеренные имеют к нападению на российские крепости, токмо когда точно, того не значит»⁶. Источники свидетельствуют и о том, что прибывшие из-за Иртыша в Усть-Каменогорскую крепость ойрат Тухчарин и торгоут Зенгур Санжиев заявили, что в то время было сосредоточено маньчжурского «войска в трех местах тысяч до двенадцати... и пошли для разбития бухарских городков Иркена и Кашкара, в коих находятся бухарцов и бурутов бойцов тысяч до тринадцати», «а третья партия в двух тысячах при командующем же Зан-зин осталась и находится по ту сторону реки»⁷.

Башкирский старшина Казаккул Казенбаев, побывавший у султана Аблая, сообщил в ноябре 1765 г., что «в зюнгорских землях» маньчжуры строят «крепости, заводят селение и имеют войска»⁸.

По данным Оренбургской губернской канцелярии, к этому времени около Сибирских линий значилось «того... войска (цинского. — В. Б.) шесть санов»⁹, то есть 60 тыс. человек.

Такое развитие событий создало чрезвычайно напряженное положение не только для казахских кочевий, но и Российской империи. «Все киргизцы от китайцев великий страх имеют, в таком их разумении, будто бы китайский владелец богдохан имеет с Россиею соединение ко утеснению их, киргизского народа», — доносил начальнику Троицкой крепости бригадиру Т. Маслову переводчик Ф. Гордеев 6 октября 1762 г.¹⁰

---

⁵ В. П. Саввин. Взаимоотношения царской России и СССР с Китаем. М. — Л., 1930, стр. 35—38.

⁶ Омский облгосархив, ф. 366, оп. 1, д. 44, л. 1.

⁷ Там же, лл. 1—2.

⁸ АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1762—1775, кн. 14, л. 247 об.

⁹ Омский облгосархив, ф. 366, оп. 1, д. 44, лл. 1—4.

¹⁰ «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.», стр. 641.

Как явствует из донесения генерал-майора А. Тевке-лева и коллежского советника П. Рычкова Коллегии иностранных дел от 26 июня 1758 г., богдыхан намеревался «на местах зюнгорских» построить города, все-лить в них своих соплеменников и присоединить к себе «Ташкент, Кашкар, Яркенд и пр.», обложив население этих городов податями. Цинские власти сосредоточили в этом районе 180-тысячную армию, «и киргисцы-де от толь многочисленного войска находятся в великой опасности»¹¹. И хотя данные упомянутого донесения несколько преувеличены, сомнений не остается в том, что в результате территориального соприкосновения Российской империи с Китаем маньчжурское правительство обратило свои взоры на казахские кочевья, рассчитывая при помощи подачек и посул привлечь казахских владетелей на свою сторону.

В первую очередь богдыхан решил сблизиться с султаном Аблаем. После смерти джунгарского хунтайджи Галдан-Церена Аблай решительно вмешивается во внутренние дела Джунгарии, способствуя упадку этой некогда могущественной державы.

Характерно, что в момент, когда на восточном горизонте появилась Цинская империя и наметился разгром Джунгарского ханства, Аблай несколько изменил свою тактику в отношении России. Если раньше он еще не осмеливался открыто высказывать российским послам свою неудовлетворенность теми или иными действиями российских пограничных властей, то теперь, почувствовав возможность проведения политики лавирования между российской и цинской администрациями, султан шел даже на резкие замечания в адрес российских властей. Еще весной 1755 г. при встрече с российским посланником М. Араповым Аблай делал вид, что его совершенно не интересуют российские дела, поскольку «они (казахские владетели.— В. Б.) зенгорскими делами заняты». В то же время он дал понять, что применит силу в случае необходимости как против джунгар, так и «против здешних (оренбургской администрации.— В. Б.) и Сибирских краев»¹².

Подобные же мотивы проходят и через ряд писем

---

¹¹ Там же, стр. 565.

¹² Омский облгосархив, ф. 366, оп. 1, д. 24, л. 3; д. 30, л. 1 об.

Аблая к И. Неплюеву, в которых султан уже не просит, а требует возвращения угнанных в прошлом российскими воинскими отрядами башкир и казахов и подвергнутых обряду крещения. И это несмотря на неоднократные сообщения Неплюева и Тевкелева султану Аблаю, что крещенные казахи и башкиры являются российскими подданными. В начале 1757 г. Аблай предпринял переговоры с цинами об организации торгового при местечке Иран-Каберга, «каков и в Оренбурге бывает»¹³. Чтобы договориться о деталях, Аблай направил к цинскому императору посольство в составе 13 человек. Однако, как свидетельствуют источники, во время переговоров с представителями цинской администрации соглашения об организации торгового не было достигнуто.¹⁴

Но если Аблай вел двойную игру, стремясь извлечь из этого для себя выгоду, то совсем иную политику проводил бий Среднего жуза Казбек, пользовавшийся не меньшим, чем Аблай, влиянием в степи. Несмотря на обещания богдыхана передать Казбеку на выбор любое место на «зюнгорской земле» для кочевания вместе с его улусами при условии «от российской стороне отделиться», последний категорически отверг эти предложения, аргументируя тем, что еще «во время Шемяки-хана со всею Среднею ордою о бытии в вечном российском подданстве присягали»¹⁵.

В конце 1758 г. Нуралы сообщил Гуляеву, что богдыхан через посланцев Аблая склонял последнего «на свою... сторону», обещая ему не брать в аманаты не только его детей, но и вообще никого из казахов. Цинский император якобы обещал, что «содержащихся-де в России аманатов высвободит и впредь до того не допустит»¹⁶. К тому же богдыхан сулил казахам Среднего жуза «зюнгорские места»¹⁷. И хотя российская администрация отдавала себе отчет, что в своих донесениях Нуралы сознательно допускал значительные преувеличения, чтобы набить себе цену перед

---

¹³ АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1758, д. 4, л. 1.

¹⁴ «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.», стр. 551.

¹⁵ Там же, стр. 650.

¹⁶ Там же, стр. 564.

¹⁷ Там же, стр. 588.

российским правительством, было бы, однако, непроситительно не учитывать все обостряющейся обстановки.

В 60-х годах вопреки сложившимся экономическим традициям цины запретили всякую торговлю с Сибирью и Восточным Туркестаном, часть которого стали называть Синьцзяном (там проживали уйгуры, казахи, дунгане, монголы, киргизы и другие национальности).

Разгром маньчжурами Джунгарии коренным образом изменил международную и военно-политическую обстановку в Центральной Азии. Возникла угроза для существования среднеазиатских ханств. «Падение сильной Джунгарии, — писал Ч. Ч. Валиханов, — бывшей грозой для Средней Азии, и, наконец, завоевание единой Малой Бухарии навели на всю Азию панический страх»¹⁸.

Это беспокоило и царское правительство, так как в непосредственное соприкосновение с землями, захваченными Цинской империей, вошли российские границы.

В связи с этим встала неотложная задача разрешения весьма сложных вопросов установления различных форм взаимоотношений с Цинской империей¹⁹.

Прежде всего российское правительство предприняло подготовительные меры военно-оборонительного характера. Чтобы исключить внезапность нападения маньчжурских войск на российские крепости, К. Фрауендорф в соответствии с правительственными распоряжениями стал укреплять последние. В указе Екатерины II от 28 ноября 1763 г. обращалось внимание местных властей на необходимость «всегда иметь вблизи столько войск», чтобы маньчжуры «не могли ни на что покушаться»²⁰. В то же время необходимо было следить

---

¹⁸ Ч. Валиханов. О состоянии Алтышара или шести восточных городов китайской провинции Нан-лу (Малой Бухарии) в 1858—1859 годах. «Записки Императорского Русского Географического Общества». СПб., 1861, кн. 3, стр. 47.

¹⁹ Еще в 1727 г. по Кяхтинскому договору была определена отправная точка для проведения линии русско-китайской границы в районе соприкосновения Китая с Казахстаном, которая впоследствии явилась основанием для подписания Пекинского договора 1860 г., Чугучакского протокола 1864 г., Петербургского договора 1881 г. и других актов, которыми была уточнена линия русско-китайской границы.

²⁰ В. П. Саввин. Указ. соч., стр. 40.

за поведением султана Аблая, который заигрывал то с российской, то с цинской администрациями.

Российские власти неоднократно указывали Аблаю на необходимость с цинами «осторожно поступать», не полагаясь на то, что богдыхан сыном его «называет и протчия лести употребляет»²¹. Аблаю намекали на судьбу джунгарских властителей Амурсаны и Дебачи, которых цинский император «сначала к себе лестью приманил, а что потом с ними и с зюнгорским народом последовало, то им известно»²².

Вместе с тем, чтобы привязать к себе правителей казахской степи и держать их в постоянной зависимости, российская администрация поставила перед Коллегией иностранных дел вопрос о награждении их ценными подарками. В соответствии с этим 27 марта 1758 г. последовало определение Коллегии иностранных дел о награждении именными саблями султанов Аблая, Ералы и Айчуака, на которых на русском и казахском языках были сделаны надписи: «Божиею милостию Елисавет первая, императрица и самодержица всероссийская пожаловала сею саблею подданного своего киргис-кайсацкого... солтана за его верную службу»²³.

В то же время было высказано предположение о возможности использования хана Нуралы «с ордою» в случае, если бы цинская сторона попыталась выступить против установившихся границ, тем более, что при свидании Тевкелева с Нуралы в 1757 г. последний предложил свои услуги «ежели б со здешней стороны [цинской] война последовала»²⁴. Наряду с этим Тевкелев и Рычков предлагали использовать против поползновений цинов до нескольких тысяч мещеряков (волжских татар) и башкиров. В конечном итоге вопрос ставился так, чтобы при любых обстоятельствах дать противнику отпор, который заставил бы его считаться со своим могучим западным соседом.

Заметим, что военно-оборонительные меры предпринимались российской администрацией еще задолго

²¹ «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.», стр. 550—551.

²² Там же, стр. 551.

²³ Там же.

²⁴ АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1758, д. 4, л. 33.

до рассматриваемых событий. Так, в первые 10—15 лет после смерти Петра I, когда на военно-политические дела России большое влияние оказывал Миних, на всех российских границах возникли длинные ряды укреплений и военных постов, и уже в 1734 г. мы видим стремление сомкнуть их в одну непрерывную линию²⁵. В 1745 г. в Сибирь впервые вступили два пехотных и три конных полка регулярной армии²⁶.

В связи с этим представляется необходимым обратить внимание на то, какими вооруженными силами тогда располагало российское правительство в этом районе, без которых, как совершенно правильно указывает известный советский историк Л. Г. Бескровный, «оно не могло держать в повиновении народные массы, расширять свою территорию за счет других государств, защищать страну от нападения извне»²⁷.

Приведем лишь некоторые данные. По состоянию на сентябрь 1755 г. в распоряжении оренбургского губернатора И. Неплюева находилось 36 714 солдат и офицеров, а всего с войском Казанской губернии — 47 548 человек. Что касается Сибирской губернии, то здесь было 27 552 солдата и офицера²⁸, в основном расположенных на Кузнецкой, Колыванской, Иртышской, Уйской линиях, в районе крепостей Усть-Каменогорской, Звериноголовской, Святого Петра, Ямышевской и др.²⁹ К этому времени протянулась непрерывная линия укреплений от Омской крепости и до Оренбургской из 11 крепостей, 33 редутов и 42 маяков³⁰. Для строительства крепостей было привлечено 3642 человека «из тамошних гарнизонных, драгунных и из служивых казаков и татар», которые должны были работать «без зарплаты из казны ее императорского вели-

---

²⁵ Л. Г. Бескровный. Русская армия и флот в XVIII веке. М., 1958, стр. 67.

²⁶ И. Я. Златкин. Указ. соч., стр. 433.

²⁷ Л. Г. Бескровный. Указ. соч., стр. 5.

²⁸ Подсчет наш по данным Омского облгосархива, ф. 366, оп. 1, д. 24, лл. 2—3.

²⁹ Там же, д. 26, лл. 6—7.

³⁰ С. Д. Асфендиаров. История Казахстана (с древнейших времен), т. I. Алма-Ата — М., 1935, стр. 111; М. К. Янковский. Очерк колонизации Акмолинской губернии. «Статистический вестник». Оренбург, 1924, № 3, стр. 63—64.

чества»³¹. На самых тяжелых фортификационных работах использовались в основном ссыльные и заключенные из Центральной России³².

В 1745 г. царское правительство направило на восток Казахстана пять полков пехоты и конницы³³. В 1760 г. была основана Бухтарминская крепость³⁴. Уйская укрепленная линия, протянувшаяся более чем на 300 километров, служила для прикрытия Башкирии. Новошымская линия длиной 720 километров прикрывала российскую территорию в районе Сибири. Общая протяженность укрепленных линий от устья Яика до крепости Усть-Каменогорской и далее превышала 3,4 тыс. километров и получила название Оренбургско-Сибирской. Впоследствии она явилась опорой для дальнейшего продвижения России в Среднюю Азию. Именно с этого времени началось массовое переселение в Казахстан крестьян из Центральной России.

Однако для закрепления своих позиций в данном районе этих сил было явно недостаточно. Прежде всего, крепости, редуты и маяки никакой связи между собой не имели, за исключением «одних из места до места разъездов». К тому же это были главным образом деревянные укрепления³⁵. Уйская и Новошымская линии, проведенные в степи, не имели защиты со стороны рек ввиду отсутствия земляных валов. Вместе с тем на линии между крепостями Звериноголовской и Петро-

---

³¹ Г. Н. Потанин. Материалы для истории России. М., 1867, стр. 22.

³² Так, из докладной записки сибирского генерал-губернатора Ф. Соимонова в Коллегию иностранных дел от 2 октября 1762 г. видно, что в начале 1762 г. из Тобольска «при поручике Чапкине прибыло на новую линию ссыльных колодников сто двадцать шесть человек..., яко уже на Иртышской линии таковых ссыльных колодников итак довольно заведено и почти оных содержат уже и с кем оставить в крепости Святого Петра и производить ими там земляную работу...». См.. Омский облгосархив, ф. 366, оп. 1, д. 4, лл. 132—133.

³³ «Россия», Киргизский край, отд. II. Население. т. XVIII. Под общим руководством П. П. Семенова. СПб., 1903, стр. 151.

³⁴ В. Б. Герасимова. В долине Бухтармы. Краткий историко-географический очерк с тремя таблицами цифр. «Записки Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела ИРГО», вып. V. Семипалатинск, 1911, стр. 6 (третья нумерация).

³⁵ Л. Г. Бескровный. Указ. соч., стр. 49.

павловской места для укреплений были выбраны неудачно — вдоль цепи горьких и горько-соленых озер. Часть крепостей ввиду этого получила название «Горькая линия». Лишь в условиях усиления крепостей, считала царская администрация, можно было бы «тамошним степным народам сильный отпор учинить, вместо того, что они (крепости. — В. Б.) ныне и воровских партий удержать не могут»³⁶. К тому же следует учитывать, что у восточных границ Казахстана стояла Цинская империя, хотя, как правило, взаимоотношения с ней не выходили за рамки дипломатических отношений. К тому же значительное количество российских войск было занято в Семилетней войне, а часть сил, находившихся в распоряжении оренбургского и сибирского генерал-губернаторов, надо было держать в Башкирии.

Все это создавало трудности для царской администрации в рассматриваемом районе и сковывало ее действия. Вот почему оренбургская и сибирская администрация постоянно добивалась от правительства увеличения численного состава армии и усиления крепостей. Причем все это делалось под предлогом предотвращения «какого нападения, грабительства и воровства и самовольных и усиленных противных поступков, а особливо с кошами и табунами конскими со степной на жилую сторону Иртыша-реки самовольно переходить и противные поступки употреблять не отваживались и от таких самовольных и противных их поступков себя воздержали и что оное у своих старшин в лучшем послушании находиться могли»³⁷.

Следовательно, принятые меры предназначались для дальнейшего упрочения Российского государства в рассматриваемом районе. Не случайно же еще 31 марта 1755 г. тобольский обер-комендант Павлуцкий сообщал сибирскому губернатору В. А. Мятлеву: «Оные азиатские народы, яко то зенгорские калмыки, бухарцы, урянхайцы и киргис-кайсаки, видя в расположении по означенной нужнейшей Иртышской линии исправные армейские полки и нерегулярные достаточные

---

³⁶ Омский облгосархив, ф. 366, оп. 1, д. 30, лл. 1—7.

³⁷ Там же, д. 25, л. 14.

команды, и ежели гарнизонные от воровства и самовольных непорядочных поступков и перекочевания усиленного на жилую сторону реки Иртыша более удержаться и в страх и опасность и в лучшее состояние и в возрождение придти могут»³⁸.

Эта политика окончательно утвердилась в последующие годы³⁹.

Таким образом, в данном случае российская стратегия исходила из превосходства России в военном и экономическом отношениях. Но при решении спорных вопросов Российское правительство придерживалось мирного курса путем расширения торговых контактов, переговоров.

2. Развитие и дальнейшее упрочение русско-казахских отношений

Мы уже отмечали, что Россия, занятая Семилетней войной, не имела возможностей для принятия решительных мер по отношению к цинам. Цинская империя также не располагала на западе (в Синьцзяне) достаточным военным потенциалом. Что же касается казахских жузов, то они были сильно ослаблены внутренними усобицами и нашествием джунгар.

Несмотря на это, перед российской дипломатией стояла весьма сложная проблема: не показывая казах-

---

³⁸ Там же, л. 11.

³⁹ В 1764 г., например, в ответ на грубое письмо цинского императора российское правительство, выведенное из терпения, заявило: «Вы требуете скорого ответа, а мы и без вашего бы напоминания по собственной своей привычке без потери времени сие учинили. Не с крайним ли удивлением взирал бы на то весь разумный свет, если бы ему стало известно, что первый трибунал такого рода, каков китайский, в котором и последние крестьяне в учтивости не токмо против начальников, но и равных себе воспитываются и по крайней мере ничем не уступающей его отечеству державой приписывается, не наблюдая ни малейших правил благопристойности, ни благонравия. Брани не суть доказательства: они не что иное, как гнусное орудие невежд, не могущих справедливостью опровергнуть справедливые требования соперника благоразумного; а мы имеем два обыкновенных средства к пресечению неистовых браней и кичливой гордости: или пренебречь с презрением, сочтя оное безумным бешенством, или наказать чувствительно. К обоим имеем довольно силы...» (См.: В. П. Саввин. Указ. соч., стр. 40).

ским властителям, что возникли трудности с выделением соответствующих военных контингентов на границу с Цинской империей, добиться организации и направления туда казахских вооруженных отрядов. Для осуществления этой задачи А. Тевкелев считал необходимым, чтобы под предлогом инспектирования крепостей направили его и других авторитетных представителей российской администрации в казахскую степь для зондирования условий, при которых возможна была бы организация 30-тысячного отряда «доброконных людей» из казахов Младшего и Среднего жузов, а также с целью не только предотвратить нападение «на российские границы», но и воспрепятствовать упрочению позиций маньчжурских завоевателей на захваченных территориях¹.

Уже тогда было ясно, что хан Нуралы мог решать поставленные перед ним задачи лишь в случае, если бы ему удалось добиться согласия на это со стороны Аблая, пользовавшегося в Среднем жузе безграничной властью, в особенности усилившейся после откочевки в Туркестан хана Абулмамбета и смерти Барака² и Джаныбека. «Аблай ныне,— сообщали А. Тевкелев и П. Рычков Коллегии иностранных дел в январе 1759 г.,— во всей Средней Орде за главного владельца почитается, а притом гораздо смышлен и проворен»³. Учитывая все это, российская администрация, в частности А. Тевкелев, предполагала принять все для отрыва Аблая от цинов. К тому же высказывались опасения, что он может быть избран ханом Среднего жуза без санкции Петербурга.

А. Тевкелев считал необходимым пригласить Аблая в одну из крепостей для переговоров. Если бы Аблай под каким-либо предлогом уклонился от них, тогда следовало все внимание уделить Нуралы и его сторонникам, использовать средства для подавления их про-

¹ См.: «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.», стр. 554, 576—577.

² Султан Барак был отравлен в г. Канаке в 1750 г. См.: В. В. Вельяминов-Зернов. Исторические сведения о киргиз-кайсаках и отношения России с Средней Азией со времени Абул-хайр-хана (1748—1765), т. I. Уфа, 1853, стр. 9, 18; У. Х. Шелекенов. Казахи низовьев Аму-Дарьи. К истории взаимоотношений народов Каракалпакии в XVII—XX вв. Ташкент, 1966, стр. 36.

³ «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.», стр. 582.

тивников, создать казахские воинские отряды для охраны российской границы от посягательств маньчжурских захватчиков.

В конце мая 1758 г. оренбургская администрация направила в казахскую степь Я. Гуляева для получения сведений о планах Аблая в отношении цинов и Нуралы. Гуляев должен был склонить хана и его братьев на приезд в Оренбург. Речь, стало быть, шла об организации в Оренбурге встречи Нуралы с Аблаем. Кстати сказать, Нуралы обещал Гуляеву, что по первому зову из Оренбурга он вместе с султаном Ералы и Айчуваком прибудет на такую встречу. Султан Аблай, однако, сообщил А. Тевкелеву, что он не может прибыть в Оренбург, хотя и отправил туда своего брата султана Юлбарыса⁴.

Как видно из сообщений Я. Гуляева и писаря Сеита Касимова, ездившего к султану Айчуваку для выяснения взаимоотношений казахов Младшего и Среднего жузов с Цинской империей, Хивой и каракалпаками, наряду с Аблаем значительный вес в степи стал приобретать султан Ералы. Сеит Касимов сообщал 24 мая 1758 г.: «Аблай-солтан и весь тамошней народ ево, Ералей, над всею тою Среднею ордою главным владельцем учинить» хотели⁵. Ералы совместно с Аблаем создал два отряда для борьбы с «продавшимися» цинам джунгарами. В 1757 г. отряд Ералы нанес им незначительное поражение. В том же году против них выступил отряд казахов во главе с Аблаем, но понес большие потери и успеха не имел⁶.

Предпринимая меры по укреплению своих позиций в Казахстане, российское правительство учитывало, что хан Нуралы, его сыновья и подавляющее большинство казахского народа находятся в непоколебимой верности престолу, «никаких к здешней (российской. — В. Б.) стороне противностей в них нет, и для торгу сюда кочевать охотно делают и будут»⁷. Более того, Нуралы прямо заявил Гуляеву, что если понадобится вступить в борьбу с цинскими войсками и об этом ему даст знать российская администрация, «то они с радостию на них»

⁴ Там же, стр. 565, 567.

⁵ АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1758, д. 4, л. 68.

⁶ «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.», стр. 548.

⁷ Там же, стр. 563.

пойдут⁸. Характерно, что это подтвердили Я. Гуляеву и все казахи, с которыми он имел встречи. Они даже заявили, что если А. Тевкелев во главе с российским войском прибудет для этого в казахские степи, то, «хотя б не пожелал и хан», пойдут вместе с русскими⁹. К тому же, как это видно из журнальной записи показаний батыра Кулсары об отношении казахов Среднего жуза к цинам, с одной стороны, и к России, с другой, они в случае нападения на их жуз маньчжуров, «отправя свои коши, жен и детей к российским крепостям», окажут им сопротивление. Если же «устоять будет невозможно, то для защищения и сами к российским крепостям приближатца желают»¹⁰.

Отметим также, что Нуралы при встрече с А. Тевкелевым и П. Рычковым, касаясь Семилетней войны, недвусмысленно предлагал использовать казахов в этой войне¹¹. Кстати сказать, этот же вопрос был затронут и в беседе между Нуралы и сыном П. Рычкова капитаном Н. Рычковым. Сообщая о том, что Нуралы выразил благодарность России за помощь казахам в борьбе с Джунгарией, Н. Рычков пишет, что с тех пор, как хан Младшего жуза «встал под защиту Российского государства, русским пришлось вести две войны с иноземными царствами. Одна война с пруссаками, другая... с турками. Но ни в той, ни в другой он (Нуралы.— В. Б.) еще не имел счастья быть использованным. Между тем это его каждодневное желание, равно как и желание его подданных. Во всякое время, в каждый час готовы они выступить против врагов России»¹². Стало быть, основная масса казахского народа дружелюбно и с большим сочувствием относилась к России и ее международным делам.

Для получения более полных сведений о положении в Среднем жузе и о взаимоотношениях Аблая с цинами 28 ноября 1759 г. к нему были направлены князь И. Ураков и Я. Гуляев. Прежде всего они должны были

---

⁸ Там же.

⁹ Там же, стр. 564.

¹⁰ Там же, стр. 633.

¹¹ Там же, стр. 577.

¹² Н. Рычков. Дневные записки путешествия капитана Николая Рычкова в киргиз-кайсацкие степи 1771 года. СПб., 1772, стр. 104.

подготовить почву для провозглашения ханом Среднего жуза Аблая, который, как уже подчеркивалось, «за главного владельца почитается, а притом, гораздо смышлен и проворен». В этом случае следовало бы добиться направления Аблаем аманатов в Троицкую крепость. Ненаправление аманатов могло бы отрицательно повлиять на Нуралы, от которого содержались аманаты при российской администрации. Поэтому надо было сделать так, чтобы просьба об утверждении ханом и направлении аманатов исходила от самого Аблая. Вместе с тем И. Уракову и Я. Гуляеву следовало установить, как относятся казахи Среднего жуза к хану Абулмамбету, пользуется ли он каким-либо авторитетом и какова будет их реакция в случае замены Абулмамбета Аблаем.

7 апреля 1760 г. И. Ураков и Я. Гуляев возвратились из Среднего жуза. Их поездка коренным образом изменила планы Оренбурга в отношении Аблая и Абулмамбета, пролила свет на некоторые неясные вопросы. Оказалось, что подавляющее большинство казахов Среднего жуза признает своим ханом Абулмамбета, ставка которого хотя и находилась в Туркестане, но он часто приезжал в те или иные улусы Среднего жуза для разрешения с другими властителями важнейших вопросов внутренней и внешней политики. Что касается Аблая, то он «сам его (Абулмамбета. — В. Б.) почитает и советам его следует»¹³.

Заметим, что эти данные позднее подтвердил также исполняющий обязанности Сибирского губернатора Карл фон Фраунендорф, который 11 марта 1763 г. сообщил Коллегии иностранных дел о том, что «Аблай-салтан будто по всей Средней орде называется и владельцем, но только-де оной пред прочими преимуществами в их орде, кроме в своем атагайском роде, совершенно не имеет и никакой власти в других родах распространить не может»¹⁴.

В этих условиях, как указывалось в инструкции Коллегии иностранных дел оренбургскому губернатору А. Давыдову от 18 июля 1760 г., никакой речи не мог-

---

¹³ АВПр, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1760, д. 3, л. 59 об.

¹⁴ «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.», стр. 646—647.

ло быть о провозглашении Аблая ханом. Оставалось лишь ждать смерти престарелого Абулмамбета.

Перед российской администрацией ставилась задача принять меры по недопущению откочевки казахов, а также иметь достоверные сведения о сущности казахско-цинских отношений¹⁵. Администрация должна была «при удобных случаях лучшим из них (казахов. — В. Б.) людям искусным образом внушать и толковать» об опасности откочевки в условиях возможного нападения маньчжурских вооруженных сил, «которые худо... с своими подданными поступают и их изнуряют»¹⁶. В то же время следовало постоянно держать в поле зрения Аблая, делая все для того, чтобы он не склонился на цинскую сторону. Петербург рекомендовал в случае приезда Аблая в Оренбург «принять его ласково и таким образом с ним обходиться, чтоб с Вами с удовольствием расстался»¹⁷. Это же касалось и сопровождавших его лиц, в особенности старшин Кулсары и Куляки, которых также следовало одарить ценными подарками, «как то было неоднократно в приезд в Оренбург Нуралы-хана с его свитою, только с некоторою пред ханом малою убавкою. Ибо по здешнему разсуждению кажется, лутче потерять несколько иждивения, нежели его, Аблай-солтана, и тамошних старшин»¹⁸.

Следовательно, российское правительство видело в Аблае серьезного претендента на ханское звание, обращало внимание на приближение его к российской администрации, хотя и располагало сведениями о связях Аблая с цинами.

Учитывая, что во время пребывания И. Уракова и Я. Гуляева у Аблая последний усмотрел в них «подсмотрщиков своих», ввиду чего отнесся к ним с подозрением и даже «в своем улусе содержать их не похотел»¹⁹, а также то, что он стал подозрительно относиться и к другим представителям российской администрации, в частности к переводчику М. Арапову, местные власти решили впредь направлять к нему послов не от Оренбурга, а от Троицкой крепости и Сибирской линии.

¹⁵ АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1760, д. 3, л. 60.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же, л. 61.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же, л. 61 об.

Для этого надо было подобрать способных людей, в особенности из татар или башкир, которые, зная казахский язык, под разными предлогами, но без назойливости, могли бы бывать у Аблая и доброжелательных к России старшин Кулсары и Куляки и преподносили бы им подарки. Были даже определены суммы для этих подарков: для Аблая — 100 рублей в год, а для Кулсары и Куляки чуть поменьше, причем каждый из них должен был знать лишь о подарке, преподнесенном ему.

Более полные данные о положении в Среднем жузе были получены в результате поездки башкира Барын-Табынской волости Шукура Абзанова с сопровождавшими его лицами к султану Аблаю, которые выехали из Троицкой крепости 31 января 1761 г. и возвратились обратно 19 апреля того же года ²⁰. Они привезли весьма ценные для российской администрации сведения о продолжавшихся встречах между владельцами Среднего жуза и представителями цинских властей. В частности, во время встречи доверенного султана Абулфеиза (сын Абулмамбета) казаха Кутлубая с богдыханом Гао Цзун-ном последний требовал от казахского посла воздействовать на российскую администрацию о выдаче джунгарских владельцев нойонов Шерена и Амурсану. Когда же Кутлубай сообщил, что казахи не в силах выполнить эту просьбу, богдыхан грозился направить против России и казахов свою армию в составе сорока санов, которая к этому времени была якобы уже сосредоточена в районе Урумчи ²¹.

Следовательно, главную ставку при проведении своей политики в Казахстане цинский император делал на вооруженные силы. По сообщению того же Кутлубая, богдыхан намеревался направить вместе с ним в Средний жуз торговый караван из десяти тысяч верблюдов. Под предлогом возможного ограбления каравана Кутлубай вежливо отказался от него. Тогда богдыхан предложил организовать ярмарку в районе озера Барык-Куль с условием передачи половины земель разгромленных джунгар под казахские кочевья, а вторую половину заселить маньчжурами. Подозревая во всем

²⁰ Там же, 1761, д. 4, л. 108.

²¹ «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.», стр. 614.

этом обман с целью сосредоточения маньчжурских войск близ казахских улусов, послы отказались от заманчивого предложения.

Что же касается самого Аблая, то он, по сообщению Шукура Абзанова, «состоит в верноподданической к... российской стороне должности»²² и что «Средней орды киргисцы... пребывают спокойно и противу здешней (русской. — В. Б.) стороны никаких предприятий не имеют»²³. Характерно, что богдыхан при встрече с Аблаем намекнул ему на отход от России, но Аблай отверг это домогательство, заявив, «что он при России тридцать лет уже находится»²⁴. Более того, Аблай советовал хану Нуралы требовать от своих подданных уменьшения столкновений в местах соприкосновения с российскими укрепленными линиями.

20 июня 1761 г. из казахской степи возвратился в Оренбург писарь оренбургской администрации Сеит Касимов, который сообщил о тенденции на ослабление ханской власти в казахской степи. В частности, он дал знать, что султан Айчувак вместе с родом джетыру, несмотря на противодействие Нуралы, под предлогом того, что «от российской стороны милости себе он не видит», решил откочевать в район бывшего расположения джунгарских кочевий²⁵. И лишь после сообщения оренбургского губернатора А. Давыдова об удовлетворении его просьбы определить ежегодное жалованье²⁶ султан удержался от своего намерения и стал кочевать вблизи Янка, в районе российских крепостей. Исключение составили лишь казахи джагабайлинского рода, которые из-за нападения на них башкир откочевали к Сырдарье и намеревались просить позволения и содействия у Нуралы и казахских султанов «идти на российскую сторону» для мщения башкирам²⁷.

В то же время Сеит Касимов доложил о брожении, царящем в стане Нуралы, которое заключалось в том, «что ево ханския в российскую сторону представления

---

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Там же, стр. 619.

²⁵ Там же, стр. 616.

²⁶ См.: АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1761, д. 4, лл. 134—135, 127 об.

²⁷ «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.», стр. 617.

ныне против прежнего не приемлются и прошения ево так, как прежде бывало, не исполняются»²⁸. В связи с этим, как явствует из сообщения Касимова, Нуралы намеревался принять меры к тому, чтобы не допустить азиатских, в том числе и казахских, купцов в пределы России, рассчитывая, что это заставит царские власти выполнить все его требования.

Заметим, однако, что все это понадобилось Нуралы лишь для того, чтобы российская администрация уделяла ему больше внимания. Это же относится и к султану Айчуваку, который после сообщения оренбургского губернатора о ходатайстве перед Петербургом назначить ему ежегодное жалованье, заявил А. Давыдову, что желает способствовать развитию торговли в Казахстане²⁹. Вообще же проблема торгового обмена имела несравненно большее значение, чем любые политические интриги.

Вот почему торговые операции шли своим чередом. Через казахские степи в Оренбург и Троицк прибывали хивинские, бухарские и казахские торговые караваны. Только с января и до конца августа 1761 г. ташкентские купцы доставили в Оренбург «серебра два пуда тридцать фунтов, да разного товару по цене и с серебром» на 1742 рубля, «да выменено у киргиз-кайсака лошадей, скота и разного товару» на 22 912 рублей. Всего же в 1761 г., по неполным данным, азиатские купцы привезли в Оренбург пять пудов серебра и разных товаров на 7688 рублей, а от казахов поступило их на 34 955 рублей³⁰.

Именно в это время намечается повышенная тяга представителей казахской верхушки к торговле с Россией. В этом отношении сошлемся на прошение султана Абулфеиза на имя императора Петра Федоровича от 21 января 1762 г., в котором он ставит вопрос о разрешении казахам Среднего жуза торговать в Семипалатинской крепости³¹. Абулфеиз обращает внимание царя на то, что его улусам, а также представителям Старшего жуза из-за их отдаленности от Троицка намного удоб-

²⁸ Там же.

²⁹ Там же, стр. 625.

³⁰ АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1761, д. 4, лл. 226—227.

³¹ «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.», стр. 635—

нее торговать в Семипалатинской крепости, на что и просил санкции. Кстати сказать, правительство Петра III в манифесте от 28 марта 1762 г. указывало на необходимость развивать торговлю с Востоком, в частности с Индией, усматривая в этом путь к упрочению российской экономики.

Екатерина II, выдавая себя за последовательную продолжательницу политики Петра I, указывала на необходимость направить торговлю между Россией, с одной стороны, Цинской империей и Индией, с другой, через Туркестан. Она считала, что это поднимет Россию «на степень могущества выше всех остальных империй Азии и Европы»³². Не случайно 5 августа 1762 г., уже после смерти Петра III, Екатерина II подписала указ, удовлетворявший просьбу султана Абулфеиза об учреждении торговли в Семипалатинской крепости. Организацию торговли поручили сибирскому губернатору³³. Правда, российские купцы, торговавшие в основном в Тобольске, не изъявляли особого восторга от необходимости осуществлять торговые операции в Семипалатинской крепости, несмотря на то что, по сообщениям Абулфеиза, казахские купцы привозили туда значительное количество товаров. Не видя российских купцов, казахские торговцы возвращались в свои улусы и обращались с жалобами к командиру Сибирской линии генерал-майору фон Фрауендорфу. Они настаивали на присылке в Семипалатинск российских купцов, обещая обеспечить им безопасность и прибытие туда не только казахских, но и бухарских купцов. Видя неотступные и настойчивые требования казахов, фон Фрауендорф 20 сентября 1763 г. обратился с просьбой в учрежденную в Тобольске «секретную и о заграничных обращениях комиссию», а 20 января 1764 г. — к сибирскому губернатору Чечерину о направлении для опыта нескольких караванов российских купцов в Семипалатинск. Кстати сказать, российское правительство неоднократно возвращалось к вопросу о расширении торговых связей России с Востоком через Казахстан. Например, в

³² ПСЗРИ, т. XV, № 11489. «Записки имп. Екатерины II». СПб., 1907, стр. 639. Р. В. Овчинников. Предисловие к кн.: «Русско-индийские отношения в XVIII в.», стр. 8.

³³ «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.», стр. 663—665.

1763 г. П. И. Рычков предложил установить караванную торговлю с Индией через Среднюю Азию³⁴.

Между тем 10 июля 1762 г. в адрес Нуралы, Аблая, Ералы, Айчувака и Султанмухаммеда были направлены грамоты Екатерины II по случаю ее восшествия на престол. Хану Нуралы эта грамота была доставлена И. Ураковым и Я. Гуляевым. Вернувшись в Оренбург 7 августа 1762 г., И. Ураков и Я. Гуляев сообщили немаловажные сведения, прежде всего о том, что Нуралы после личной присяги на верность Екатерине II заявил российским послам, что казахский народ «находится ныне к российской стороне в злобе», так как «в зимнее времена к Лику кочевать не допускаются». По словам Нуралы, казахам «от российской стороны добра нет», а за то, что он, хан, не может добиться не только освобождения захваченных российской стороной казахов в плен и скота, но и права на кочевание в районе Яика, казахи «ропщут и называют его русским, говоря, что он об их, киргизском народе, не старается, а доброжелательствует только российской стороне»³⁵. В этой связи Нуралы не взял на себя в тот момент обязательства привести казахов Младшего жуза к верности Екатерине II.

Для приведения к присяге Аблая и Султанмухаммеда по случаю восшествия на престол Екатерины II 12 января 1763 г. к ним был направлен переводчик Троицкой крепости Ф. Гордеев, который и вручил им грамоты новой императрицы в присутствии наиболее влиятельных старшин: Кулсара-батыра, Шамурзая, Карепа и др. Султаны остались «весьма довольны и в повелениях е. и. в. непоколебимо пребывать обещались»³⁶. Через Коран они присягнули на верность российскому престолу. От имени Аблая, Султанмухаммеда и других султанов Младшего и Среднего жузов Екатерине II было направлено поздравление в связи с ее восшествием на престол³⁷. В Москву на торжества

³⁴ Ф. И. Соимонов. Описание Каспийского моря. СПб., 1763, стр. 353—360.

³⁵ «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.», стр. 639—649.

³⁶ Омский облгосархив, ф. 366, оп. 1, д. 4, л. 145.

³⁷ АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1762—1775, кн. 14, лл. 30 и об.

по случаю ее коронации поехали представители этих жузов. Султанмухаммед не упустил случая направить Екатерине II письмо с просьбой о назначении ему ежегодного жалованья³⁸.

За время пребывания в Среднем жузе переводчик Ф. Гордеев никаких антироссийских деяний там не усмотрел. Он сообщил, что маньчжуры продолжают сосредоточивать на бывших джунгарских землях свои войска и строят крепости³⁹. Ф. Гордеев разъяснил казахам, чтобы они «никакого б с российской стороны опасения и сумнения не имели», а на цинские б «никакие лакомства и обманы не предавались, и ежели от них какие-либо к ним, киргисцам, утеснения чинимы будут, чтоб они, киргисцы, улусы свои к российским жителям во близости оставляли, чему они, киргисцы, весьма радовались»⁴⁰.

К тому же, как сообщал Ф. Соймонов в Коллегию иностранных дел 27 сентября 1762 г., цины «якобы... намерены послать войска тысяч до восьмидесяти или девяноста для завоевания Бухарии, ташкентцев и самирханцов»⁴¹. Ф. Соймонов сообщал, что казахи находятся под постоянным страхом быть подвергнутыми нападению со стороны маньчжуров.

В виду создавшейся серьезной опасности со стороны Цинской империи Аблай в сопровождении десяти приближенных направился к хану Абулмамбету в Туркестан для совета о линии поведения.

Сложившаяся к этому времени обстановка требовала переговоров между вновь назначенным оренбургским губернатором Д. Волковым и Нуралы. Кстати сказать, Нуралы не был в Оренбурге с 1759 г., что вызывало беспокойство у оренбургской администрации, «дабы он, хан, от времени до времени не пришел в разврат и не зделался напоследок затруднительным»⁴², тем более, что с 1760 г. в Оренбурге бессменно в качестве аманата находился его сын султан Бекгалы. А это шло

---

³⁸ «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.», стр. 648, 644.

³⁹ Омский облгосархив, ф. 366, оп. 1, д. 4, л. 145.

⁴⁰ Там же, л. 146.

⁴¹ Там же, лл. 142—143.

⁴² Там же, л. 145.

⁴³ «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.», стр. 652.

бразрез с известной договоренностью 1749 г. о ежегодной смене аманатов. К тому же за время почти четырехлетнего отсутствия Нуралы в Оренбурге назрело много сложных вопросов, которые могли быть, если не решены, то, во всяком случае, получить предварительные санкции на их решение лишь при условии непосредственных контактов между Д. Волковым и Нуралы.

Вот почему 9 октября 1763 г. по приглашению нового губернатора в Оренбург прибыли хан Нуралы с султаном Айчуваком в сопровождении ряда старшин и биев, где пробыли до 7 ноября того же года. В ходе переговоров яснее проявилось то общее, что объединяло Россию с Казахстаном, и то, что мешало этому объединению. Прежде всего, Д. Волков внес определенную ясность в вопрос о торговых пошлинах, которые взимались как с российских, так и казахских купцов. До этого Нуралы направил ряд запросов в Оренбургскую губернскую канцелярию с просьбой разъяснить, почему берутся пошлины. Д. Волков указал, что «у всех государей обыкновение есть, чтоб им от торгов и других промыслов подданных своих некоторые в казну свою доходы иметь, потому здесь с продажных за границу товаров и хлеба в казну ея величество пошлина и брана была»⁴⁴. Однако в связи с тем, что в зиму 1762/1763 г. в Младшем и частично Среднем жузах был сильный джут, в результате которого погибло много скота, оренбургская администрация с санкции Петербурга дала распоряжение в течение трех последующих лет «всякой хлеб киргис-кайсакам продавать здесь (в Оренбурге. — В. Б.) беспошлинно»⁴⁵. Но опять-таки и в данном случае оренбургский губернатор не упустил случая заметить, чтобы хан немедленно сообщил своему народу, «дабы оной тое высочайшую е. и. в. милость чувствовал, и от подданства российской империи пользу свою признавал»⁴⁶. Нуралы с удовлетворением воспринял это сообщение Д. Волкова, обещал известить обо всем свой народ и просил, «дабы и впредь таковым попечением оной не оставлял».

Как и прежде, значительное место в переговорах заняли вопросы, связанные с решением проблемы безо-

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же, стр. 653.

⁴⁶ Там же.

пасности продвижения торговых караванов в степи. Несмотря на наличие ряда соглашений по этому поводу, они были весьма несовершенны и нуждались в улучшении. Нуралы указал, что хотя и не оправдывает тех казахов, которые причастны к ограблению хивинских и бухарских торговых караванов, но многое зависит в этом отношении не только от казахов. Хан привел примеры, свидетельствующие о многочисленных грабежах, которым подвергались и казахские торговые караваны на пути в бухарские и хивинские города со стороны каракалпак и туркмен; причем они сопровождались гибелью многих казахов. В ответ казахи вынуждены были организовывать отряды для мщения. Вот и получался заколдованный круг, из которого казахские власти не видели выхода.

В ходе переговоров выяснилось, что чаще всего страдали от ответных мер те, кто никакого отношения к ограблению караванов не имел. Вот почему обе стороны пришли к мнению о необходимости разработки действенных мер по прекращению или, во всяком случае, уменьшению этих набегов. Предполагалось, что это должно решаться путем переговоров с ханами Бухары и Хивы, а также с туркменскими и каракалпакскими властями. В то же время намечалось заранее оповещать жителей степи о движении того или иного каравана с целью пресечения самими казахами разбойничьих нападений. В свою очередь купцы должны были давать соответствующие подарки хану, султанам, старшинам и другим казахским властям, по территории которых продвигались торговые караваны.

Здесь, однако, встретились трудности в связи с тем, что иной купец и рад бы дать откупную хану или другому властителю, да в этот момент просто-напросто неизвестно было место их расположения. Поэтому пришли к соглашению, что хан будет заранее оповещаться о времени и месте продвижения хивинских, бухарских или иных караванов, после чего он направит специальные военизированные команды казахов для их сопровождения. В этой связи ответственность за все убытки, учиненные в результате нападений, должен был нести Нуралы.

Договорились также и о замене старых аманатов на новых из числа ханских сыновей и о направлении до-

полнительно аманатов старшинами наиболее сильных родов.

Мы уже видели, что российские власти постоянно беспокоили взаимоотношения, складывавшиеся между Средним жузом и Цинской империей. Поэтому не прекращался усиленный поиск наиболее эффективных путей для получения новых данных об этом районе казахской степи. Одним из них была активизация дипломатических связей со Средним жузом и, в частности, с одним из его влиятельнейших владетелей султаном Аблаем.

Значительный интерес для выяснения обстановки в Среднем жузе этого периода представляют показания переводчика Оренбургской канцелярии Матвея Арапова, находившегося у султана Аблая летом 1764 г. с целью выяснения его отношения к вопросу о российском протекторате. Арапов обратил внимание Аблая на то, что, находясь под российским протекторатом, казахи пребывают в «безопасности от неприятельствующих им народов..., покойным и пространым степным кочевьем», пользуются «на учрежденных особливо для них на границе торгах». Что же касается властителей степи, то они обеспечиваются российским правительством «ежегодным немалым жалованьем»⁴⁷. Аблай положительно отнесся к доводам М. Арапова и заметил, что, хотя его разными способами склоняют на маньчжурскую сторону, он будет оставаться верным России.

Арапов пришел к выводу, что казахи Среднего жуза враждебных намерений в отношении России не имеют, доказательством чему явилась систематическая торговля их в Троицкой крепости. Что касается их отношений с цинами, то они «к преданности-де» на их сторону «генерально склонности не имеют»⁴⁸.

По заявлению Арапова, наблюдалось большое передвижение маньчжурских воинских соединений и сосредоточение их на границе со Средним жузом, чтобы «с Россиею неприятельствовать»⁴⁹, строились укрепления линии.

Из сообщений Арапова стало еще более ясно о «не-

---

⁴⁷ Там же, стр. 665.

⁴⁸ Там же, стр. 666.

⁴⁹ Там же.

сносных притеснениях», чинимых цинской администрацией в городах Малой Бухарии, население которых облагалось непосильными налогами. Дошло до того, что властитель Малой Бухарии в 1763 г. бежал к афганскому эмиру Ахмеду и просил его помощи. Афганский правитель, намереваясь начать военные действия против цинов за разорение им Джунгарии и взятие Яркенда и Кашгара, потребовал от них оставить бухарцев «на прежней их воле». Богдыхан ответил отказом. Тогда Ахмед, опираясь на «мухамеданского закона народы», в том числе на султана Аблая, ханов Нуралы и Абулмамбета, стал готовить поход против Цинской империи. В 1764 г. в ее сторону были направлены некоторые воинские соединения. Проводились специальные работы по рытью колодцев на пути продвижения афганских войск. К Нуралы, Абулмамбету и Аблаю эмир Афганистана направил послание, в котором требовал с приближением его войск предоставлять в их распоряжение лошадей и скот, за что обещал платить «серебром и золотом» и выдавать большие награды. Он же обещал, если ему удастся победить цинов, удовлетворить все желания казахских владетелей⁵⁰. Кстати сказать, в упомянутом нами указе Екатерины II от 28 ноября 1763 г. отмечалось, что не мешало бы российским пограничным командирам «с ханом Агаметцом (эмир Афганистана Ахмед.— В. Б.) медиатное (через посредника.— В. Б.) или немедиатное знакомство свести; оное для нерчинской экспедиции и временем годилось бы, так как рано или поздно пришлось бы сократить господ... (цин.— В. Б.), а в сем случае и был бы хан Агаметца такую меделянскую собакою, которую бы на них во-время и кстати пустить можно»⁵¹. Однако реальных возможностей для борьбы с Цинской империей у Афганистана не было, так как эмир глубоко увяз в войне с Индией.

Сведения М. Арапова о положении в Среднем жузе в какой-то мере дополняли, но не исчерпывали всех данных, которые были нужны российской администрации. В этой связи к Аблаю были направлены башкир-

---

⁵⁰ АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1763—1767, кн. 15, л. 191.

⁵¹ См.: В. П. Саввин. Указ. соч., стр. 40.

ский старшина Шукур Абзанов, сотник Упак Абзанов и Мустай Утяшев. По возвращении послов 24 октября 1764 г. были получены сведения о том, что казахи Среднего жуза «к российской стороне находятся спокойно», Аблай «противу прежних годов гораздо лутчее и к ним был склоннее». Султан интересовался, почему российские власти не присылают специалистов для строительства домов и для обучения кочевников хлебопашеству⁵². Аблай сообщил послам, что засеял просом значительный участок.

Что же касается взаимоотношений с цинами, то Аблай был недоволен тем, что богдыхан весьма холодно принял его представителей. В связи с этим султан в присутствии многих казахов заявил российским послам, что казахам ныне от маньчжур «никакого добра нет, и лутче-де нам, сообщась, к стороне нашей всемилостивейшей государыни жить», и цины «де чрез то им ничего не могут учинить»⁵³.

Этих же взглядов придерживался и хан Абулмамбет, кочевья которого находились под постоянной угрозой нападения цинов. Немалую роль сыграли в этом отношении упорно распространявшиеся слухи о стремлении их властей пригласить на переговоры Аблая, умертвить его, а затем разорить кочевья Среднего жуза.

Между тем российские власти располагали и совершенно противоположными сведениями, свидетельствующими о двойной игре Аблая. Это подтверждается рапортом командира Сибирских войск генерал-поручика И. Шпрингера от 14 декабря 1764 г. Коллегии иностранных дел, из которого следует, что Аблай осуществляет систематический обмен посольствами с цинами, ежегодно направляет последним подарки, получая их взаимно. В частности, он указывает на посольство Аблая к маньчжурам в составе 33 человек во главе со старшиной Одарчи с тридцатью белыми рысаками в качестве подарка богдыхану и влиятельным лицам из его окру-

---

⁵² В том же 1764 г. к Аблаю было направлено десять русских крестьян с сельскохозяйственными орудиями. Они обучили группу казахов-кочевников ведению хлебопашества и пользованию сельскохозяйственными орудиями. См.: «История Казахской ССР», т. I. Алма-Ата, 1957, стр. 253.

⁵³ АВПр, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1762--1775, кн. 14, л. 172.

жения⁵⁴. А по данным старшины киреевского рода Среднего жуза Сагадыка Мамбетова от 28 марта 1768 г., богдыхан пожаловал Аблая «над всеми киргисцами и салтанами начальником»⁵⁵, которые платили ему подать лошадьми. Причем он получил право наказывать вплоть до применения смертной казни тех казахов, которые нарушали спокойствие цинского правительства⁵⁶.

Вместе с тем 14 июля 1767 г. башкирские старшины К. Абзанов, А. Курманов и В. Тунгатаров, ездившие в качестве российских послов в Средний жуз, подтвердили прежние сообщения о том, что «Аблай-солтан, все старшины и киргисцы... более имеют усердие к российской стороне»⁵⁷. Более того, 19 июня 1768 г. оренбургский губернатор князь Путятин донес в Петербург о присланном к нему от султана Аблая письме, в котором тот просил выделить ему военную силу для укрепления своей власти, изъявив желание, чтобы его сын находился на царской службе.

В данном случае речь шла о том, чтобы получить от Аблая его сыновей в качестве аманатов. Заметим в связи с этим, что с 1740 г., то есть со времени юридического включения Среднего жуза в состав России, несмотря на меры, принимаемые российским правительством, аманатов из Среднего жуза не удавалось за-получить.

Вот почему царское правительство не замедлило воспользоваться удобным случаем. 13 августа 1769 г. было подписано распоряжение Коллегии иностранных дел⁵⁸ по поводу предложения султана Аблая прислать своего сына в Троицкую крепость в качестве аманата. В нем подчеркивалось, что содержание в аманатах сына Аблая является единственным способом удержать Аблая в подлинной верности. «Никаких других способов к содержанию Аблай-солтана в обязательстве» Коллегия иностранных дел не видела.

По сообщению Путятина, политика Аблая в отноше-

---

⁵⁴ «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.», стр. 677.

⁵⁵ Там же, стр. 668.

⁵⁶ Омский облгосархив, ф. 3, 1823, д. 423, л. 117; «Известия КазФАН СССР. Серия юридическая», вып. 1, 1940, стр. 96.

⁵⁷ «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.», стр. 685.

⁵⁸ Там же, стр. 689—694.

нии цингов лицемерна, ибо он лишь «для получения прибытков оказывает себя усердным... (их.— В. Б.) стороне, но со всем тем, находя для себя существенную от здешняго (российского.— В. Б.) подданства пользу, непоколебимо в оном пребывает»⁵⁹. И хотя все источники свидетельствуют, что это действительно было именно так, что цинское правительство никогда не имело ни юридической, ни реальной власти ни над казахскими владетелями, ни над казахским народом, подчеркнем, что политика Аблая была двуличной не только в отношении Цинской империи, но и России, хотя он больше склонялся к России. Это, однако, давало ему возможность в какой-то степени сохранять независимость жуза⁶⁰.

Тем временем между ханом Нуралы и оренбургской администрацией продолжалась активная дипломатическая переписка. Нуралы постоянно подчеркивал свое стремление держать казахов в «спокойном содержании», высказывал заботу о безопасности продвижения торговых караванов, подчеркивал готовность беспрепятственного направления в Россию своих детей в качестве аманатов, замене умерших в аманатстве новыми, обещал и впредь оказывать всяческую помощь российским властям путем предупреждения о надвигающейся опасности со стороны соседних государств, «особливо, когда знатной неприятель окажется».

В то же время Нуралы продолжал требовать, «чтоб достоинство ево от времени до времени умножалось», а дети его Ишалы и Пиралы получали «особливое жалование», домогался возвращения казахских пленников и, что пожалуй самое важное, разрешения казахам, находившимся под его властью, перегонять скот на правый берег Яика. В своих письмах он выражал сомнение: сообщает ли местная администрация о его требованиях правительству.

Нуралы аргументировал это тем, что скот улусов султана Абулфеиза перегонялся на внутреннюю сторону Иртыша выше Омской крепости, а казахам Нуралы этого не разрешалось. Более того, в случае, если

⁵⁹ Там же, стр. 689.

⁶⁰ О деятельности Аблая см.: Н. Г. Аполлова. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII — начале XIX в., стр. 414—425.

скот Младшего жуза попадал на правую сторону Яика, он уже казахам не возвращался. Хан указывал, что это является одной из причин откочевки казахов, «хотя желал из году в год к здешним (российским.— В. Б.) границам приближаться», а также поводом того, из-за чего «и проезд купцам заперся»⁶¹.

В своих письмах Нуралы ставил в известность российские власти о том, что, как и представители Старшего и Среднего жузов, он в 1761 г. направил к богдыхану своих послов, которые потом сообщили ему о предложениях цинов наладить связи с Младшим жузом «и могущей быть из того для него пользе». Нуралы, однако, указал, что, «несмотря на такие ласкательства, никогда учиненную е. и. в. присягу верности не нарушит, а будет по возможности услуги свои оказывать»⁶².

На эти письма Нуралы последовал ответ вице-канцлера князя А. М. Голицына, в котором внимание хана акцентировалось на то, что Российская империя как была до присоединения Казахстана «в свете знатною, так и после вступления в ее подданство киргис-кайсака никакого ее приращения и умножения в ее силах от того не зделалось»⁶³. Вице-канцлер напоминал ему, что с присоединением к России казахи «начинаются почитаемы быть, возымев способ от того самого безопаснее обращаться и снабдить себя множеством скота»⁶⁴. Что касается цинов, то вице-канцлер подчеркнул: «Азия хотя б вся возмутилась, довольно всегда способов найдется... к сопротивлению всяких от тамошних народов на здешнее великое государство преднамеряемых неприятей»⁶⁵.

А. М. Голицын писал, что не сомневается в верности хана Нуралы российскому престолу. Нуралы должен держаться «той стороны, к которой... пристал», — в этом гарантия безопасности. Обращают на себя внимание следующие слова из ответа вице-канцлера: «Ина-

---

⁶¹ «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.», стр. 670. Именно в это время участились нападения на купеческие караваны в Младшем жузе. Только летом 1764 г. было ограблено два каравана.

⁶² «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.», стр. 670.

⁶³ Там же, стр. 671—674.

⁶⁴ Там же, стр. 671.

⁶⁵ Там же.

ко, угождая оной излишно чужой еще для него стороне, для того только, чтоб другую, при которой давно находился, утратить и тем домогшись от нея прихотливых своих требований, напоследок может обе привести в негодование и к собственному своему вреду раздражить. Двоемыслие нигде не похваляется»⁶⁵.

В ответе А. М. Голицына указывалось, что дети Нуралы, находящиеся в России в качестве аманатов, «обучаются всякому благонравию». Нуралы же, «подтверждая наипаче... верность, доставляет и им способ видеть и к себе собственно еще с младенческих лет высочайшую е. и. в. милость»⁶⁷.

Касаясь вопроса «об умножении время от времени достоинств» Нуралы, вице-канцлер указал, что хан не имеет на это морального права, так как «многие из находящегося под его ведомством народа в крайнем разврате находятся, который и мог бы потому по своей легкомысленности возомнить, будто и он, их хан, по необходимости только нужде ласкается»⁶⁸.

По поводу возвращения пленных казахов вице-канцлер сообщал, что из российского плена не возвращаются лишь те казахи, которые принимают христианскую веру. Он еще раз напомнил о запрещении казахам кочевать на Янке, настойчиво рекомендовал для этого район реки Эмбы. Нуралы вновь предлагалась помощь в строительстве ему жилых домов, «а для лучшего его скота крытые сараи»⁶⁹.

Отвечая на претензии Нуралы по поводу пропуска казахского скота на внутреннюю сторону Иртыша, вице-канцлер объяснил, что это — не постоянная привилегия казахов, находящихся в этом районе, а вынужденный шаг, связанный с тяжелыми погодными условиями того края. Он напоминал Нуралы, что в период джутов и его улусам разрешалось переходить на правую сторону Янка.

А. М. Голицын выражал надежды на то, что в конечном итоге Нуралы примет меры к беспрепятственному прохождению торговых караванов и что в этом ему окажут содействие его же подданные, «ибо невозможно

---

⁶⁵ Там же.

⁶⁷ Там же, стр. 672.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же, стр. 673.

подумать, чтоб в целом народе больше было бездельников, нежели добрых людей»⁷⁰.

Как видно из письма, царское правительство не предствляло себе иного курса в Казахстане, чем курс на упорочение своих позиций в этом районе, который все больше превращался в важный форпост Российской империи для осуществления ее политики в Азии. Раз и навсегда избрав для себя указанный путь, царские власти всячески пресекали любые проявления, которые могли бы вызвать неудовольствие казахских владетелей, и в то же время укрепляли здесь свой военный потенциал.

В этом отношении наиболее интересным представляется рескрипт Коллегии иностранных дел оренбургскому губернатору князю Путятину от 17 ноября 1766 г. по поводу жалоб хана Нуралы и султана Айчувака на действия российских воинских команд.

Прежде всего Коллегия обращала внимание Путятинана на произвол воинских команд по отношению к казахам. Губернатор ориентировался на то, чтобы «поступаемо было с некоторою большею против нынешнего разборчивостию и напрасно... киргис-кайсаки не приводимы были в разврат, кои не все в противном находятся»⁷¹. А чтобы как-то сгладить неприятное впечатление, которое создалось у казахов в связи с необоснованными репрессиями против них, Коллегии ничего не оставалось, как обстоятельно разъяснить хану Нуралы и султану Айчуваку, «что сами киргис-кайсаки причиною были употребленными против их по крайней нужде и необходимости строгим мерам»⁷².

Вместе с тем Путятину было дано указание установить, сколько нужно воинских формирований для того, чтобы усмирить казахов «оружием и привести к нашей стороне в почтение так, как они напредь сего боялись зюнгорцев, а ныне» цинов, «и не надобно ли где приготовить для подкрепления регулярную команду и с которой стороны их (казахов.— В. Б.) атаковать». В то же время Путятин должен был решить вопрос о возмож-

---

⁷⁰ Там же, стр. 674.

⁷¹ Там же, стр. 673.

⁷² Там же.

ности «обойтись и без башкирцов, яко их (казахов.— В. Б.) одноверцов, дабы они прежде их не уведомили»⁷³.

Тем временем в 1771 г. в Туркестане в мечети Ходжи Ахмета Ясави по казахскому обычаю «ханы и султаны купно» избрали Аблая ханом Среднего жуза⁷⁴. В действительности же его власть распространялась кроме Среднего жуза в значительной степени на Младший и Старший жузы⁷⁵.

По свидетельству Ч. Валиханова, Аблай после избрания его ханом «не хотел ехать на русскую границу для принятия присяги, говоря, что... он утвержден в своем достоинстве народным собранием...»⁷⁶. В то же время Аблай признавал, что без утверждения императрицей в ханском знании он этим титулом не сможет «именоваться»⁷⁷. Имея в виду, что утверждение в Петербурге даст ему возможность добиваться получения российских войск для упрочения своего положения, по поводу чего Аблай неоднократно обращался к царскому правительству⁷⁸, он через своего сына султана Тугума и сопровождавших его старшин 28 февраля 1778 г. просил Екатерину II утвердить его ханом. 24 мая того же года последовал указ императрицы об утверждении Аблая ханом Среднего жуза, в знак чего ему выдали «саблю с надписью, шубу соболью и шапку черной лилицы»⁷⁹. Через год распоряжением вице-канцлера М. Л. Воронцова «и по назначению Иностранной коллегии» Аблаю было определено ежегодное жалованье в сумме 300 рублей и 200 пудов муки. К тому же для него был построен деревянный дом «близ реки Ишима в го-

⁷³ Там же.

⁷⁴ АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1778, д. 1, л. 43.

⁷⁵ «Казахско-русские отношения в XVIII—XIX вв.» (1771—1867 гг.). Сборник документов и материалов. Алма-Ата, 1964, стр. 100.

⁷⁶ Ч. Ч. Валиханов. Собр. соч., т. I, стр. 428—429.

⁷⁷ АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1778, д. 1, л. 43.

⁷⁸ Там же, л. 248. В начале сентября 1771 г. Аблай обратился со следующим посланием к И. А. Рейнсдорфу: «Прошу, если можно, то 1000 или 500, а по последней мере 300 человек для воздержания Средней орды злодействующих киргис-кайсаков ко мне прислать». Рейнсдорф, однако, отказал ему в этой просьбе. См.: Н. Г. Аполлова. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII — начале XIX в. М., 1960, стр. 422.

⁷⁹ АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1778, д. 1, лл. 90, 93—94 об.

рах Енгистау»⁸⁰. Тем временем все делалось для того, «чтобы не возбудить в киргизах мысли о возможности быть ханом помимо» воли царского правительства⁸¹.

Это, однако, не дает основания считать, что Аблай легко шел на упрочение российского влияния. Уже одно то, что он, приняв титул хана, обратился к императрице с прошением об утверждении его в этом звании лишь в 1778 г., то есть семь лет спустя, свидетельствует об обратном. К тому же, будучи уже утвержденным в Петербурге в ханском достоинстве, Аблай категорически отказывался от принесения присяги в Петропавловске и принятия подарков от царского правительства⁸². Немаловажным является и то, что он, не желая «поставить себя в зависимость от русского правительства..., обострять взаимоотношений ни с ханом Абулмамбетом, ни со старшинами»⁸³, еще в 1759 г. отказался от заманчивого предложения царского правительства принять ханский титул.

Все это объясняется весьма сложной и напряженной обстановкой, в которой проходила деятельность Аблая. По характеристике Уфимского и Сибирского наместника И. Якоби, хотя Аблай и был «горд, взмерчив, упрям и непостоянен»⁸⁴, он являлся достаточно умным политиком и государственным деятелем того времени. Прекрасно понимая, что не только Средний жуз, но и весь Казахстан в условиях феодальной раздробленности и постоянных усобиц не в состоянии противостоять внешней опасности, Аблай лавировал между Россией и Цинской империей, систематически направлял в Петербург и Пекин посольства для выяснения их военно-экономического потенциала, чтобы потом решить вопрос о линии поведения.

Что же касается направления казахских посольств к богдыхану, то все источники свидетельствуют о том, что ни перед одним из них не ставилась задача приня-

---

⁸⁰ ЦГИА СССР, ф. 1264, оп. 1, 1819—1820, д. 54, л. 12.

⁸¹ Ч. Ч. Валиханов. Собр. соч., т. I, стр. 429.

⁸² См.: «Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках», стр. 96, 99.

⁸³ Н. Г. Аполлова. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII — начале XIX вв., стр. 416.

⁸⁴ «Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках», стр. 106.

тия цинского подданства. Не вызывает сомнений, что дипломатические связи Аблая с цинами осуществлялись для того, чтобы, во-первых, с их помощью в какой-то степени предотвратить нападение со стороны Цинской империи — сильного и коварного противника («чтоб посланцами их... ласкать, нежели в раздражение приводить») ⁸⁵ и, во-вторых, получать богатые подарки. Цинам также было выгодно задаривать Аблая, чтобы не допустить его сближения с коренным населением Синьцзяна, которое разворачивало национально-освободительную борьбу против маньчжурских завоевателей ⁸⁶. К тому же в случае развития событий не в пользу Аблая последний был убежден, что получит поддержку со стороны российской администрации.

В то же время Аблай отдавал себе отчет в том, что покровительство России или Цинской империи будет сковывать его деятельность в степи. Поэтому он прибегал к тактике лавирования между этими двумя державами, что в какой-то степени помогало ему проводить относительно самостоятельную политику. Именно эта политика, как совершенно правильно констатирует Ч. Валиханов, способствовала тому, что «ни один киргизский хан не имел такой неограниченной власти, как Аблай» ⁸⁷. Но при всех колебаниях и лавировании Аблай постоянно подчеркивал: «От давного уже времени... к высочайшему ее императорскому величеству двору по-прежнему нахожусь в должном моем послушании» ⁸⁸. Это же подтверждает и его сын султан Вали: Аблай «был российской стороне верен» ⁸⁹. Однако двойственная внешняя политика Аблая «осложняла внешнюю политику России на Востоке, ее взаимоотношения с Цинской империей» ⁹⁰.

⁸⁵ АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1762—1775, кн. 14, л. 247 об.

⁸⁶ Именно в это время население Кашгарии («кашкарцы и калчанцы»), у которого цины заняли значительную территорию и уничтожили много жителей, восстало против захватчиков. Цины опасались возможного союза между казахами, находившимися под российским протекторатом, и населением Синьцзяна (АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1762—1775, кн. 14, л. 248).

⁸⁷ Ч. Ч. Валиханов. Собр. соч., т. I, стр. 430.

⁸⁸ АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1779—1780, д. 1, л. 252.

⁸⁹ Там же, 1781—1784, д. 2, л. 283.

⁹⁰ Н. Г. Аполлова. Экономические и политические связи..., стр. 425.

Аблай скончался в Ташкенте в мае 1781 г. на 69-м году жизни «от приключившейся ему болезни», оставив после себя тридцать сыновей, которые устами старшего брата султана Вали и от имени старшин в августе 1781 г. в своем прошении Екатерине II изъявили «желание быть всегда на таком же основании, как и при времени реченного Аблай-хана высочайшему е. и. в. двору со всякою верностью» служить⁹¹. В этом же прошении Вали ходатайствовал об утверждении его в ханском звании. Прощение доставили в Петербург специальные посланники: младший сын Аблая султан Ишим, Тюляк-мурза, Шаукала, Бийтука, Тляукабул, Мурзатай, Кайлыбай, Тюкус с сопровождавшими их лицами.

Не желая оставлять казахский народ «в безначальстве, дабы от онаго не могло родиться неприятных вредных последствий и разорению его», императрица в ответной грамоте от 23 августа 1781 г. «всемиловитейше» разрешила «солтанам, старшинам и всему народу избрать по обыкновению достойного и нашему и. в. благонамеренного хана, который бы добрым своим и благоразумным поведением мог в киргис-кайсацком народе сохранить тишину и благоустройство, следовательно же и сподобятся вяще монаршей нашей милости благословения»⁹². Следовательно, правительство оставалось на прежней точке зрения о необходимости утверждения в степи такого хана, который бы безропотно выполнял любые распоряжения царской администрации.

Во исполнение рескрипта от 23 августа 1781 г. уфимский и симбирский наместник И. Якоби направил в Средний жуз посольство во главе с директором Троицкой пограничной таможни Чучаловым для объявления «благословения» императрицы об избрании нового хана с последующим его утверждением в Петербурге. Выбор пал на султана Вали, кочевье которого в это время находилось в 260 километрах от Петропавловской крепости. Посольство Чучалова было тепло и с должными почестями принято султаном Вали в его ставке.

---

⁹¹ АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1779—1780, д. 1, лл. 41 и об.

⁹² «Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках», стр. 104.

Возведение Вали в ханы производилось в присутствии посольства Чучалова. В процедуре избрания Вали, которую образно описал Чучалов, принимало участие до пяти тысяч казахов⁹³.

После возведения в ханы Вали направил в Петербург специальное посольство в составе десяти человек во главе со своим братом султаном Ишимом. В задачу посольства входило ведение переговоров по вопросам уточнения сложившихся отношений между Россией и Казахстаном, которые к этому времени складывались не совсем благоприятно для обеих сторон. Это выражалось в продолжении столкновений в районах пограничных линий. У казахского народа еще не изгладилось из памяти его участие в крестьянской войне под предводительством Е. И. Пугачева⁹⁴. Назревало национально-освободительное восстание под руководством Срыма Датова, по существу явившееся продолжением той борьбы, которую начали казахи в отрядах Пугачева.

Не случайно Екатерина II 3 июля 1783 г. направила по этому поводу новому уфимскому и симбирскому наместнику А. Апухтину предписание, в котором требовала «всемерного старания... удовлетворения и о пресечении всех подобных шалостей со стороны их (казахов.— В. Б.)», констатируя при этом, однако, что нападения казахов не могли быть «без какого-либо повода на границах...» Вместе с тем императрица настоятельно

---

⁹³ «В день пятнишней вышли они, солтаны, старшпы и киргис-кайсаки на степное пространное место, — сообщает он, — где... исполня национальный свой древний обычай, по прочтении... молитв... тотчас воздвигнули его, Вали-солтана, на белой кошме вверх и потом, опустя вниз, бывшую на нем одежду, кроме рубашки, сняли для памяти того знаменитого происшествия, верхнюю взяли себе солтаны, а нижнюю, раздробя на мелкие части, разобрали старшины и киргисцы, вместо которой облекли его. Валия, в новую, ханскому достоинству приличную, нарочно для того приготовленную. Итак, посадя его на коня, при общем радостном восклицании отвезли в убрannую для него особливо кибитку и, во оной посади, приносили ему поздравления, для чего и продолжили торжества свои семь дней...». См.: АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1781—1784, д. 2, л. 377.

⁹⁴ Об участии казахов в крестьянской войне под предводительством Е. И. Пугачева см.: А. Нусупбеков. Крестьянская война под предводительством Е. И. Пугачева и участие в ней трудящихся казахов (1773—1775 гг.). В кн.: «История Казахской ССР», т. I. Алма-Ата, 1957; Н. Е. Бекмаханова. Легенда о Невидимке. Алма-Ата, 1968.

рекомендовала усилить репрессии против казахов, нападающих на российские крепости, шире использовать аманатов в качестве посредников между российской администрацией и казахскими владельцами для возвращения «всего взятого, о непокушении на такие шалости, предъявляя, что спокойное их пребывание зависеть будет от поведения их одноземцев»⁹⁵. Следовательно, царское правительство продолжало курс на использование силы с целью пресечения сопротивления, отнюдь не отказываясь от тактики мирного урегулирования спорных вопросов путем расширения торговых и дипломатических контактов, тем более, что этого добивались и казахские владельцы. Достаточно привести в связи с этим высказывание батыра Срыма Датова из его письма барону О. А. Игельструму о желательности, «чтоб сей степной и легкомысленный народ в повиновение привести ласкательством политично под разными пре-текстами» (выделено нами. — В. Б.)⁹⁶.

Правительство имело непосредственные контакты с ханом Вали, в которых главное место занимали предписания «истреблять непотребных воров и разбойников»⁹⁷. В свою очередь Вали неоднократно обращался к императрице с заверениями верно служить престолу, обещаниями «с истреблением... злодейств», ведения всех дел «советом генерал-порутчика Якобия и генерала Огарева». «Пока жив буду,— писал Вали в одном из своих писем Екатерине II, полученном в Петербурге 25 октября 1784 г.,— продолжу мое Вашему величеству служение, сколько моих сил достанет»⁹⁸.

В этой связи укажем на необоснованность утверждения автора XIII главы «Истории Казахской ССР» (т. I) об ориентации хана «Вали на Цинскую империю»⁹⁹, ибо это идет вразрез с исторической действительностью. Как это видно из настоящего исследования, факты говорят совершенно об обратном. Главную ставку хан Вали делал на Россию. Это подтверждается не только его словами, но и делами.

⁹⁵ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 368, л. 55.

⁹⁶ Там же, д. 1367, л. 131.

⁹⁷ АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1781—1784, д. 2, л. 102.

⁹⁸ См.: АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1794, д. 1, лл. 54—55, 60—63.

⁹⁹ «История Казахской ССР», т. I. Алма-Ата, 1957, стр. 303,

Неимоверно усердствуя в выполнении своих клятвенных обещаний в отношении России, Вали-хан, однако, проявлял жестокость и произвол в отношении своих подданных. Именно в период правления Вали усилились феодальные усобицы, взаимная барымта — неимоверный бич казахского народа, взяточничество, поборы, причем все это поощрялось ханом, да и сам он отличался особым корыстолюбием, взяточничеством, пособничеством беспорядкам в степи. Это привело его в первые же годы правления к потере авторитета среди своих соплеменников. В архивах сохранилось множество жалоб на Вали по поводу его произвола. В особенности обращает на себя внимание жалоба от 27 декабря 1794 г. двух султанов и одиннадцати старшин Атагайской, Куйлы-Атагайской, Кочубе-Кирейской, Сибан-Кирейской, Атагай-Хутайберды Баймаметовской, Бибасанской, Кенжигалинской, Курлеут-Кипчакской, Балтаки-Кирейской и Уваковской волостей Среднего жуза от имени 122 960 подвластных им казахов императрице Екатерине II на хана Вали¹⁰⁰. Обращая внимание императрицы на произвол Вали, они просили оградить их от ханской жестокости и принять «с подвластными киргисцами и имуществом в вечное российское подданство и... позволить житье... иметь на прежних в степи кочевьях»¹⁰¹, и обещали повиноваться лишь единому российскому правлению.

Об этом же говорит и рапорт командующего Сибирским корпусом генерал-поручика Штрэндмана на имя графа П. А. Зубова от 1 февраля 1795 г. по поводу жалоб старшин Среднего жуза на хана Вали¹⁰². Он доносил о том, что с наступлением каждой весны и осени в степи возобновляются «разбойничества и грабежи», которые не только поощряются ханом, но и сам хан, и его приближенные принимают участие в них. Штрэндман предлагал использовать жалобы представителей казахской феодальной верхушки в качестве удобного предлога для включения «без малейшего насилия новой богатой стороны», что приблизило бы российские границы к ташкентским, бухарским и другим близлежащим зем-

---

¹⁰⁰ АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1794, д. 1, л. 54 об.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Там же.

лям. Этим, по мнению Штрэндмана, были бы созданы благоприятные условия для беспрепятственного продвижения торговых караванов и прекращения усобиц в степи. К тому же, как указывается в рапорте Штрэндмана, при этом будут созданы условия для приобщения кочевников к оседлой жизни, а следовательно, и к занятую земледелием, что разгрузило бы торговые караваны от необходимости привозить в степь муку и увеличило бы приток в Россию скотоводческой продукции ввиду прекращения барымты¹⁰³. Наконец, серьезным положительным последствием фактического включения огромного края в состав России, по мнению Штрэндмана, явилось бы прекращение столкновений в районе пограничных линий.

Кстати сказать, в 80—90-х годах XVIII в. появился

---

¹⁰³ В упомянутом рапорте Штрэндмана имеется любопытное место, касающееся губительных последствий барымты, которое уместно здесь привести: «По причине бесконечных барантов, на которых съезжаются иногда более двух или трех тысяч, и когда успех предприятия их последует, то они поспешно гонят похищенный ими скот, оставляя на пути знатную часть добычи, не могущую следовать стремительности похитителей. Пригнавши же остальной скот к своим улусам, делают великолепные праздники, истребляя для пиршеств непомерное количество похищенного скота. Сверх же сего, таковой скот, обессилен будучи перегоном, получает разные болезни и заражает здоровый, бывший на месте, так что нередко получается, что весь скот в непродолжительном времени издыхает» (см.: АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1795, д. 1, л. 58).

Приведем еще одно заслуживающее внимание описание барымты, взятое из журнала чиновников колыванских заводов Поспелова и Бурнашева, составленного во время их пребывания в Казахстане в 1802 г.: «Введенный в обыкновение грабеж под названием барымты для них самый разорительнейший: одно волость пользуется слабостью другой и вооруженной рукой отнимает скот или имущество. Таковыми поступками, будучи одни другим опасными, взаимно себя истощают. Султаны и другие власти их не только не имеют попечения, чтобы благоразумным внушением злое отвратить, но и сами принимают главнейшее участие. Мнение их в том не может быть иначе удовлетворяться, как подобным грабежом, каковой они между собой всегда считают долгом, не имеющим ни числа, ни времени. А как грабежи сии бывают частые и скопляются для сего большими партиями, почему приезжающие всегда находятся в опасности, дабы не попасть в добычу грабителей; иногда целые караваны купцов не могут сего избежать, ибо совокупные силы не одной воровской партии, но всей волости превосходят могущество тех, которые бы решились себя защищать» (см.: АВПР, ф. Главный архив II-33, д. 8, л. 2120).

ряд проектов окончательного упрочения влияния России в Казахской степи. Прежде всего укажем, в связи с этим, на проект Г. А. Потемкина-Таврического, который предусматривал меры, «коими бы от времени до времени истребляя все препятствия, от образа жизни их и сродной оному строптивости происходящие, не только укротить их в буйном расположении, но и обратить, наконец, на существенную пользу России»¹⁰⁴. Он имел в виду, в частности, принять меры к переводу казахов на оседлый образ жизни, причем начать надо было со Среднего жуза, в котором к концу XVIII в. проживало до 1 млн. человек, а скота было больше, чем в Младшем и Старшем жузах, вместе взятых¹⁰⁵. Это, по мнению автора проекта, способствовало бы переводу на оседлость самой большей части казахской степи, что, в свою очередь, помогло бы усилению контактов между Россией и Старшим жузом через Средний; это же создало бы благоприятные условия для организации русско-индийской торговли, отказавшись от услуг посредников.

В этом отношении заслуживает внимания и рапорт генерал-майора Я. Боувера Екатерине II о положении дел в Среднем жузе. Я. Боувер указывает шесть особенностей, характерных для Среднего жуза того времени: 1) отсутствие малейшего авторитета казахских владельцев у своего народа, 2) нарушение кочевого цикла для скота, лошадей и баранов в результате создания ряда пограничных линий, что вело к частым стычкам между различными родами за места для зимовок, ведущим к угону скота, 3) сильные потери скота от джутов, 4) частая гибель людей от различных заболеваний, в особенности оспы, 5) незнание казахами русского языка, в результате чего их часто обманывали переводчики во время торговых операций, 6) злоупотребления приказчиков, которые во время сопровождения торговых караванов присваивали товары купцов, складывая затем вину на казахов, придумывая различные ограбления, которым якобы подвергся торговый караван в казахской степи, что вело к ненужным следствиям и преследованиям ни в чем неповинных казахов.

---

¹⁰⁴ АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1795, д. 2, л. 36.

¹⁰⁵ Там же, лл. 37 и об.

Боувер считал необходимым создание (с согласия хана Вали) совета старшин, состоящего из двух органов (судов): первый (главный) на линии крепости Святого Петра, окончательно решающий все вопросы, и второй — при хане Вали, с соответствующим числом депутатов, который должен был заниматься расследованием дел в казахской степи с последующим их утверждением в главном суде. Соответственно предлагалось создание «словесных судов» в больших казахских волостях.

Боувер предлагал на протяжении всей линии от г. Верхнеуральска до крепости Усть-Каменогорской указать точные места кочевков для каждого султана и его аулов, а российским властям строго соблюдать их распределение; каждому султану, бию, старшине построить хутор и загоны для скота, приучить казахов к сенокосению, в волостях открыть мечети, в которые назначить мулл из российских татар, возложив на них обязанности кроме отправления молитв обучать детей грамоте; при крепости Святого Петра создать школу для обучения казахских юношей «русской и татарской грамоте». Ставилась задача разделения каждой крупной волости на части со своими начальниками, которые должны были обо всех событиях в степи доносить волостному начальнику. «Чрез сие,— указывает Я. Боувер,— сохранится к начальству повиновение, а в народе спокойствие»¹⁰⁶, а это, в свою очередь, создаст условия для упрочения отношений со Старшим жузом, «дикокаменными киргисцами, ташкентцами, коканцами, кошкарцами даже до Индии».

Для обеспечения безопасности, ограждения крепостей и торговых караванов от нападений предлагалось содержать аманатов от всех влиятельных казахских старшин в крепости Святого Петра и во всех волостных центрах, через которые будут проходить торговые караваны.

Упомянутые проекты российских высокопоставленных сановников представляют собой значительный научный интерес в связи с тем, что впоследствии они легли в основу известных реформ в казахской степи в первые десятилетия XIX в. Кроме того, они являются

---

¹⁰⁶ АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1795, д. 2, л. 39.

весьма ценным и веским доказательством того, что Россия еще не имела реальной власти в казахской степи в XVIII в. Казахские жузы жили по своим законам и обычаям, хотя юридически входили в состав России.

Между тем, российское правительство принимало меры к реализации некоторых предложений, выдвинутых в ряде проектов. Так, например, 23 июля 1798 г. император Павел I подписал указ об отводе земель казахам Среднего жуза, переходящим в российское подданство. Казахам, потомкам хана Аблая, разрешалось кочевание между Омской и Семипалатинской крепостями на правом берегу Иртыша¹⁰⁷. Были приняты меры к открытию кое-где медресе для обучения казахских детей.

Таким образом, царское правительство предпринимало активные шаги для упрочения своих позиций в казахской степи.

Наступал новый, XIX в., несший казахскому народу, с одной стороны, усиление колониального гнета, с другой — прозрение, приобщение к передовой культуре, революционному движению, сплочению его угнетенных масс с демократическими силами России.

---

¹⁰⁷ ЦГИА СССР, ф. 1264, оп. 1, д. 59, лл. 27 и об.

КАЗАХСТАН В СИСТЕМЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

1. О сущности и формах взаимоотношений России и Казахстана

Как уже отмечалось, в литературе существует мнение о российском подданстве Младшего, Среднего и Старшего жузов, которое они приняли соответственно в 1731, 1740 и 1847 гг. Однако анализ архивных документов и других материалов свидетельствует о том, что процесс присоединения Казахстана к России изобилует разнообразными формами международно-правовых отношений, сочетающихся со многими признаками протектората и вассалитета. Широко употребляемый термин о подданстве казахов, на наш взгляд, правомерен лишь на завершающем этапе присоединения Казахстана к России. В этой связи нам представляется необходимым хотя бы в общих чертах выяснить сущность и формы взаимоотношений России и Казахстана, имеющих научно-историческое и теоретическое значение для правильного понимания политики царизма в Казахстане и эволюции здесь политического строя с самого начала присоединения его к России.

Хотя включение Младшего и Среднего жузов в состав России юридически принято считать соответственно с 1731 и 1740 гг., фактически же до 1782 г. сношения с ними осуществлялись Коллегией иностранных дел наравне с другими странами. Представители казахской степи в Москве и Петербурге назывались «посланниками» и «послами». Тем самым правительство России признавало, что Казахстан еще не является частью Российской империи. Лишь в 1782 г. все дела, касаю-

щиеся казахских ханств, были переданы в ведение генерал-прокурора, а посланники стали называться «депутатами», как и все губернские представители России. Однако ввиду того, что влияние царизма долгое время распространялось лишь на роды, кочующие близ пограничных крепостей, вопросы, касающиеся казахских ханств «по политической части и по соседству и связи их с прочими пограничными империи всероссийской»¹, то есть внешнеполитические вопросы, оставались в ведении Коллегии иностранных дел. Что же касается Старшего жуза, то с ним политические сношения велись вплоть до 1847 г., то есть до его юридического присоединения к России².

В 1730 г. Абулхаир в письме на имя Анны Иоанновны писал: «...мы, Абулхаир-хан с подвластным мне многочисленным казахским народом Среднего и Младшего жузов, все преклоняемся перед Вами, являемся слугами и все вместе с простым народом желаем Вашего покровительства» (выделено нами.— В. Б.)³. Несмотря на то, что в данном документе речь идет о покровительстве России, составители сборника документов «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.» назвали его «Письмо хана Младшего жуза Абулхаира Анне Иоанновне с просьбой принять его с подвластными ему людьми в российское подданство»⁴.

В ряде документов, исходящих от казахских владельцев на имя Анны Иоанновны и от имени императрицы в казахские ханства, встречаются слова «подданство», но они употребляются в значении «протекторат», «вассалитет». Взять хотя бы документы № 26, 27, 29, опубликованные в упомянутом сборнике. В них говорится, с одной стороны, о том, что Абулхаир с его под-

¹ АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1793, д. 6^н, л. 33; «Красный архив», 1936, т. 5 (78), стр. 209.

² Под территорией Казахстана подразумеваются нынешние его границы. Разумеется, царизм создавал линии, крепости, редуты, маяки, которые впоследствии послужили операционным базисом для дальнейшего наступательного движения царизма в Среднюю Азию. Однако в XVIII в. российские границы не продвинулись южнее Уйской и Новошешимской (Оренбургско-Сибирской) линий.

³ АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, оп. 122/1, 1730—1731, д. 6^н, 45: «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.», стр. 35.

⁴ «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.», стр. 35.

данными обязуется «верно и справедливо» служить императрице, являться с вооруженными отрядами в распоряжение российских военачальников, не производить набегов на яицких казаков, башкир, калмыков и других подданных России, охранять торговые караваны, движущиеся по казахской степи, возвращать всех российских пленных. С другой стороны, императрица на указанных условиях 19 февраля 1731 г. подписала грамоту, в соответствии с которой «великая государыня... тебя, киргис-кайсацкого Абулхаир-хана, старшину и все киргис-кайсацкое войско пожаловали, повелели, по прошению вашему, принять вас в подданство на вышеизображенных требуемых... пунктах, и потому надлежит... хану и всему войску кайсацкому содержать себя всегда в постоянной верности к нашему императорскому величеству и к нашим наследникам»⁵. Далее в грамоте перечисляются вышеупомянутые условия, которые должны выполнять казахские владетели, в частности, Абулхаир и феодальная верхушка. Чтобы гарантировать выполнение этих условий, у казахских владетелей, как мы уже показали, брали аманатов (заложников).

После подписания указа императрицы от 19 февраля 1731 г. о подданстве казахов казахские ханства превратились в вассальные, зависимые от более сильного государства — России (сюзерена-покровителя), которое должно было оказывать последнему военную помощь. История Казахстана XVIII в. служит подтверждением этого.

Прежде всего царское правительство сосредоточило в своих руках все внешнеполитические дела казахской степи, и в этом в значительной мере проявилась роль России как сюзерена-покровителя. Те же связи, которые осуществлялись владетелями с сопредельными странами, должны были во всяком случае санкционироваться российскими властями. В связи с этим укажем, что в период возникновения реальной опасности для Казахстана со стороны Джунгарии и Персии в начале 40-х годов XVIII в. Россия, как мы уже видели, полностью взяла в свои руки решение об урегулировании его положения и тем самым спасла от вторжения войск Надира и дальнейшего продвижения Джунгарии.

---

⁵ Там же, стр. 40.

Именно в это время проявилась вассальная зависимость хана Абулхаира, что, в частности, убедительно показывает М. П. Вяткин⁶. Об усилении вассальной зависимости Казахстана от России и перерастании ее в колониальную в конце XVIII — начале XIX в. говорит Н. Е. Бекмаханова⁷. На вассальную зависимость казахов и российский протекторат прозрачно намекают такие знатоки истории казахского народа, как А. П. Чулошников⁸ и Н. Г. Аполлова⁹.

Если отпадают многие признаки подданства, то может быть казахи были российскими данниками, что тоже является неотъемлемым атрибутом подданства? Разумеется, ведя переговоры о включении Казахстана в состав России, царское правительство имело в виду и получение дани, и в этом ее надежды в какой-то мере оправдались. Во всяком случае ясак обещали платить Абулхаир, хан Среднего жуза Самеке и другие казахские владетели. И конечно же, ясак должны были платить не они, ханы и султаны, а «простой народ», казахские шаруа, о чем говорится в письме ханши Пупай Анне Иоанновне в 1731 г. Следует, однако, заметить, что ясак скорее носил символический характер, ибо в экономическом отношении он никак не влиял на казахов Младшего и Среднего жузов, ясак от которых колебался от 1000 до 3000 лисьих и корсачьих шкурок в год. Как сообщает И. Болтин, «хотя казахи и называются подданными России и в поручательстве верности своя от себя дают аманатов, но податей не платят (выделено нами. — В. Б.), служб и повинностей никаких не отправляют, управляются своими обычаями и начальниками и в деяниях никому отчету не дают...»¹⁰. Как уже отмечалось, исследователи А. И. Макшеев,

---

⁶ М. П. Вяткин. К истории распада казахского союза, стр. 1.

⁷ Н. Е. Бекмаханова. Царское правительство и институт султаната Среднего жуза в XIX в. «Известия АН КазССР. Серия общественная», 1968, № 2, стр. 35.

⁸ А. П. Чулошников. Очерки по истории казак-киргизского народа..., стр. 157; Его же. К истории феодальных отношений в Казахстане в XVII—XVIII вв., стр. 514.

⁹ Н. Г. Аполлова. Присоединение Казахстана к России, стр. 135.

¹⁰ И. Болтин. Примечание к истории древняя и нынешняя России г. Леклерка, т. I. СПб., 1788, стр. 7.

М. Красовский и другие считают, что, несмотря на присоединение Казахстана к Российской империи, казахи по-прежнему оставались «независимы, не платили податей и не несли никаких обязанностей в отношении России»¹¹. Этой же точки зрения придерживается и Н. Г. Аполлова, которая, рассматривая вопрос о сборе Абулхаиром ясака со своих подданных в пользу России, указывает, что «фактически ясак так и не выплачивался»¹². Следовательно, и этот признак не может служить доказательством подданства.

Подданство казахов предусматривает дальнейшее присоединение их территорий к России. Но были ли расширены владения Российской империи за счет Казахстана сразу же с принятием присяги на верность России казахской верхушкой? Говорить о каких-то значительных территориальных приобретениях царской России за счет казахских ханств в этот период не приходится. Все официальные документы и карты России свидетельствуют, что ее границы с казахской степью в XVIII в., несмотря на строительство линий и крепостей, проходили по рекам Урал, Миас, на Курган, к Омску, отсюда по Иртышу, потом по предгорьям Алтая, южнее Бийска и далее.

Оренбургский военный губернатор Г. Волконский в своем обращении к казахскому народу от 10 мая 1805 г. в связи с усилением волнений казахов Младшего жуза, говоря о границах, отделяющих Россию от казахской степи, и приглашая казахов в Оренбург для торговли, писал: «Но чтобы обезопасить проход киргиз со скотом к границам нашим (выделено нами. — В. Б.), рекомендую всем родоначальникам внушить подчиненным их, чтобы ни под каким видом не осмеливались нападать на идущие стада к меновому двору...»¹³.

Источники свидетельствуют, что на ярмарках в Оренбурге, Орске, Тобольске и других российских городах с казахских купцов, так же как и с купцов среднеазиатских ханств и других восточных государств, бралась пошлина за ввозимые товары, хотя и предпочти-

¹¹ А. Макшеев. Исторический обзор Туркестана и наступательного движения на него русских. СПб., 1890, стр. 103.

¹² Н. Г. Аполлова. Присоединение Казахстана к России, стр. 62.

¹³ ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 20, л. 118.

тельная. Ряд документов, раскрывающих динамику русско-казахских торговых отношений, только одним своим названием свидетельствует о том, что официальные российские власти не считали Казахстан территорией своей империи. Так, например, документ, из которого следует, что в 1761 г. с казахских купцов в Оренбурге за продажу ими верблюдов взыскано пошлин 345 руб. 80 коп., озаглавлен: «Расчисление пошлин, следующих со скотом киргизцев в российские пределы»¹⁴.

Активизация царского правительства по подчинению казахских степей и присоединению их к России начинается с 1811 г., со времени включения в состав Оренбургской губернии территории между Уралом и Илеком и заселением «этих пространств русскими казаками»¹⁵. Фактически же начало этого процесса следует отнести ко времени ликвидации в Младшем и Среднем жузах ханской власти. В результате проведения ряда административных реформ, в особенности реформ 1822, 1824 и 1868 гг., в Казахстане были ликвидированы такие древние органы государственного управления, как ханская власть, народное собрание, ханский совет.

Как известно, Казахстан был разделен на ряд российских генерал-губернаторств и постепенно превратился в такую же провинцию Российской империи, как, скажем, Астраханская, Казанская и другие губернии. Что касается общих законов России, то они стали распространяться на казахов лишь после того, как Николай I 22 июня 1854 г. подписал соответствующий указ¹⁶. В XVIII в. царизм оградился от казахских ханств укрепленными линиями и крепостями и управлял ими через ханов, султанов и биев. Однако казахские ханы, даже такая выдающаяся личность, как Тауке-хан, не говоря уже о других, не имели реальной власти среди своих подданных. Причем чем дальше от ханской ставки находился улус, тем менее реальной была ее власть, «и ему (Тауке.— В. Б.)... больше ничего не оставалось, как только за такое худое дело крепко бранить и в стыд приводить... лишь на известном рас-

¹⁴ ЦГИА СССР, ф. 1374, оп. 2, д. 1823, л. 44.

¹⁵ А. П. Чулошников. К истории феодальных отношений в Казахстане..., стр. 542.

¹⁶ ЦГИА СССР, ф. 1265, оп. 2, д. 107, лл. 130—131.

стоянии»¹⁷. Об этом же весьма убедительно свидетельствует и хан Абулхаир, говоривший российскому послу Брянцеву в 1718 г.: «А которое де казачьего народа люди живут от него в близости (выделено нами.— В. Б.), и от тех де никакова воровста его царского пресветлого величества людям николи не будет». Этого, однако, он не мог сказать о тех казахах, «которые от него живут вдале» (выделено нами.— В. Б.), ограничиваясь общими фразами: «И велю стрещи, чтоб отнюдь воровать в Сибирские остроги не ездили»¹⁸.

О слабости ханской власти свидетельствуют и другие данные. Мы сошлемся на донесение А. Тевкелева и Рычкова в Коллегию иностранных дел от 19 мая 1757 г.: «Все киргис-кайсацкие владельцы над старшинами и народом почти никакой власти не имеют»¹⁹. Об этом же говорит Н. Г. Аполлова: «...ханская власть Абулхаира не распространялась на весь Младший жуз... Абулхаир не имел ни власти, ни авторитета...»²⁰.

К этому остается добавить, что ханская власть заметно ослабла в результате невиданной ранее в казахской степи «встряски и бури», вылившейся в участие казахов в крестьянской войне под предводительством Е. И. Пугачева, что в конечном счете подготовило почву для окончательной ликвидации ханской власти. Достаточно в связи с этим отметить, что в 1785 г. хан Младшего жуза Нуралы был отвергнут подавляющим большинством казахского народа.

Но если ханы не имели реальной власти в степи, то могли ли ее иметь в то время представители царской администрации? Разумеется, нет. Как указывал Ф. Энгельс в статье «Россия в Средней Азии», опубликованной 3 ноября 1858 г. в американской газете «Нью-Йоркская трибуна», еще до начала 30-х годов XIX в. «верховная власть России над тремя ордами или племенами киргизов оставалась чисто номинальной»²¹.

---

¹⁷ А. П. Чулошников. К истории феодальных отношений в Казахстане в XVII—XVIII вв., стр. 512.

¹⁸ «Памятники Сибирской истории XVIII века», кн. II. СПб., 1885, стр. 160.

¹⁹ АВПР, ф. Главный архив 1—9, д. 5, лл. 1334—1340.

²⁰ Н. Г. Аполлова. Присоединение Казахстана к России, стр. 143, 209, 235.

²¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XI, ч. I, стр. 364.

По образному высказыванию К. Маркса, казахи в то время не представляли еще «живую частицу государства» Российской. С. З. Зиманов сообщает, что к началу XIX в. «фактическое влияние царских правительственных органов в Казахстане распространялось лишь на пограничную полосу»²². Даже в середине XIX в. обстановка была такова, что чем глубже в степь, тем менее реальной была власть царской администрации. «Из оных (Младшего и Среднего жузов.— В. Б.) подданными российскими называют себя только роды, кочующие в северной части степей, за Уралом и Иртышом, и имеющие необходимую нужду в покровительстве пограничных начальников,— пишет А. Левшин.— Прочия, живя в отдалении, или не признают над собой никакой посторонней власти, или отдают себя под защиту соседственных владений»²³. В «Возражениях против замечаний Члена Государственного Совета Левшина по проекту «Положения об управлении в степных областях Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторств» говорится, в частности, о том, что в казахской степи, находившейся в ведении Сибирской и Оренбургской администраций, в течение многих десятков лет поддерживали казахских ханов. Россия, оградив свои границы непрерывной цепью крепостей и форпостов, держалась так называемой пограничной системы, не вмешиваясь во внутреннее их управление. «Невыгоды такого положения,— читаем мы в упомянутом документе,— изведенные долголетним опытом, непрочность влияния нашего на степь через туземных ханов и султанов, нередко действовавших в ущерб интересам России, и необходимость принятия более прочных мер для охраны наших границ и торговых сношений заставили в 20-х годах изменить систему управления»²⁴.

К тому же даже в начале второй половины XIX в. российские власти не определяли точных границ Младшего жуза. «Южная граница,— писал Л. Мейер,— ...неопределенна. Обыкновенно считают Яны-Дарью за предел наших владений на юге. Здесь... соседственного

²² С. Зиманов. Политический строй Казахстана конца XVIII — первой половины XIX века, стр. 5.

²³ А. И. Левшин. Описание киргиз-казачьих... орд и степей, ч. III. СПб., 1832, стр. 156—157.

²⁴ ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 228, д. 7, л. 2.

владения нет, потому что пустыня Кизил-кум фактически не принадлежит никому»²⁵.

Кстати сказать, Министерство иностранных дел России в течение многих десятков лет было убеждено в полезности отсутствия твердой границы в этом районе. Во всеподданнейшем докладе управляющего МИД графа К. В. Нессельрода от 14 января 1850 г., например, указывалось, что интересы России состоят в том, чтобы «отложить проведение пограничной линии на возможно более долгий срок»²⁶. В условиях, когда Россия ставила перед собой цель — присоединение Средней Азии, установление твердых границ в то время сковало бы дипломатическую деятельность царского правительства в этом направлении.

Таким образом, для XVIII и начала XIX в. употребление термина «подданство» по отношению к казахам представляется неправомерным. Здесь речь идет о российском протекторате. Термин о российском подданстве правомерен лишь со времени распространения на казахов общероссийских законов, то есть не ранее середины 50-х годов XIX в.

Фактически же о российском подданстве казахов можно говорить лишь после того, как царское правительство, вынужденное пойти на удовлетворение все возрастающих потребностей промышленного производства развивающегося российского капитализма во внешних рынках, дешевых источниках сырья и торговых путях, осуществило во второй половине XIX в. присоединение Уссурийского края, прочно закрепило позиции России на обширном побережье Тихого океана и, оправившись от поражения в Крымской войне, двинуло свои войска в глубь Средней Азии для ее присоединения; точнее, после того, как на основе «Временного положения о степных областях» в 1868 г. была введена новая система управления, по которой казахскую степь разделили на Уральскую, Тургайскую, Акмолинскую, Семиреченскую, Семипалатинскую и Сырдарьинскую области, а области, в свою очередь, на уезды и волости

---

²⁵ Л. Мейер. Киргизская степь оренбургского ведомства, стр. 11.

²⁶ АВПР, ф. Главный архив 1—1, 1850, л. 92, л. 4; А. Л. Попов. К истории завоевания Средней Азии. «Исторические записки», т. 9, стр. 198.

и ввели уездных начальников, волостных старшин и т. п. Казахстан стал играть роль сырьевого придатка России, выгодного рынка сбыта. «Юг и юго-восток Европейской России,— писал В. И. Ленин,— Кавказ и Средняя Азия, Сибирь служат как бы колониями русского капитализма...»²⁷.

Вместе с тем было бы неправильно пытаться в отношениях между Россией и Казахстаном искать протекторат в чистом, классическом его выражении. Как известно, политические международно-правовые институты — протекторат и вассалитет — возникли в определенных исторических условиях создания колониальных империй, завершившихся в конце XIX — начале XX в. разделом мира между крупнейшими империалистическими государствами. Хотя в России и Казахстане в XVIII в. в целом господствовал феодализм, находившийся, разумеется, на различных этапах его зрелости, для России безвозвратно прошел период «использования» принципов протектората и вассалитета. Создав мощную централизованную государственную машину с большой армией, бюрократическим аппаратом, царизм уже не нуждался в системе вассалитета для регулирования внутривнутриполитических отношений, и он стал упраздняться при Петре I. Внешнеполитические интересы России во вновь присоединяемых землях также обеспечивались в основном не вассальными обязательствами, а, прежде всего, военно-политической силой самого русского централизованного государства. Особенно это проявилось в тех районах, где интересы России сталкивались с могущественными в то время соперниками (Англия, Франция, Австрия, Пруссия, Турция, Персия, Китай), где соотношение борющихся сил постоянно изменялось, создавая для местных владельцев известный соблазн быстрой политической переориентации.

Конечно, в Казахстане было несколько иное положение, ибо он в XVIII в. еще не представлял зону самых острых и постоянных политических конфликтов России со своими западными и восточными конкурентами, как это было в XIX в. Поэтому та форма сравнительно слабого подчинения России Младшего и Среднего жузов, которая имеет много общего с протекторатом

---

²⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 86.

и в основном может быть названа протекторатом, вполне устраивала Россию. Однако в полном смысле этого слова считать протекторатом зависимость казахских ханов от России в классическом его выражении нельзя. Протекторат предполагает определенные взаимные отношения «протектора» и «протектируемого», сложившиеся в условиях феодализма.

Отношения между казахскими властителями и Россией в XVIII в. не были и типично вассальными. Сюзерен периода вассалитета — это относительно слабая ступень феодальной иерархической лестницы, чья военная мощь в значительной степени зависела от мощи вассалов, от их верности взятым обязательствам. Вассал этого периода — феодал, который находится в зависимости от сюзерена и получает от него землю (лен или феоде). Казахские же владельцы (ханы, султаны) не получали от России и ее императоров никаких феодедов или ленов. Их повинности не были основаны на земельных отношениях. Суть же вассальных отношений предполагает, хотя и ограниченную, но известную сферу независимости вассала, которая полностью признается сюзереном и охраняется им. Эти отношения не усматриваются в отношениях между царской Россией и Казахстаном.

С учетом всего этого можно констатировать, что Россия умело использовала (и это устраивало казахских владельцев) несколько видоизмененный по содержанию и форме институт протектората, который сочетался с элементами вассалитета. Разумеется, эти международно-правовые категории были неизвестны в XVII—XVIII вв. Они появились лишь в конце XIX — начале XX в., отражая явления, свойственные эпохе империализма. Применительно к Казахстану, равно как и к большинству других нерусских областей империи, политика царизма, будучи более или менее либеральной, в зависимости от обстановки в дальнейшем неуклонно утрачивала налет либерализма и становилась все более откровенно великодержавной, угнетательской, обнаруживая в отдельных случаях различие в форме и степени, но не в существе и характере.

Подлинную свободу, равноправие и государственный суверенитет казахский народ получил лишь в результате Великой Октябрьской социалистической революции,

освободившей его, как и все угнетенные народы России, от социального и национального гнета и открывшей ему широкий и светлый путь.

2. Казахстан во внешней политике России (вместо заключения)

Мы попытались в этой работе более широко поставить вопрос о роли Казахстана в системе внешней политики царской России и пересмотреть некоторые бытующие в науке мнения. Как нам представляется, это дало ключ к расшифровке существа различного рода толкований, а иногда и недопонимания отдельных явлений в данной проблеме. Можно только сказать, что задача изучения этого вопроса относится к числу нелегких, так как при этом приходится не только ломать установившиеся еще с дореволюционных времен традиции, но и вступать в резко принципиальные споры с коллегами.

Имеющиеся работы о взаимоотношениях России с национальными окраинами в XVI—XVIII вв. посвящены, как правило, рассмотрению конкретных и узких вопросов взаимоотношений отдельных областей с Российской империей. В них отсутствует рассмотрение совокупности явлений и изучение процессов на фоне всей российской внешнеполитической системы.

Мы проследили историю взаимоотношений Казахстана с Россией не с позиций общепринятой методики (Казахстан — Россия), а в обратном направлении (Россия — Казахстан) и интерпретировали их в плане сложившихся традиций между Россией и национальными окраинами на Востоке.

Для российского двора на первых порах реализация восточной политики в значительной мере зависела от позиции казахских владетелей и от степени их близости к нему. Поэтому суть начального этапа российско-казахских связей сводилась не к завоеванию территории Казахстана как самоцели, а к использованию его в качестве средства для осуществления восточной политики вообще. Лишь на втором этапе освоение казахских земель приобрело характер непосредственной задачи. Цели российского двора сочетались со стремлением казахских феодалов к установлению прочных

связей с ним. Это диктовалось различными причинами: борьбой за гегемонию в степи, внешней опасностью, торговыми интересами и т. п. Постепенно эти связи превратились в отношения господства и подчинения.

Опираясь на анализ конкретного и разнообразного исторического материала, а также на сумму мнений, рассмотренных и проанализированных в настоящей монографии, мы можем резюмировать следующее.

1. Говоря об истоках и ходе реализации политики царского правительства по отношению к соседним народам юга и юго-востока, уместно, очевидно, вспомнить внешнеполитическую традицию, бытовавшую при княжеских домах еще задолго до XVI в., точнее в период наиболее тесных контактов Киевской Руси с ее непосредственными кочевыми соседями — печенегами, черными клобуками и половцами (в восточных источниках — кипчаки). Нет надобности говорить, что скотоводческое хозяйство кочевников естественно предполагало в исторически обозримое время необходимость товарообмена с оседло-земледельческими центрами. Главным же принципом этого товарообмена были систематические мирные торговые связи. Их нарушение пагубно отражалось на жизни тех и других. В таких случаях, когда в силу каких-либо условий мирные торговые контакты становились невозможными, наступал период длительных грабительских войн.

Напор со стороны кочевников, как правило, был более своевременнее и опустошительнее. По этой причине (данное обстоятельство неоднократно отмечается в документах) южнорусские княжества искали и нашли не столь уж новый для истории вообще, но вполне эффективный метод обеспечения безопасности своих границ силами самих кочевников путем привлечения части их на свою сторону в качестве охранных пограничных войск. Так, в частности, появились «половцы дикие» и «половцы наши».

Это было не единственное средство сохранения мира на границах. Установление непосредственных родственных (брачных) отношений между царствующими домами, известных под названием «договоров о мире и родстве», также практиковалось из столетия в столетие и, несомненно, приносило положительные результаты для

обеих сторон. Наконец, направление аманатов и посылка лейб-охраны к дружественному правителю, в свою очередь, предполагали не только безопасность владельца, но и гарантию предотвращения враждебных действий с его стороны по отношению к соседу.

2. Подобные меры предпринимались при дворах русских князей и после монгольского нашествия. Чтобы не отвлекаться от основной канвы нашего исследования, напомним лишь, что аналогичная манера сохранения добрососедских отношений постоянно имела место и в других государствах, кочевых и оседлых.

В изучаемый нами период эта традиция, несмотря на ее видоизменение и перенесение центра тяжести в иные аспекты, не была утрачена, поскольку, повторяем, в это время царизм еще не преследовал цели освоения Казахстана в экономическом плане. К тому же в то время еще не созрели и условия для вхождения Казахстана в состав России. Выше мы уже говорили, что в основе политики российского правительства до XVI в. по отношению к восточным соседям, в особенности к казахским ханствам, лежало стремление упрочить политические связи. Это было продиктовано сложностью международного положения, в первую очередь на Западе. Россия, ослабленная многолетней борьбой на юге, востоке и западе, в условиях численного превосходства противников, была оттеснена от выходов к морям. Но уже в XVI—XVII вв. главные европейские державы увидели в ней серьезнейшего конкурента в международных делах и потенциального противника и соперника в торговле с Востоком в широком смысле слова. Не имея для борьбы с российским государством достаточных сил и не желая подвергать опасности собственные земли, страны Европы объединенными усилиями стремились вовлечь в борьбу с Россией восточные государства, в первую очередь Турцию, следуя принципу «уничтожать варваров руками варваров». Повод оказался достаточно благоприятным, поскольку в это время Россия, оторванная прежде от торговых путей, пролежавших через Черное море, теперь вплотную подошла к его берегам.

С другой стороны континента России угрожала Джунгария, а затем — Цинская империя. В то же время пограничные отношения с Джунгарией никогда не

превращались в серьезную угрозу, и связи Джунгарии и России, как правило, оставались достаточно миролюбивыми. Столкновения интересов Российской и Цинской империй также не приводили к открытым конфликтам и в целом не выходили из области дипломатических отношений ханов казахских жузов с правительствами обоих государств. Несмотря на это и в этих условиях российский двор был вынужден обратить самое пристальное внимание на земли Казахстана как на наиболее удобный в стратегическом отношении плацдарм для предотвращения опасности, грозившей России. Этому в немалой степени способствовало и то, что уже в XVI в., после падения Казанского и Астраханского ханств, а несколько ранее и Золотой орды, Россия превратилась в страну, для которой Казахстан оказался непосредственным соседом.

Упрочение Российской империи в казахских степях означало возможность противостоять натиску Джунгарии, а после разгрома ее маньчжурами — цинским войскам на Востоке, противодействовать проникновению Англии в Среднюю Азию со стороны ее колонии Индии, а также турецкой угрозе с Черного моря. Нельзя сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что в те годы усилились экспансионистские устремления персидского двора в сторону Закавказья и Средней Азии.

Таким образом, мы в состоянии констатировать, что российская дипломатия рассматривала территорию Казахстана, во всяком случае на первых порах, как важное средство для жизнеобеспечения своего государства. Вот почему Казахстан стал приобретать роль важнейшего стратегического звена в системе внешней политики России и, следовательно, обретать определенное значение в решении наиболее существенных международных проблем того периода. Приобретение Россией земель в Казахстане, создание крепостей и укрепленных линий способствовали укреплению ее международного положения вообще, позиций в Азии в частности, хотя центр тяжести внешней политики Российской империи продолжал оставаться на Западе.

3. Вместе с тем характер и направление российской политики в Казахстане определялись также стремлением проложить через казахские степи безопасные и прочные торговые пути на азиатские рынки. Впервые четко сформулированная программа этой политики, явившей-

ся дальнейшим развитием и практическим претворением в жизнь замыслов, унаследованных еще от Московского государства, была осуществлена при Петре I.

Если Московское правительство в XVI—XVII вв. исходило в своих интересах к Казахстану главным образом из возможности использования его в качестве перевалочной базы в монопольной торговле шелком с Западной Европой, еще не имея в виду непосредственного присоединения этой территории к России, то в планах и практических мерах петровской эпохи это не исключалось, только осуществление их расчленилось на несколько последовательных этапов и сопровождалось рядом подготовительных действий. При этом все подчинялось одной цели — наилучшему обеспечению беспрепятственной и безопасной торговли с восточными странами вплоть до пределов Индии и Китая.

Дело в том, что, как мы уже видели, России нужно было удовлетворить потребности зарождавшейся промышленности в сырье, господствующего класса — в предметах роскоши, государственной казны — в денежных средствах. Страна нуждалась в расширении внутренних и внешних рынков, в удобном транзите, вовлечении иностранных купцов в сферу российской внешней торговли, защите интересов российского купечества, овладении морскими портами и торговыми пунктами, ибо, как указывал Маркс, «внезапное расширение мирового рынка, возросшее разнообразие обращающихся товаров, соперничество между европейскими нациями и стремление овладеть азиатскими продуктами..., колониальная система — все это существенным образом содействовало разрушению феодальных рамок производства»¹.

К тому же путем приобретения новых земель царизм рассчитывал отвлечь внимание крепостного крестьянства от борьбы с его угнетателями, ослабить противоречия внутри страны.

Таким образом, если признать, что царское правительство преследовало в Казахстане далеко не альтруистические цели (и это представляется нам аксиомой), то следует сделать вытекающий отсюда вывод: транспортная торговля края в Россию оказывала воз-

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. 1, стр. 365.

действие и на экономику самой империи так же, как, скажем, участие казахов в крестьянской войне под предводительством Е. И. Пугачева облегчало русскому народу борьбу против самодержавия. В этой связи вряд ли правомочно рассматривать русско-казахские отношения сквозь призму протянутой за подавляющим рукой и сбрасывать со счета экономические и военно-политические интересы царизма в Казахстане и Средней Азии.

4. Основными формами русско-казахских отношений являлись дипломатические и торгово-экономические связи, история которых была очень сложной и изобилвала как взлетами, так и падениями.

В этот период усиливается поток дипломатических миссий из России в Казахстан и обратно, которые были достаточно многочисленными и сопровождались купеческими караванами с большим количеством товаров. Если в XVI в. посольско-торговые караваны принимались только в Москве, то в XVII в. и позднее они стали приниматься и в таких крупных торговых центрах, как Самара, Саратов, Казань, Ярославль, Тобольск и др.

Здесь мы можем сделать одну существенную оговорку: пользуясь документацией придворных канцеляристов, исследователи подчас воспринимают посольства и сопровождавшие их купеческие караваны исключительно как выражение даннических отношений. Как показано выше, в подавляющем большинстве случаев этот процесс был взаимообразным и, следовательно, являлся одной из форм естественного товарообмена оседло-земледельческой России с кочевническим хозяйством казахской степи. Формы этого товарообмена могли быть самыми разнообразными. Если казахские шаруа, так называемый «черный люд», относились вполне терпимо и лояльно к иноземным купеческим экспедициям, то предводители казахской степи выполняли зачастую роль рыцарей-разбойников с неизменным обещанием возместить потерпевшим купцам убыток «по цене лошадей и животиною» в расчете на то, что награбленное имущество будет не только в какой-то части присвоено, но и по баснословным ценам распределено между их подданными.

Таким образом, казахские ханы и другие владельцы присоединялись к процессу неэквивалентного обмена и совмещали в себе роль не только рыцарей-разбойни-

ков, но и купцов. Как говорил Маркс, купеческий капитал присваивает себе подавляющую часть прибавочного продукта, а «торговый капитал имеет преобладающее господство, он представляет систему грабежа». Маркс далее приводит слова Мартина Лютера: «...купцы — не меньше разбойники, чем рыцари, ибо купцы ежедневно грабят весь мир, тогда как рыцарь в течение года ограбит раз или два, одного или двух»². Иными словами, в данном сочетании так называемого «рыцарства», то есть обыкновенного грабежа, с реализацией награбленного имущества среди собственного населения мы видим вполне своеобразную черту местного феодализма.

5. В предыдущих опубликованных работах нам уже не раз приходилось говорить и в данной книге мы вновь акцентируем внимание на то, что стремление казахских феодалов к союзу с могущественной Россией преследовало далеко не бескорыстные цели. В рассматриваемое время Казахстан оказался в круговой опасности от своих агрессивных соседей. Джунгария и Цинская империя, с одной стороны, среднеазиатские ханства, с другой, Персия, с третьей, — все это ставило казахскую степь в действительно безвыходное положение, и поэтому поиски могущественного союзника представляли для Казахстана задачу первостепенной важности. Во всяком случае после присоединения Казахстана к России всякая агрессия против него не могла пройти безнаказанно для агрессоров.

Не меньшей опасностью для становления единого и централизованного казахского государства были постоянные непрекращающиеся усобицы местных владельцев. При взгляде на историю Казахстана тех лет мы не найдем ни одной страницы, где бы не сообщалось о взаимной вражде предводителей племен или жузов, каждый из которых стремился к гегемонии в степи. Обращение к помощи русского оружия в перспективе могло означать для каждого из них возможность военного и политического преимущества перед соперником. Поэтому обращения к российским царям со стороны одних казахских ханов и представителей разных племен или жузов далеко не всегда соответствовали интересам

---

² Там же, стр. 364.

других феодалов. Тем не менее все эти обращения, какими бы интересами в каждом отдельном случае они ни были продиктованы, явились отражением и выражением общей естественной тенденции к союзу с Россией, к упрочению политических, торговых и военных контактов с ней.

Формы поиска этого союза были разнообразны, и за давностью лет ученые иногда оказываются в заблуждении относительно этих форм, поскольку единственным источником для определения их являются документы российского Посольского приказа, Коллегии иностранных дел и Правительствующего сената. В дополнение к этому мы должны пояснить, что по установившемуся в то время стандарту толмачи из Посольского приказа, а затем и Коллегии иностранных дел, как правило, пользовались таким методом перевода иноязычных посланий, который более всего устраивал великодержавные чувства российского царя. В результате получалось, что письмо с выражением добрососедских чувств или просьбы о военной помощи нередко звучали и толковались как признание протектората, вассалитета или подданства по отношению к России, а караваны с обменными дарами воспринимались как принесение дани. Разумеется, этот метод интерпретации документов не мог не наложить отпечатка и на сами отношения, хотя русский двор исходил из реального положения вещей и не строил себе иллюзий на этот счет.

В результате внимательного обзора и изучения этих документов и событий мы пришли к убеждению, что и вся терминология, использованная в них, нуждается если не в исправлении, то, по крайней мере, в более точном толковании. Вот почему, на наш взгляд, следует считать, например, что для XVIII — первой половины XIX в. употребление термина «подданство» по отношению к казахам является неправомерным. Здесь речь идет о несколько видоизмененном по содержанию и форме институте протектората, который включал в себя элементы вассалитета. Термин о российском подданстве казахов юридически правомерен лишь со времени распространения на казахов общероссийских законов, точнее после того, как на основе «Временного положения о степных областях» в 1869 г. была введена новая

система управления, по которой Казахстан был разделен на генерал-губернаторства и области. Это, разумеется, не означает, что Россия до этого не пользовалась влиянием в жузах. Именно в XVI — первой половине XIX в. происходил активный процесс закрепления прав России на казахские земли. Российский протекторат (покровительство) над казахской степью постепенно подготовил ее к положению как бы колонии российского империализма.

6. Изложенный в монографии материал позволяет заключить, что политика российского государства в отношении Казахстана, как и других азиатских держав, не оставалась неизменной. Она диктовалась общей обстановкой на международной арене. Так, например, в XVII в. Россия искала союза и дружбы с Персией, а в XVIII в. последняя оказалась противником России, остро антагонистическими русско-турецкие отношения стали лишь со середины XVIII в. Несмотря на заинтересованность Российского правительства в поддержании добрососедских отношений с Цинской империей, как основным источником доходов от продажи ей пушнины, эти отношения, зародившись в XVII в., непрерывно ухудшались и в XVIII в. приобрели исключительно острый характер.

В этой связи следует констатировать, что в зависимости от складывавшихся отношений главные азиатские державы меняли задачи и политику друг к другу. Соответственно менялись цели и политика России к ним, в зависимости от которых в каждый исторический отрезок времени происходила расстановка сил и определялись международные отношения на азиатском и европейском континентах.

Русско-казахские отношения и последующее присоединение Казахстана к России не являются изолированным процессом, и тем более стихийным. Будучи частью внешнеполитического курса России, совпавшего с интересами и политикой казахских владетелей, этот процесс вписывается в общий фон международных отношений того времени. Главное же состоит в том, что он был подчинен насущным потребностям как Российской империи, так и казахских ханств. Поэтому в сферу русско-казахских отношений так или иначе включались и такие проблемы, как отношения России со среднеазиат-

скими ханствами, Закавказьем, Северным Кавказом, Турцией, Персией, Афганистаном, Китаем, Индией и другими странами.

7. В задачу нашего исследования не входило участие в многолетней полемике по вопросу о характере присоединения Казахстана к России. Довольно исчерпывающий свод мнений по этой теме читатель найдет в обширной литературе, указанной во вводной главе. Скажем только, что Казахстан был присоединен к России тогда, когда это стало выгодно царскому правительству. Как это видно из нашего исследования, однобокие утверждения отдельных авторов, которые, с одной стороны, в той или иной степени идеализируют колониальную политику царизма, а с другой — считают, что присоединение Казахстана к России разрушало его производительные силы, не имеют под собой реальной почвы. Такая трактовка весьма важного вопроса идет вразрез с исторической действительностью и вносит путаницу в его разрешение.

Здесь, однако, следует заметить, что процесс присоединения Казахстана к России, сочетавший в себе элементы доброй воли и принуждения, был крайне сложным и противоречивым. Его никак нельзя упрощать. Это не односторонний акт, а длительный и сложный процесс, изобиловавший как взлетами, так и падениями. Когда мы говорим о сложности и противоречивости этого процесса, надо прежде всего иметь в виду, что к варварскому социальному гнету казахских трудящихся масс местными феодалами прибавилось жесточайшее национально-колониальное угнетение эксплуататорами из метрополии, а на последующем этапе — и западноевропейским капиталом. «Нам,— писал В. И. Ленин,— представителям великодержавной нации крайнего востока Европы и доброй доли Азии, неприлично было бы забывать о громадном значении национального вопроса — особенно в такой стране, которую справедливо называют «тюрьмой народов»...

Нам больше всего видеть и чувствовать, каким насилием, гнету и издевательствам подвергают нашу прекрасную родину царские палачи, дворяне и капиталисты»³.

---

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 106—107,

«...Царизм,— продолжает В. И. Ленин,— не только угнетает... 9/10 населения экономически и политически, но и деморализует, унижает, обесценивает, протуирует его, приучая к угнетению чужих народов, приучая прикрывать свой позор лицемерными, якобы патриотическими фразами»⁴.

Эти замечания В. И. Ленина и документы, использованные в данной работе, позволяют сделать вывод о том, что смена верховной власти не принесла никакого облегчения трудящимся казахам, поскольку всеми ее плодами пользовались лишь казахские феодалы, в защиту которых встали царские законы. Еще не сбросив с себя цепей феодального рабства, многострадальный казахский народ попал под жесточайший колониальный пресс царизма. Царская администрация делала всё для того, чтобы, кроме всего прочего, ликвидировать и без того слабую казахскую государственность.

Нельзя забывать и того, что политика царизма в Казахстане преследовала определенные классовые цели. Так, например, при проведении земельной политики царское правительство совершенно не считалось с внешнеполитическими обстоятельствами и внутрифеодальной борьбой, в результате чего казахи потеряли свои старые места кочевий в южных районах Казахстана. Вынужденные кочевать вдоль Янка, казахи пытались использовать земли на его правобережье и на берегу Каспийского моря, особенно в зимний период. Но царское правительство, не считаясь с земельной теснотой у казахов, распоряжением сренбургского губернатора И. Неплюева в 1742 г. и законом, принятым императрицей Елизаветой Петровной в 1756 г., запретило населению Младшего и Среднего жузов перегонять скот через Яик и Иртыш, в низовья Ишима и Тобола, предварительно укрепив пограничный район цепью военных укреплений. Была установлена запретная десятиверстная полоса.

Эти и им подобные насильственные акты колониальной администрации вызвали у населения казахской степи справедливое возмущение, вылившееся в цепь восстаний в конце XVIII в. Знаменательным событием в жизни казахов XVIII в. явилось их участие (Младше-

---

⁴ Там же, стр. 109.

го и частично Среднего жузов) в крестьянской войне под предводительством Е. И. Пугачева, антикрепостнический характер которой вел к дифференциации классовых сил в степи. С этого времени намечается процесс активизации антифеодальных выступлений шаруа. Но лишь крестьянская война способствовала тому, что многочисленные слои казахского общества стали все более убеждаться в несовместимости их интересов с интересами феодалов.

Известно, как жестоко расправлялись царские сатрапы с казахами, участвовавшими в крестьянской войне, национально-освободительном движении под руководством Срыма Датова, Исатая Тайманова, Исета Котибарова.

Царская Россия, представлявшая собой колоссальную военную державу, за 200 лет, предшествовавших первой мировой империалистической войне, знала всего 72 года мира. Царизм провел за эти годы 33 внешних войны, не считая гражданских со своими собственными народами⁵. И хотя государства всех антагонистических формаций в соответствии с интересами господствующих классов прибегали к войнам, как к «естественному средству достижения своих политических целей»⁶, это ни в коей мере не оправдывает реакционных правителей империалистических государств вообще и царской России, в частности, весьма выгодное географическое положение которой, а также многочисленная армия превращали ее в опасного противника национально-освободительного движения и надежного союзника западноевропейских держав и США по дележу колоний на Востоке.

Уместно в связи с этим вспомнить высказывание В. И. Ленина о том, что «царизм и великорусская буржуазия своим угнетением оставила в соседних нациях тьму озлобления и недоверия к великорусам вообще, и это недоверие надо рассеять делами, а не словами»⁷.

---

⁵ К. Ф. Шацкило. Развитие вооруженных сил России накануне первой мировой войны. Автореферат докторской диссертации. М., 1968, стр. 19.

⁶ Е. М. Жуков. Интернационализм в борьбе за мир. «Международные отношения, политика, дипломатия XVI—XX века». Сб. статей к 80-летию академика И. М. Майского. М., 1964, стр. 23.

⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 379.

Это было сделано лишь благодаря Великой Октябрьской социалистической революции, которая привела к окончательной ликвидации российского империализма, угнетавшего народы Востока, жестоко подавлявшего национально-освободительное движение.

Мы, однако, не должны забывать, что присоединение Казахстана к России явилось крутым поворотом в судьбах казахского народа. Оно способствовало созданию основ для его быстрого экономического развития, значительному расширению русско-казахской торговли, укреплению дружественных связей казахов с великим русским народом. Достаточно сказать, например, что запрещение рабства в казахской степи, меры по оседанию (хотя и недостаточно эффективные) в какой-то степени облегчали положение и простых казахов. К тому же, как говорилось выше, теперь ни одна агрессия против Казахстана не могла пройти безнаказанно для нападающих. Тем самым создавались весьма прочные условия для обретения казахским народом гарантий от внешних нападений и потрясений от внутренних усобиц. Казахи были выведены из состояния социально-экономического застоя.

«Было время, когда волною кипело невежество и варварство среди киргиз,— писали казахи Тургайской области в 1884 г.— Набеги и схватки с соседями, отнятые друг у друга скота, порабощение женщин и т. д.— все это составляло фон внутренней жизни киргизского народа. Но могучая воля Абулхаир-хана положила предел вековому мраку... этот хан разом прозрел всю его (народа.—Е. Б.) печальную будущность и поспешил предупредить ее. В 1731 г. Абулхаир-хан, с согласия благомыслящих народных представителей,... предложил судьбу своего народа российскому престолу через особое посольство. Предложение его было принято с величайшей снисходительностью и уважением. Таким образом, Абулхаир начал собой эпоху, откуда открывается для киргиз новый мир... и постепенно начинается стремление к общечеловеческому сближению в смысле цивилизации»⁸.

Идеи русской демократической культуры, которую

---

⁸ «О значении Алтынсарина для киргиз в литературном отношении». «Оренбургский листок», 1884, № 15.

олицетворяли декабристы, петрашевцы, ссыльные поляки, А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, делами которых так гордился В. И. Ленин, воздействовали на формирование взглядов и творческой деятельности просветителей всех угнетенных народов, в том числе и казахского. Они явились той благодатной почвой, на которой родились истоки великого содружества всех народов бывшей Российской империи. Создавались реальные предпосылки для слияния национально-освободительного движения с общеевропейским революционно-демократическим, а затем и всероссийской пролетарской революционной борьбой. Сочетание национально-освободительного движения на окраинах России с революционной борьбой трудящихся всей страны привело к совместному выступлению казахского народа с народами всей России в буржуазно-демократических революциях 1905 и 1917 гг. и Великой Октябрьской социалистической революции, создавшей условия для подлинного расцвета всех творческих сил ранее угнетенных народов, в том числе и казахского.

Русский народ, его экономика и культура, а впоследствии русский пролетариат и его революционные традиции оказали решающее влияние на судьбы казахского народа, который после Великой Октябрьской социалистической революции стал на широкий путь политического, экономического и культурного развития, создания своего подлинного суверенного государства, вошедшего в добровольный Союз Советских Социалистических Республик.

Именно поэтому следует считать, что, несмотря на колонизаторско-экспансионистскую политику царизма, в целом присоединение Казахстана к России имело объективно прогрессивное значение.

Непосредственно же для Российской империи этот процесс имел не только экономическое, но и стратегическое значение, поскольку была решена одна из важнейших задач приобретения столь важного звена в системе внешней политики России. Это, в свою очередь, явилось одним из факторов упрочения позиций царской России на международной арене.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Предисловие	3
Глава первая. Проблема, источники, литература	8
Глава вторая. Предпосылки русско-казахских взаимоотношений	
1. Проблема безопасности юго-восточных границ России	48
2. Становление русско-казахских взаимоотношений	74
Глава третья. Установление систематических русско-казахских связей и их историческая обусловленность	
1. Начало присоединения Казахстана к России	120
2. Присяга «четырехсот»	138
3. С дипломатическими миссиями в казахскую степь	157
4. Наследники Абулхаира и царская администрация	178
Глава четвертая. Политика России в Казахстане после разгрома Джунгарского ханства	
1. Политические последствия разгрома Джунгарии	207
2. Развитие и дальнейшее упрочение русско-казахских отношений	217
Глава пятая. Казахстан в системе внешней политики России	
1. О сущности и формах взаимоотношений России и Казахстана	250
2. Казахстан во внешней политике России (вместо заключения)	261

Басин Валентин Яковлевич

Россия и казахские ханства в XVI—XVIII вв.

*Утверждено к печати Ученым советом
Института истории, археологии и этнографии
Академии наук Казахской ССР им. Ч. Ч. Валиханова*

Редактор *В. И. Настенко*
Худож. редактор *И. Д. Суцких*
Техн. редактор *З. П. Ророкина*
Корректор *Г. А. Сулейманова*

* * *

Сдано в набор 13/X 1970 г. Подписано к печати 28/XII 1970 г.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага № 1. Усл. печ. л. 14,15.
Уч. изд. л. 16. Тираж 3000. УГ09229. Цена 1 р. 84 к.

* * *

Типография издательства «Наука», г. Алма-Ата, ул. Шевченко, 28.
Зак. 157.